КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

АВГУСТЪ.

1899 г.

Редакція журнала „Кіев. Старина“ съ 1-го августа переведена на Тарасовскую ул. д. № 15.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Третій археологическій съѣздъ въ Кіевѣ 1874 г.

I. Отъ редакціи.

Когда выйдетъ въ свѣтъ настоящая книга нашего журнала, въ Кіевѣ откроетъ свои засѣданія *одиннадцатый археологическій съѣздъ,* вторично собирающійся въ Кіевѣ послѣ 25-тилѣтняго промежутка. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что, по обычаю всѣхъ бывшихъ съѣздовъ, труды настоящаго съѣзда будутъ въ значительной долѣ посвящены вопросамъ, близко стоящимъ къ протекшей жизни нашего родного юга, а слѣдовательно къ вопросамъ, составляющимъ прямую задачу и нашего изданія. Какъ органъ археологическій, историческій и литературный, нашъ журналъ позаботится о томъ, чтобы въ ближайшихъ книжкахъ познакомить читателей со всѣми тѣми докладами, которые на предстоящемъ съѣздѣ затронутъ интересующіе насъ сюжеты; но какъ органъ, носящій названіе „Кіевская Старина", нашъ журналъ считаетъ себя обязаннымъ теперь дать историческую справку о томъ, что происходило на такомъ-же съѣздѣ 25 лѣтъ назадъ, и потому рѣшаетъ помѣстить на своихъ страницахъ, въ видѣ воспоминанія, перечень всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ изъ области археологіи, исторіи, этнографіи, литературы и языка южной Россіи, затронутыхъ на бывшемъ въ 1874 году археологическомъ съѣздѣ. Сверхъ того, напоминаемъ и облики тѣхъ

участниковъ прошлаго кіевскаго съѣзда, которые пожелали тогда сняться группой, теперь представляющей уже сравнительную рѣдкость. При взглядѣ на эту группу, невольно вспомнишь стихъ: „Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече"; а объ иныхъ намъ не удалось собрать свѣдѣній, и потому въ прилагаемомъ спискѣ членовъ группы мы отмѣчаемъ крестикомъ всѣхъ лицъ, о смерти которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ даже съ указаніемъ года. Номера въ прилагаемомъ спискѣ соотвѣтствуютъ номерамъ на самой группѣ.

II. Списокъ членовъ съѣзда, помѣщенныхъ на группѣ.

Всѣхъ членовъ 3-го археологическаго съѣзда было 204, но на группѣ снялись только 90 человѣкъ.

1. Амфилогій, архимандр. † 1893
2. Антоновичъ, В. Б., секретарь съѣзда.
3. Беренштамъ В. Л.
4. Бранденбургъ, полковникъ.
5. Борисовъ В. В. †
7. Брикнеръ А. Г. † 1896.
7. Бунге Н. К., ректоръ унив. св. Владиміра † 1895.
8. Волковъ Ѳ. К.
9. Воскресенскій, протоіерей.
10. Вороновъ, проф. Кіев. духов. академіи † 1883.
11. Голдава-Тышинскій †
12. Голубевъ С. Т.
13. Давидовичъ И. Н.
14. Демидовъ, князь Санъ-Донато П. П., предсѣдатель распорядительнаго комитета † 1885.
15. Дашкевичъ, Н. П.
16. Драгомановъ М. П. † 1895.
17. Д-ръ Дудинъ-Беда † 1880.
18. Дундуковъ-Корсаковъ кн. В. М.
19. Ефименко П. С.
20. Житецкій П. И.
21. Забѣлинъ И. Е.
22. Ивановскій Л. К. † 1892.
23. Иващенко П. С. †
24. Иверсенъ Н. Б.
25. Иконниковъ В. С.
26. Иловайскій Д. И.
27. Ильницкій Л. В. †
28. Калужнянцкій Е. I.
29. Кибальчичъ Т. В.
30. Ключевскій В. О.
31. Коморошинъ М., протоіерей.
32. Кондаковъ Н. М.
33. Константиновичъ Н. А. †
34. Константиновъ Гедеонъ, архимандритъ †

35. Копфъ А. А.
36. Костомаровъ Н. И. † 1885.
37. Лашкаревъ П. А.
38. Лебединцевъ П. Г. † 1896.
39. Левченко М. М. †
40. Леже Луи.
41. Лучицкій И. В.
42. Малышевскій И. П. † 1896.
43. Маркевичъ А. И.
44. Масловъ В. П. †
45. Миллеръ О. Ѳ. † 1889.
46. Миссевскій А. П.
47. Мищенко Ѳ. Г.
48. Модестовъ В. И.
49. Мѣржинскій А. И.
50. Новаковичъ Стоянъ.
51. Оссовскій Г. О. †
52. Петровъ Н. И.
53. Пильчиковъ Д. П. †
54. Площанскій В. М.
55. Поповскій Б. Ю.
56. Поповъ Н. А. † 1888.
57. Прохоровъ В. А. † 1882.
58. Пухальскій С. И.
59. Рамбо Альфредъ.
60. Рогге В. Н.
61. Роговичъ А. С. † 1878.
62. Романовскій Л. М. †
63. Руликовскій Э. О.
64. Румянцевъ В. Е.
65. Савантовъ П. И. †
66. Самоквасовъ Д. Я.
67. Самоновъ Н. П.
68. Синицкій Д. А.
69. Сребницкій И. А.
70. Срезневскій И. И. † 1880.
71. Струковъ Д. М.
72. Стрѣльчевскій В. Е. †
73. Сычуговъ В. И.
74. Терлецкій О. И.
75. Тарновскій Ф. І., казначей съѣзда. † 1884.
76. Толстой графъ М. В. †
77. Трегубовъ Е. К.
78. Троцкій П. А.
79. Тумасовъ Н. С. † 1897.
80. Уваровъ графъ А. С. предсѣдатель съѣзда. † 1884.
81. Хойнацкій А. Ѳ. †
82. Хрущовъ И. П.
83. Цвѣтковскій Е. Е.
84. Шмитъ А. О.
85. Щербаковъ М. Г. †
86. Юзефовичъ М. В. † 1889.
87. Ягичъ В.
88. Яковенко А. П. †
89. Яковлевъ В. И. †
90. Янчевецкій Г. А.

III. Вопросы по археологіи и исторіи южной Руси, обсуждавшіеся на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ того времени, какъ въ 1874 году состоялся въ Кіевѣ III археологическій съѣздъ. Плодотворное его вліяніе на развитіе археологической науки вообще

и на изученіе мѣстныхъ памятниковъ древности въ частности ясно можетъ быть отмѣчено при сличеніи трудовъ этого съѣзда съ дальнѣйшимъ движеніемъ археологической науки за истекшія 25 лѣтъ. Всѣ вопросы, поставленные на третьемъ съѣздѣ, продолжали развиваться по намѣченному пути, и многіе изъ нихъ замѣчательно обогатились тщательною научною ихъ разработкою и многочисленными изслѣдованіями пямятниковъ древности.

Если обратимъ вниманіе на важнѣйшіе въ научномъ отношеніи доклады, сдѣланные на третьемъ съѣздѣ, и на дальнѣйшее развитіе затронутыхъ ими вопросовъ, то убѣдимся въ несомнѣнной пользѣ того живого импульса, которымъ наука обязана археологическимъ съѣздамъ:

По отдѣлу первобытной археологіи на III археологическомъ съѣздѣ сдѣланъ былъ докладъ *г.г. Каменскимъ и Феофилактовымъ* о первой открытой въ Россіи стоянкѣ каменнаго палеолитическаго вѣка въ селѣ Гонцахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Констатировка этого факта вызвала впослѣдствіи цѣлый рядъ поисковъ и аналогическихъ открытій. Въ настоящее время извѣстно уже около 10 стоянокъ палеолитической эпохи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: близъ Мурома (изслѣдов. гр. Уварова), въ губ. Воронежской, Подольской, Томской и т. д. и наконецъ новѣйшая находка, обслѣдованная г. г. Армашевскимъ и Хвойко въ Кіевѣ по Кирилловской улицѣ, которая, судя по геологическому пласту, въ которомъ залегаетъ стоянка, представляетъ древнѣйшій слѣдъ человѣческой жизни, найденный понынѣ на территоріи Россіи.

Къ изслѣдованіямъ неолитическаго періода каменнаго вѣка относились доклады: *Оссовскаго*,—о находкахъ предметовъ каменнаго вѣка на Волыни, и *Волошинскаго*:—перечень предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ губерніи Кіевской и смежныхъ съ нею. Оссовскій указалъ на неолитическія стоянки въ Васьковичахъ, Большой и Малой Мощаницѣ, и на существованіе въ Овручскомъ уѣздѣ ясныхъ признаковъ мастерскихъ, на которыхъ приготовлялись шифферныя пряслицы, а также представилъ отчетъ о первомъ научно-изслѣдованномъ имъ курганѣ камен-

наго вѣка въ селѣ Залужьи Острожскаго уѣзда; Волошинскій-же представилъ перечень предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ до того времени и приведенныхъ въ извѣстность въ губерніяхъ Кіевской и Волынской. Конечно, съ этого времени разработка свѣдѣній о каменномъ вѣкѣ сдѣлала громадные успѣхи; помимо капитальнаго труда гр. Уварова о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, множество изслѣдователей обогатили научную литературу даннаго періода. Мастерскія и стоянки каменнаго вѣка въ одномъ югозападномъ краѣ теперь насчитываются десятками; между тѣмъ какъ Волошинскій въ свое время могъ катологировать только 257 каменныхъ орудій, въ настоящее время, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ и богатымъ коллекціямъ древностей, собраннымъ какъ общественными учрежденіями, такъ и частными лицами, количество предметовъ неолитическаго періода, поднятыхъ на площади юго-западнаго края, достигаетъ вѣроятно цыфры нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

На третьемъ съѣздѣ *г. Самоквасовымъ* представлено было обстоятельное изслѣдованіе о курганахъ и городищахъ Сѣверянской земли; авторъ примѣнилъ впервые къ изслѣдованію славянскихъ кургановъ методъ, установленный гр. Уваровымъ, предложившимъ поставить цѣлью курганныхъ раскопокъ установленіе отличительныхъ признаковъ быта племенъ и народностей, погребавшихъ въ нихъ своихъ покойниковъ; методъ этотъ гр. Уваровъ блестящимъ образомъ осуществилъ въ своемъ изслѣдованіи о Мерянскихъ курганахъ (въ трудахъ 1-го съѣзда); на Кіевскомъ съѣздѣ такой-же интересный очеркъ быта Сѣверянъ былъ представленъ г. Самоквасовымъ; впослѣдстіи методъ этотъ былъ примѣненъ не безъ успѣха другими изслѣдователями, описавшими погребальные типы Древлянъ, Дреговичей, Радимичей, Кривичей; на предстоящемъ съѣздѣ ожидаются рефераты, посвященные Волынскому погребальному типу.

На третьемъ съѣздѣ былъ сдѣланъ опытъ, правда скромный, составить археологическую карту: *г. Константиновичъ* представилъ карту распредѣленія кургановъ въ Черниговскомъ уѣздѣ. Впослѣдствіи попытка г. Константиновича получила примѣненіе

въ болѣе широкихъ размѣрахъ: изданы были археологическія карты нѣсколькихъ губерній, на которыхъ составители старались помѣстить не только курганы, но вообще всѣ памятники древности; изъ числа этихъ картъ къ южнорусскому краю относятся: карты Кіевской губерніи и опыты археологическихъ картъ губерній Харьковской и Херсонской; для предстоящаго съѣзда уже изготовлены археологическія карты губерній Волынской и Подольской; приходится лишь сожалѣть, что, послѣ смерти г. Константиновича, мысль его не получила дальнѣйшаго развитія въ землѣ Черниговской.

Относительно раскопокъ кургановъ на третьемъ съѣздѣ было представлено нѣсколько весьма интересныхъ докладовъ *гг. Оссовскимъ*, *Витковскимъ*, *Люцеко* и т. д., а также во время самаго съѣзда вскрыта была весьма интересная въ научномъ отношеніи группа кургановъ у с. Гатное, представлявшая переходной типъ отъ похоронъ каменнаго вѣка къ скиѳскому похоронному типу; но количество произведенныхъ до того времени раскопокъ было столь незначительно, что факты являлись разрозненными, одиноко стоявшими, не поддавались сколько нибудь точной научной группировкѣ и не могли служить матеріаломъ для широкихъ археологическихъ обобщеній. Съ того времени въ теченіе 25 лѣтъ многими учеными произведено было въ южной Руси множество раскопокъ. Въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Полтавской, Подольской, и Черниговской гр. Бобринскій, г. г. Бранденбургъ, Мазараки, Антоновичъ, Гамченко, г-жа Мельникъ г-жа Абаза, Радзиминскій, Хвойко, Житинскій, Бѣляшевскій и многіе другіе раскопали около 4000 кургановъ, что позволяетъ въ настоящее время не только сдѣлать попытку установить похоронные типы различныхъ племенъ, населявшихъ южнорусскій край въ доисторическое время, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и провести точныя границы расселенія различныхъ племенъ въ доисторическую эпоху жизни даннаго края.—Изслѣдованія раскопанныхъ кургановъ представляютъ рядъ отдѣльныхъ сочиненій и статей, помѣщавшихся въ разныхъ археологическихъ и историческихъ сборникахъ и журналахъ; не останавливаясь на

ихъ перечнѣ, укажемъ лишь такой выдающійся и капитальный трудъ, какъ сочиненіе графа Бобринскаго: „Раскопки и случайныя находки въ окрестности Смѣлы".—Рядъ отчетовъ о раскопкахъ, уже не разрозненныхъ и случайныхъ, а предпринятыхъ по систематическому, впередъ составленному плану, предполагается представить на предстоящемъ съѣздѣ.

На третьемъ археологическомъ съѣздѣ сдѣлано было много докладовъ, касающихся древней исторической жизни Руси вообще и древней исторіи г. Кіева въ частности. Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ представляли капитальныя статьи, частью рѣшавшіе спорные вопросы въ русской исторической наукѣ, частью представлявшіе спеціальныя весьма интересныя изслѣдованія, посвященныя разработкѣ частныхъ вопросовъ древняго періода русской исторіи.—Въ числѣ ихъ мы отмѣтимъ выдающіяся по научнымъ достоинствамъ статьи: *Н. П. Дашкевича* —о Болоховской землѣ; прот. *П. Г. Лебединцева*—Описаніе Кіево-Софійскаго собора; *П. А. Лашкарева*—о Кіевской архитектурѣ X—XII столѣтій, а также нѣсколько рефератовъ, относящихся спеціально къ древностямъ города Кіева: *проф Брунна* —о древнихъ названіяхъ Кіева, *проф. Гаркави*—о древнѣйшихъ арабскихъ свѣдѣніяхъ о Кіевѣ; *г. Юрченка*—о Лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ; *г. Толстого*—о Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, и *свящ. Антонова*—о Кіевской Кирилловской церкви. Судя по программѣ съѣзда и по обѣщаннымъ рефератамъ, мы имѣемъ полную надежду на то, что на предстоящемъ съѣздѣ будутъ употреблены такія-же усилія для разъясненія Волынскихъ древностей, какія на III-мъ съѣздѣ были посвящены изслѣдованіямъ древностей Кіевской земли.

В. Антоновичъ.

IV. Вопросы по южно-русской этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

3-ій археологическій съѣздъ, бывшій въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года, естественно, долженъ былъ затронуть рядъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ мѣстной южно-русской *этнографіи*, для чего между прочимъ послужило богатымъ матеріаломъ прекрасное изданіе историческихъ малорусскихъ пѣсенъ, первый томъ котораго былъ выпущенъ въ свѣтъ какъ разъ ко времени открытія съѣзда. („Историч. пѣсни малорус. народа, подъ редакц. В. Антоновича и М. Драгоманова" т. I. Кіевъ 1874 г.). Самымъ интереснымъ вопросомъ въ этой области явился рефератъ *О. Ө. Миллера* „Великорусскія былины и Малорусскія думы" (напечат. въ „Трудахъ Съѣзда" т. II, стр. 285—306), въ которомъ почтенный изслѣдователь русскаго былевого эпоса хотѣлъ намѣтить остатки слѣдовъ этого эпоса въ какой-нибудь формѣ. Сличеніе нѣкоторыхъ думъ, напечатанныхъ и объясненныхъ въ вышеуказанномъ изданіи, а равно и невошедшихъ въ него, съ богатырскими сказаніями наводило референта на мысль, что богатырскіе образы сквозятъ въ иныхъ очертаніяхъ героевъ малорусскихъ думъ, какъ напр.: въ образѣ Байды, Алексѣя Поповича Пирятинскаго (дума про бурю на Черномъ морѣ), Журилѣ и др. Не находя, впрочемъ, полнаго соотвѣтствія между первыми и послѣдними, О. Ө. Миллеръ приходилъ только по выводу, что былины и думы—это двѣ вѣтви, выросшія не одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ-же деревѣ, т. к. главныя точки соприкосновенія тѣхъ и другихъ—общинно-земскія начала и семейно-родственныя воззрѣнія и чувства, которыми проникнутъ какъ великорусскій, такъ и малорусскій эпосъ.

Рефератъ О. Ө. Миллера тутъ-же на съѣздѣ вызвалъ другой докладъ по этому-же вопросу—*П. И. Житецкаго*, который признавалъ, что связь малорусскихъ думъ съ пѣснопѣніями кіевской эпохи существуетъ, но только не въ былевой поэзіи,

а въ дружинной; что между этой послѣдней и малорусскими думами существуютъ отношенія потомка къ своему отдаленному предку. Поэтому, нельзя искать въ думахъ тѣхъ слѣдовъ, которые указывали-бы, что онѣ вмѣстѣ съ былинами составляютъ два момента одной и той-же поэзіи. По мнѣнію П. И. Житецкаго, надо начинать съ изслѣдованія самихъ думъ въ связи съ исторической обстановкой, среди которой онѣ появились, и тогда только можно будетъ видѣть, есть-ли одинъ общій источникъ для думъ и былинъ. (Напечат. въ Протокол. Съѣзда см. „Труды" т. I, стр. LXVI). Эту работу изслѣдованія думъ въ ихъ происхожденіи и исполнилъ референтъ впослѣдствіи, напечатавши прекрасный свой трудъ „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ", Кіевъ. 1893 г. Послѣ этой работы П. И. Житецкаго, едва-ли могъ-бы возникнуть теперь тотъ-же вопросъ, который 25 лѣтъ тому назадъ былъ предметомъ спора.

Другой вопросъ въ области южно-русской этнографіи, вопросъ гораздо болѣе частнаго характера, затронутъ былъ рефератомъ *М. П. Драгоманова*, разсмотрѣвшаго *малорусскія пѣсни о кровосмѣшеніи* въ связи съ сказаніями у разныхъ европейскихъ народовъ. Этотъ частный вопросъ представлялъ интересъ въ томъ отношеніи, что къ рѣшенію его былъ примѣненъ тотъ методъ фольклора, который въ то время у насъ въ Россіи совсѣмъ еще почти отсутствовалъ и которымъ впослѣдствіи пользовался съ такимъ успѣхомъ референтъ во многихъ своихъ работахъ, произведенныхъ имъ въ длинный періодъ заграничной его жизни. Данный вопросъ рѣшался М. П. Драгомановымъ не въ пользу мнѣнія о миѳическомъ туземномъ происхожденіи малорусскихъ пѣсенъ о кровосмѣшеніи, т. к. часть изъ нихъ зашла къ намъ отъ южныхъ славянъ, другая—отъ западныхъ, и наконецъ—нѣкоторыя пѣсни являются переработкой рукописныхъ легендъ, ходившихъ на Руси.

Третій вопросъ этнографическаго характера разработанъ былъ въ рефератѣ *П. С. Иващенка*. „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ". (Напечат. въ „Трудахъ

Съѣзда“ Т. I, стр. 313—326, а самый текстъ шептаній—въ Приложеніяхъ къ Трудамъ, стр. 171—183). Референтъ дѣлаетъ попытку дать научную обработку тѣмъ небольшимъ матеріаламъ (всего 41 шептанье), которые добыты изъ народныхъ устъ и изъ рукописныхъ сборниковъ. Слишкомъ малый объемъ матеріала, которымъ пользовался авторъ, былъ причиной того, что тема, сама по себѣ очень интересная, оказалась дающей мало оригинальнаго въ смыслѣ новизны.

Имѣетъ отношеніе къ малорусской этнографіи и четвертый вопросъ, затронутый въ рефератѣ *Ѳ. К. Волкова*, а именно: „Отличительныя черты южно-русской орнаментики“ (Напеч. въ Трудахъ Съѣзда, Т. II, стр. 316—326, а образцы орнаментовъ въ Атласѣ къ Трудамъ Съѣзда). Южно-русская народная орнаментика, въ противоположность сѣверно-русской, ко времени съѣзда совсѣмъ почти еще не была изслѣдована не только путемъ научныхъ изысканій во области ея, но даже и простымъ собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ. Рефератъ Ѳ. К. Волкова имѣлъ цѣлію поставить нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ и замѣчаній, вытекающихъ изъ того незначительнаго матеріала, который давался коллекціей, собранной Юго-западнымъ отдѣломъ Географическаго Общества, а также доставленъ былъ ему отдѣльными лицами. Вскорѣ послѣ съѣзда начали выходить изданія орнаментовъ Южной Руси, благодаря стараніямъ отдѣльныхъ собирателей, изъ которыхъ упомянемъ, какъ давнее, болѣе выдающееся изданіе г-жи *О. Косачъ*, а въ послѣднее время роскошное изданіе Лубенскаго музея *г-жи Скаржинской*.

Сверхъ вышеуказанныхъ, затронутъ былъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, относящихся къ этнографическому изученію Южной Руси, какъ напр.: г. *П. С. Иващенко* далъ краткія указанія на значеніе для археологіи народныхъ преданій и суевѣрныхъ сказаній о кладахъ, иллюстрируя это фактами, относящимися къ преданіямъ Гадячскаго уѣзда, Полтав. губ. (Напечат. во 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда“, стр. 65—68); проф. *И. В. Лучицкій* прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Сравненіе малорусской и великорусской демонологіи и колдовства съ

западно-европейскими"; *Я. Ѳ. Головацкій* познакомилъ членовъ съѣзда съ историко-этнографическимъ очеркомъ Галичины и Угорской Руси (Напечат. въ журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г.).

Значительно менѣе, чѣмъ въ области южно-русской этнографіи, удѣлено было мѣста на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ *вопросамъ, касающимся древней южной письменности и языка*, но и здѣсь можно отмѣтить нѣсколько очень интересныхъ сообщеній.

Какъ и слѣдовало ожидать, тотъ памятникъ нашей древне-русской письменности, который останется вѣчнымъ украшеніямъ ея — слово о полку Игоревѣ—дало матеріалъ для нѣсколькихъ сообщеній. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ рефератъ *В. И. Григоровича*. „Что значитъ слово *толковинъ* или *толковникъ* въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ"? (Напечат. въ извлеченіи въ I томѣ „Трудовъ съѣзда", стр. LII—LIII). Хотя это вопросъ и чисто филологическій, но референтъ связываетъ его съ нашими старинными бытовыми отношеніями и указываетъ на толкованіе словъ Александръ и Алексѣй въ старыхъ азбуковникахъ словами *пособникъ, толковникъ*, что даетъ ему основаніе слово *толковины* сопоставить съ малорусскимъ современнымъ *толока* (помощь въ сельской работѣ путемъ цѣлой сходки). Затѣмъ, извѣстный изслѣдователь „Слова" *Е. В. Барсовъ*, значительно позже выпустившій въ свѣтъ свой капитальный трудъ о Словѣ о полку Игоревѣ, на съѣздѣ познакомилъ членовъ съ характеромъ сгорѣвшей рукописи этого памятника, основывая свои выводы на бумагахъ А. Малиновскаго, работавшаго по ней, а также представилъ цѣлый рядъ толкованій темныхъ мѣстъ и выраженій въ „Словѣ". Рефератъ этотъ вызвалъ возраженія тутъ-же на съѣздѣ со стороны *П. Е. Ваденюка*, который приготовилъ цѣлый докладъ, за недостаткомъ времени, впрочемъ, на съѣздѣ не прочитанный. Другой рефератъ, г. Ваденюка, коснулся вопроса о томъ, гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5 мая 1185 года былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій и которая названа Каялой. (Напеч. во 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда",

стр. 51—58). Заключеніе референта такое, что рѣки съ собственнымъ именемъ *Каялы* не было, но что пѣвецъ Слова изобрѣлъ это имя, вѣроятно означающее „рѣка осужденія, суда“ (отъ *каяти*).

Другой очень важный вопросъ, касающійся южно-русской письменности, затронутъ былъ въ прекрасномъ рефератѣ *П. И. Житецкаго* „О Пересопницкой рукописи“. (Напечат. въ 2-мъ томѣ „Трудовъ Съѣзда“, стр. 221—230 и фототипическіе снимки, а въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ“ помѣщенъ текстъ Евангелія Луки, стр. 43—111, съ вводными замѣчаніями къ нему). Референтъ обстоятельно изслѣдуетъ мотивы этого перевода евангелія на малорусскій языкъ въ XVI в., а также устанавливаетъ характерныя черты рѣчи того времени, а самый текстъ снабжаетъ всѣми необходимыми библіографическими поясненіями. Текстъ евангелія отъ Луки, какъ болѣе характерный по языку, напечатанъ цѣликомъ, а изъ другихъ евангелистовъ даны только образцы рѣчи.

Третій очень серьезный вопросъ, имѣющій значеніе для характеристики не только даннаго лица, но и всей эпохи, выясненъ былъ *С. Т. Голубевымъ* въ рефератѣ „О составѣ библіотеки Петра Могилы“ (Напечат. во 2 т. „Трудовъ Съѣзда“, стр. 257—268). На основаніи книгъ, или принадлежавшихъ Петру Могилѣ, насколько это можно установить въ данное время, или покупавшихся имъ для Кіево-Могилянской Коллегіи, или, наконецъ, цитируемыхъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ, референтъ желаетъ показать, какіе вопросы жизни и науки составляли тогда центръ умственныхъ стремленій такой общественной единицы, какъ Петръ Могила, а также и всѣхъ лицъ, связанныхъ съ его дѣятельностью и направленіемъ ея. Какъ видимъ, 25 лѣтъ тому назадъ С. Т. Голубевъ только-что приступалъ еще къ той работѣ, которую теперь онъ возвелъ въ стройное цѣлое, издавши уже два тома (послѣдній вышелъ въ 1898 году) своего капитальнаго изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ.

Вопросу о южно-русской палеографіи посвящено было сообщеніе *Е. І. Калужняцкаго* „Обзоръ славяно-русскихъ памят-

никовъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ" (Напечат. въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ", стр. 213—321). Трудъ этотъ представляетъ очень цѣнный матеріалъ для знакомства съ древними рукописями, хранящимися въ университетской и свято-онуфріевской библіотекахъ, а также въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ. Благодаря этому сообщенію, можно въ подробностяхъ знать, какіе именно матеріалы рукописные (литургическія книги, творенія отцовъ церкви, сборники разнаго содержанія, біографическія статьи—разнообразныя житія, апокрифическія сочиненія, каноническія статьи и сочиненія, историческіе памятники и сочиненія) могутъ служить пособіемъ для изученія нашей старины. За послѣдніе 25 лѣтъ изученіе этихъ памятниковъ значительно подвинулось впередъ, особенно благодаря учредившемуся въ этотъ періодъ „Науковому Товариству имени Шевченка", издающему, кромѣ періодически выходящихъ „Записокъ", еще и отдѣльные томы, посвященные опубликованію разныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Львовскихъ библіотекахъ.

Остается упомянуть еще объ одномъ сообщеніи *М. Г. Щербака* подъ заглавіемъ „Какія бытовыя археологическія черты сохранились въ народномъ южнорусскомъ языкѣ". Къ сожалѣнію, рефератъ этотъ не напечатанъ, а въ протоколахъ засѣданій съѣзда обозначенъ только общимъ положеніемъ автора, вслѣдствіе чего трудно судить о степени содержательности его; но судя по тому, что референтъ пытался дать рядъ наблюденій, въ силу которыхъ многія слова южнорусской рѣчи сохранили слѣды понятій давно уже исчезнувшихъ, нужно думать, что вопросъ, затронутый имъ, представлялъ большой научный интересъ.

Вотъ все существенное, что дано было 3-мъ археологическимъ съѣздомъ, состоявшимся въ Кіевѣ впервые 25 лѣтъ тому назадъ, по вопросамъ, такъ близко соприкасающимся со всѣмъ

тѣмъ, чему посвященъ и нашъ органъ, въ то время еще не существовавшій и возникшій лишь 8 лѣтъ спустя. Отмѣчая все это, какъ воспоминаніе въ виду предстоящаго 11-го археологическаго съѣзда, вторично собирающагося въ нашемъ исконномъ центрѣ южнорусской культурной жизни, пишущія эти строки, свидѣтель всего происходившаго на съѣздѣ въ 1874 году, проникнутъ до сихъ поръ живыми впечатлѣніями того общаго подъема духа, той энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ того истинно-академическаго тона, какихъ исполнены были тогдашніе участники съѣзда. Не смотря на то, что тогдашняя мѣстная пресса пыталась было внести неподобающій академическимъ задачамъ тонъ въ своихъ статьяхъ по поводу съѣзда, вполнѣ былъ правъ покойный предсѣдатель съѣзда, графъ А. С. Уваровъ, въ заключительной рѣчи сказавшій: „если взглянемъ на характеръ собственныхъ нашихъ занятій, то увидимъ, что они были посвящены главной нашей цѣли—изученію памятниковъ древности нашего отечественнаго быта и не выходили изъ предѣловъ этой задачи." Можно пожелать и XI археологическому съѣзду, внося въ жизнь свѣтъ науки и истины, остаться вѣрнымъ основному положенію въ наукѣ—быть объективно спокойнымъ и терпимымъ по отношенію къ мнѣніямъ другихъ.

В. Науменко.

Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь?

Въ послѣднее время по разнымъ поводамъ малорусскій языкъ и малорусская литература сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія со стороны нѣкоторыхъ нашихъ извѣстныхъ филологовъ. Сужденія эти нерѣдко представляютъ особый интересъ, главнымъ образомъ, съ своей теоретической стороны, касаясь нѣкоторыхъ лингвистическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, остающихся пока мало выясненными и далеко еще не порѣшенными. Съ этой преимущественно стороны мы и попробуемъ разсмотрѣть сказанныя сужденія, въ виду извѣстной ихъ поучительности. Въ общій обзоръ таковыхъ мы не намѣрены впрочемъ вдаваться, а позволимъ себѣ только заняться здѣсь сужденіями о малорусскомъ языкѣ и литературѣ двухъ почтенныхъ ученыхъ нашихъ, профессоровъ С. К. Булича и Т. Д. Флоринскаго, сужденіями, изложенными въ статьѣ перваго „Малорусское нарѣчіе" (въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XVIII, Спб. 1896 г., стр. 486, 487) и въ извѣстной уже читателямъ „Кіевской Старины"[1]) критической замѣткѣ послѣдняго на чешскую статью др. Франка „Literatura ukrajinsko-ruská (maloruská)" (въ ноябрьской кн. Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1898 г., стр. 209—219).

Взгляды названныхъ ученыхъ на малорусскій языкъ и литературу раздѣляются въ той или иной степени и нѣкоторыми другими нашими филологами; но у авторовъ упомянутыхъ статей они выражены такъ догматически и безапелляціонно, что этимъ невольно

[1]) См. январьскую кн. 1899 г., стр. 134, ст. В. П. Науменка „Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ".

обращаютъ на себя вниманіе, почему мы главнымъ образомъ и рѣшили остановиться на нихъ. Такъ какъ при этомъ оба названные ученые исходятъ одинаково изъ отрицанія взгляда на малорусскій языкъ, установленнаго въ сравнительномъ славянскомъ языкознаніи покойнымъ Миклошичемъ, и такъ-какъ сужденія ихъ объ этомъ языкѣ и литературѣ въ основныхъ положеніяхъ своихъ совпадаютъ, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ какъ-бы восполняютъ даже другъ друга, то мы сочли умѣстнымъ разсмотрѣть эти сужденія сообща, во взаимной связи ихъ между собою.

Извѣстно, что въ филологической литературѣ часто употребляются термины *языкъ*, *нарѣчіе* (*діалектъ*) и *говоръ* (не считая другихъ менѣе употребительныхъ частныхъ варіантовъ ихъ, каковы: *подъязыкъ*, *поднарѣчіе* и даже *подговоръ*). Нельзя однако сказать, чтобы эти термины имѣли въ ней свое строго опредѣленное значеніе; напротивъ того,—они часто употребляются въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, и напрасно любознательный изслѣдователь доискивался бы въ современной наукѣ спеціальнаго ихъ опредѣленія и точнаго разграниченія по существу обозначаемыхъ ими понятій. Первые два термина (*языкъ* и *нарѣчіе*) существуютъ издавна, являясь наслѣдіемъ еще схоластической филологіи, со свойственными ей понятіями о языкахъ; но современная лингвистика сдѣлала изъ нихъ особое употребленіе. Она пользуется этими терминами преимущественно при естественной классификаціи всякаго даннаго лингвистическаго семейства, употребляя ихъ въ чисто *условномъ значеніи* для обозначенія лишь взаимныхъ генетическихъ *соотношеній* между его разностепенными (родовыми, видовыми и подвидовыми) языковыми величинами, каковы бы онѣ ни были по *существу*, въ отношеніи своей количественной и качественной природы. Поэтому въ данномъ случаѣ одна и та-же языковая величина можетъ называться и *языкомъ*, и *нарѣчіемъ*, смотря по тому, съ какими изъ другихъ языковыхъ величинъ она сравнивается въ каждый данный моментъ. Если данная величина принимается какъ нѣчто общее, обнимающее собою по даннымъ качественнымъ признакамъ извѣстную группу другихъ языковыхъ величинъ, то по отношенію къ послѣднимъ она называется *языкомъ* ихъ; а если та же величина разсматривается, по такого же рода признакамъ, какъ составная часть другой, еще болѣе ея общей языковой величины, то по отношенію къ послѣдней она называется ея *нарѣчіемъ*; вслѣдствіе чего ни тотъ, ни другой терминъ не мо-

гутъ быть пріурочиваемы исключительно къ одной какой либо данной языковой величинѣ, въ качествѣ постояннаго и неотъемлемаго ея эпитета и опредѣлителя. Такъ напр., „славянская рѣчь“, какъ таковая, можетъ быть названа однимъ изъ *нарѣчій* общаго „аріо-европейскаго языка“, понимаемаго въ его цѣломъ; но въ то же время означенная рѣчь является также и въ качествѣ *языка* по отношенію къ входящимъ въ общій составъ ея такимъ, напр., отдѣльнымъ ея рѣчамъ, какъ „восточно-славянская“ (или „обще-русская“), „южно-славянская“ и „западно-славянская“, которыя въ данномъ случаѣ считаются главнѣйшими ея *нарѣчіями*; затѣмъ въ свою очередь, напр., „восточно-славянское“ или „обще-русское“ *нарѣчіе* становится *языкомъ* по отношенію къ своимъ составнымъ *нарѣчіямъ*: „великорусскому“, „бѣлорусскому“ и „малорусскому“; далѣе—*нарѣчіе* „великорусское“ является въ роли *языка* по отношенію къ его *нарѣчіямъ*—„южновеликорусскому“ и „сѣверно-великорусскому“; наконецъ—„южновеликорусское“ *нарѣчіе* можетъ быть названо также *языкомъ* по отношенію къ еще болѣе дробнымъ діалектическимъ дѣленіямъ его, и т. д., вплоть до какихъ нибудь конкретныхъ и недѣлимыхъ уже болѣе *нарѣчій* даннаго *языка*, называемыхъ обыкновенно *говорами*, напр. „московскаго“ *нарѣчія* и въ то же время *говора* „южно-великорусскаго“ *языка*, а также и другихъ ему подобныхъ *нарѣчій—говоровъ* [1]).

Но проф. Буличъ и проф. Флоринскій придаютъ очевидно терминамъ *языкъ* и *нарѣчіе* совсѣмъ особое значеніе, понимая ихъ, повидимому, въ извѣстномъ безотносительномъ смыслѣ и связывая съ ними представленія о двухъ какихъ-то безусловно неравныхъ языковыхъ величинахъ по самому существу ихъ внутренней природы.

---

[1]) На мѣсто подвижныхъ терминовъ *языкъ* и *нарѣчіе* разныхъ градацій, въ нисходящемъ порядкѣ пробуютъ часто подставлять болѣе устройчивые термины: *подъязыкъ*, *поднарѣчіе*, *разнорѣчіе* и т. п.. Но такъ какъ для полной номенклатуры въ данномъ порядкѣ всѣхъ степеней подраздѣленія какого либо „общаго языка“, въ родѣ напр. аріоевропейскаго, вплоть до его существующихъ живыхъ „говоровъ“, понадобились бы тысячи подобныхъ терминовъ, и даже для спеціальнаго обозначенія подобными терминами послѣдовательныхъ подраздѣленій одного какого либо „нарѣчія“, въ родѣ, напр., великорусскаго, ихъ также понадобились бы цѣлые десятки, при чемъ въ результатѣ все таки трудно было бы ожидать полученія полной и точной картины классификаціи данной рѣчи по такому безконечно сложному методу, а цѣль въ сущности достигалась бы та же, что и при употребленіи въ ней двухъ указанныхъ главныхъ терминовъ,—то дробленіе ихъ на нѣсколько частныхъ варіантовъ не можетъ имѣть серьезнаго научнаго значенія и можетъ быть допускаемо только условно, ad hoc, ради нѣкоторыхъ лишь практическихъ удобствъ.

По крайней мѣрѣ они требуютъ строгаго различенія этихъ терминовъ въ случаѣ примѣненія ихъ къ той или иной языковой величинѣ. Въ особенности они категорически настаиваютъ на возможности примѣненія одного лишь изъ этихъ терминовъ, именно термина *нарѣчіе*, къ малорусской рѣчи, считая и ненаучнымъ, и незаконнымъ присвоеніе ей термина *языкъ*. Однако чрезвычайно трудно понять, на какихъ именно принципіальныхъ основаніяхъ построено у нихъ подобное требованіе и чѣмъ собственно (въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ) отличается, по ихъ мнѣнію, языковая величина въ качествѣ *языка* отъ языковой величины въ качествѣ *нарѣчія*. Изъ всего, что говорится ими по сему поводу, наиболѣе опредѣленно выступаетъ лишь одно утвержденіе, что *языкъ* есть величина „самостоятельная", а *нарѣчіе* „несамостоятельная", какъ по существу, такъ и по положенію своему среди другихъ языковыхъ величинъ; почему, разумѣется, послѣдняя не имѣетъ права претендовать на то званіе и значеніе, какое исключительно принадлежитъ первой. Малорусская рѣчь, по ихъ мнѣнію, есть не болѣе, какъ „несамостоятельное" *нарѣчіе*, слѣдовательно она не вправѣ притязать на присвоеніе себѣ несвойственнаго-де ей титула и ранга „самостоятельнаго" *языка*. Такъ, проф. Буличъ заявляетъ категорически, что на строго научной почвѣ (!) нельзя не отнестись отрицательно къ теоріи, провозглашающей (!) малорусское *нарѣчіе* „самостоятельнымъ" *языкомъ* [1]) Профессоръ Флоринскій, съ своей стороны, также утверждаетъ, что „старое мнѣніе Миклошича, отводившее малорусскому языку *самостоятельное мѣсто* въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики" (?), и что малорусскій языкъ (sic) есть *не болѣе* какъ одно изъ *нарѣчій* русскаго языка" [2]).

Очевидное дѣло, что „самостоятельность" или „несамостоятельность" суть тѣ существенные признаки, по которымъ названные ученые опредѣляютъ данную лингвистическую величину какъ *языкъ*, или какъ *нарѣчіе*. Въ чемъ-же, однако, состоитъ „самостоятельность" той или иной лингвистической величины, дающая ей неоспоримое право на званіе *языка*? Есть ли это извѣстное состояніе ея качественное, или количественное, или же данная совокупность обоихъ этихъ состояній?

Но говорить о данномъ качественномъ состояніи какого либо предмета или явленія, не установивъ количественнаго состоянія его,

1) Курсивъ въ текстѣ—автора, кавычки—наши.

2) Курсивы наши.

какъ таковаго, это значило бы говорить собственно неизвѣстно о чемъ: о лѣсѣ, о деревѣ, о березѣ и т. д. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ извѣстныхъ признакахъ, представляющихъ данный предметъ или явленіе „самостоятельнымъ" или „несамостоятельнымъ" въ качественномъ отношеніи (подъ которыми, между прочимъ, можно подразумѣвать, напр., большую или меньшую степень оригинальности или однородности даннаго явленія, сравнительно съ другими явленіями того-же рода), необходимо установить извѣстные признаки, дающіе ему въ нашемъ представленіи видъ „самостоятельнаго" или несамостоятельнаго" въ количественномъ отношеніи (подъ которыми слѣдуетъ понимать конкретную отдѣльность, цѣлость и единичность, или же извѣстную частичность, либо множественность даннаго явленія, какъ таковаго).

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, признакомъ „самостоятельности" извѣстной языковой величины признается нашими учеными лишь рядъ *качественныхъ особенностей* ея, не взирая на тѣ или иныя *количественныя особенности* ея, какъ таковой въ функціональномъ смыслѣ. Однако, если устанавливаемый ими такимъ образомъ какой нибудь „самостоятельный языкъ „является цѣлою совокупностію нѣсколькихъ, хотя бы даже, по ихъ понятіямъ, и „несамостоятельныхъ нарѣчій", то онъ, очевидно, не есть въ то же время единое конкретное и недѣлимое цѣлое живой рѣчи, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить развѣ, что входящія въ составъ его „несамостоятельныя нарѣчія" представляютъ собою не что иное, какъ какіе-то отдѣльные фрагменты органическаго цѣлаго языка, состоящіе каждый изъ извѣстныхъ частей общаго словаря, грамматики и фонетики послѣдняго, что было бы очевидной нелѣпостью. Вѣдь каждое „нарѣчіе", какъ таковое, по необходимости должно имѣть какой-бы то ни было свой полный словарь, свою полную грамматику и въ особенности свою полную особую фонетику. А если на дѣлѣ таковы и есть всѣ составныя „нарѣчія" каждаго даннаго „языка", то что же затѣмъ остается на собственную долю послѣдняго, какъ предполагаемой реальной лингвистической особи? Ровно ничего; да по настоящему, такой реальной особи и представить себѣ нельзя.

Вообще, изъ всѣхъ лингвистическихъ величинъ, устанавливаемыхъ генетической классификаціей рѣчи, начиная отъ самыхъ общихъ и кончая простѣйшими и недѣлимыми, реальное существованіе имѣютъ лишь послѣднія величины, являющіяся въ видѣ живыхъ конкретныхъ *говоровъ*, такъ какъ на нихъ только и говорятъ фактически въ каждой данной человѣческой средѣ; всѣ же собиратель-

ныя языковыя величины,—не только въ видѣ разговорныхъ общихъ *языковъ* высшихъ и низшихъ градацій, слагающихся изъ группъ разныхъ *нарѣчій*, но и единичныя *нарѣчія*, непосредственно состоящія изъ однородныхъ *говоровъ*,—реальнаго существованія не имѣютъ, такъ какъ на нихъ, какъ таковыхъ, никто не говоритъ, да и говорить не можетъ, между прочимъ, по той простой причинѣ, что нѣтъ физической возможности произносить за-рàзъ, въ одинъ моментъ, слова и фразы въ ихъ полныхъ звуковыхъ формахъ хотя бы даже на двухъ ближайшихъ другъ къ другу, но не тождественныхъ абсолютно говорахъ [1]). Поэтому всѣ такъ называемые „самостоятельные языки", какъ и „несамостоятельныя нарѣчія", суть въ дѣйствительности величины отвлеченныя, являющіяся въ качествѣ извѣстныхъ языковыхъ фикцій, создаваемыхъ въ представленіи путемъ послѣдовательной теоретической генерификаціи и обобщенія данныхъ группъ живыхъ конкретныхъ „говоровъ".—Слѣдуетъ, однако, при этомъ замѣтить, что между такими отвлеченными (собирательными) единицами рѣчи, какъ такъ называемые „языки" разныхъ градацій, составляющіе продуктъ обобщенія разныхъ группъ такъ называемыхъ „нарѣчій", и такими отвлеченными (собирательными) единицами рѣчи, какъ тѣ простѣйшія „нарѣчія", которыя представляютъ лишь органическую совокупность однородныхъ „говоровъ",—есть на самомъ дѣлѣ весьма существенныя разницы, въ отношеніи качественной и количественной „самостоятельности" ихъ. Несомнѣнно, что степень *качественной самостоятельности* языковыхъ величинъ, основанная на большей или меньшей оригинальности даннаго числа качественныхъ особенностей ихъ, обратно пропорціональна степени *количественной самостоятельности* или *индивидуальной цѣлостности* таковыхъ, опредѣляемой сравнительной способностью ихъ къ живому функціонированію въ рѣчи. Поэтому изъ всѣхъ общихъ и отвлеченныхъ языковыхъ величинъ наибольшей „самостоятельностью" въ первомъ смыслѣ отличается наиболѣе общая величина въ ряду другихъ соизмѣримыхъ съ нею величинъ, напр., „аріоевропейскій языкъ" въ его цѣломъ, сравнительно съ ближайшимъ къ нему „семитическимъ языкомъ"; но въ то же время подобныя величины наименѣе „самостоятельны" въ послѣднемъ смыслѣ.—Затѣмъ постепенно меньшей относительной „самостоятельностію" въ первомъ смыслѣ и большей въ послѣднемъ

[1]) Нельзя, напр., произнести *за-разъ* слѣдующія одинаковыя слова на полѣшскомъ и украинскомъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, въ родѣ: *нус* и *нъіс*, *нюс* и *ньіс*, *рабый* и *рябый*, *пейте* и *пыйте*, *ходьемо* и *ходьімо* и т. п.

отличаются по сравненію другъ съ другомъ и съ предыдущими величинами,—тѣ параллельныя языковыя величины, на которыя последовательно подраздѣляется „наиболѣе общій языкъ", напр.,—въ области „аріоевропейскаго языка" какой-нибудь „общеславянскій языкъ" на ряду съ „общелитовскимъ языкомъ"; далѣе—„восточнославянскій" или „общерусскій языкъ" на ряду съ общимъ „западнославянскимъ языкомъ" и т. д. Наконецъ, наименьшей степенью „самостоятельности" въ качественномъ смыслѣ, по сопоставленію другъ съ другомъ, но наибольшей въ количественномъ смыслѣ, по сравненію съ предыдущими величинами, отличаются тѣ наименѣе общія лингвистическія величины, которыя входятъ непосредственно въ составъ даннаго наименѣе сложнаго „общаго языка" въ качествѣ интегральныхъ его „нарѣчій", и которыя, какъ таковыя, слагаются уже исключительно изъ группы органическихъ однородныхъ „говоровъ".

Таковыя внутреннія свойства означенныхъ языковыхъ величинъ разныхъ категорій находятъ себѣ также практическое выраженіе въ разныхъ степеняхъ доступности ихъ, какъ таковыхъ, простому наблюденію; причемъ, вообще, даже наименѣе общіе „языки" очень мало еще ему доступны, между тѣмъ какъ отдѣльныя „нарѣчія" становятся уже до такой степени доступными въ своемъ цѣломъ непосредственному наблюденію, что они принимаются даже иногда за простыя и недѣлимыя единицы рѣчи. Такимъ образомъ, напр., литовцы и славяне не замѣчаютъ еще ничего общаго въ своихъ рѣчахъ; но уже всѣ народности славянскія способны болѣе или менѣе замѣчать, что ихъ рѣчи сходны и составляютъ въ своей совокупности нѣчто общее и отдѣльное отъ рѣчи, напр., литовцевъ, нѣмцевъ и т. д. Далѣе, чехъ и полякъ легко наблюдаютъ, что ихъ рѣчи ближе другъ къ другу, чѣмъ къ рѣчи болгарина, серба и др.; то же видятъ малороссы и великоруссы по отношенію къ своимъ рѣчамъ и т. д. Но затѣмъ, однако, наблюденіе данной близости, роднящей, преимущественно передъ другими, рѣчи чешскую и польскую, съ одной стороны, малорусскую и великорусскую—съ другой, отнюдь не затемняетъ и не ослабляетъ собою у любого чеха, поляка, малоросса и великоросса, употребляющихъ свою родную рѣчь, болѣе живого и интереснаго сознанія особой органичной отдѣльности и цѣлостности этихъ ихъ собственныхъ рѣчей, не смотря на то, что въ народной массѣ отдѣльные чехи, поляки, малороссы и великороссы употребляютъ собственно не какія либо единыя въ конкретномъ смыслѣ слова своей рѣчи, а разные отдѣльные говоры, на которые таковыя ихъ рѣчи распадаются, составляя лишь въ сово-

купности своей ту или иную наиболѣе однородную по своему составу языковую величину, называемую обыкновенно „нарѣчіемъ“, въ безотносительномъ смыслѣ этого слова.—Такъ напр., любой малорусскій простолюдинъ—украинецъ, полѣшукъ, галицкій русинъ—необинуясь признаетъ несравненно бо́льшую близость своихъ говоровъ другъ къ другу, чѣмъ къ какому угодно великорусскому говору и ко всей совокупности ихъ; точно также и всякій простой великороссъ—москвичъ, новгородецъ, рязанецъ—всегда найдутъ, что у нихъ живая рѣчь все та-же рѣчь „рассейская“, равно какъ и культурная рѣчь русскаго образованнаго общества,—и въ то же время они никакъ не согласятся признать за таковую же рѣчь „хахлацкую“, какъ живую, такъ равно и письменную, рѣзко отличая ее отъ своей общей „рассейской“ рѣчи.—Чѣмъ же объясняется то явленіе, что „нарѣчія“, входящія въ составъ какого нибудь „языка“,—напр., чешское и польское нарѣчія въ составѣ „западно-славянскаго языка“, малорусское и великорусское нарѣчія въ составѣ „общерусскаго языка“,—строго различаются другъ отъ друга, а отдѣльные „говоры“, изъ которыхъ слагаются означенныя „нарѣчія“, различаются уже въ меньшей сравнительно степени, чѣмъ первыя, и существующее различеніе ихъ не мѣшаетъ даннымъ народамъ признавать органическое единство своихъ общихъ „нарѣчій“ при сопоставленіи ихъ съ другими „нарѣчіями“? Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе не только въ неодинаковыхъ степеняхъ, но и въ неодинаковомъ характерѣ сходства между отдѣльными „нарѣчіями“, какъ составными элементами „языка“, и между отдѣльными „говорами“, какъ составными элементами „нарѣчія“. Сходства „нарѣчій“ даннаго „языка“ ограничиваются обыкновенно какими либо общими у нихъ, въ самой лишь основѣ своей, родовыми и видовыми особенност'ми въ словарѣ, грамматикѣ и фонетикѣ, унаслѣдованными, по теоріи генетической классификаціи языковъ, отъ ихъ общаго языковагоі предка—извѣстнаго „праязыка“ или, точнѣе, „праговора“; но такія наслѣдственныя сходства сродныхъ „нарѣчій“ всегда значительно перевѣшиваются живыми индивидуальными отличіями ихъ, образовавшимися въ теченіе ихъ многовѣковой самостоятельной жизни.—Сказанныя отличія, обнимающія собой всю совокупность живыхъ „говоровъ“ каждаго изъ „нарѣчій“, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и основными признаками внутренняго сходства между составляющими ихъ „говорами“. Таковыя общія отличія „нарѣчій“ и сходства „говоровъ“ каждаго отдѣльнаго „нарѣчія“ состоятъ также отчасти въ нѣкоторыхъ родовыхъ или видовыхъ особенностяхъ рѣчи, сохраненныхъ отъ старины спеціально однимъ „нарѣчіемъ“ и утра-

ченныхъ другими родственными ему; но главнымъ образомъ онѣ заключаются въ индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ этихъ „нарѣчій“, одинаково свойственныхъ всѣмъ его „говорамъ“, а именно: во 1-хъ, въ особомъ подборѣ каждымъ „нарѣчіемъ“ необходимыхъ для него словъ и формъ изъ унаслѣдованнаго имъ отъ своихъ языковыхъ предковъ лексическаго матеріала и грамматическаго строя, и въ обработкѣ таковыхъ по своему въ формальномъ и смысловомъ отношеніяхъ; во 2-хъ, въ своеобразномъ видоизмѣненіи каждымъ „нарѣчіемъ“ общаго физіологическо-акустическаго (антропофоническаго) характера своей звуковой системы и въ заложеніи имъ въ свою статическую и динамическую фонетику новыхъ спеціальныхъ принциповъ, объединяющихъ собою все разнообразіе частныхъ звуковыхъ явленій по его отдѣльнымъ „говорамъ“; въ 3-хъ, въ рядѣ самостоятельно созданныхъ каждымъ „нарѣчіемъ“ (органически и по случайнымъ аналогіямъ) новообразованій въ словарѣ, грамматикѣ и фонетикѣ, а также въ его спеціальныхъ заимствованіяхъ и переработкахъ примѣнительно къ своему органическому цѣлому чужихъ словъ и формъ, и наконецъ, въ 4-хъ, въ тѣхъ особыхъ субъективныхъ оттѣнкахъ, неизбѣжно сопровождающихъ объективный смыслъ живой рѣчи, и, вообще, въ тѣхъ специфическихъ особенностяхъ характера и стиля послѣдней, которыя создаются природой и жизнью говорящаго на данномъ „нарѣчіи“ народа, являясь непосредственнымъ продуктомъ его исторической жизнедѣятельности и запечатлѣвая въ себѣ спеціальныя черты его индивидуальнаго характера и темперамента. Какъ сказано уже, всѣ эти особенности, въ той или иной мѣрѣ, бываютъ одинаково свойственны всѣмъ живымъ „говорамъ“ даннаго „нарѣчія“, и потому они связываютъ ихъ органически въ одно общее и индивидуальное цѣлое, существеннымъ образомъ отличающееся отъ всякаго другого такого же діалектическаго цѣлаго рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, подобная органическая связь всѣхъ „говоровъ“ одного даннаго „нарѣчія“ отнюдь не ограничиваетъ и не парализуетъ самостоятельнаго существованія и развитія каждаго отдѣльнаго „говора“, съ его частными особенностями, какъ единственно живой, конкретной и абсолютно индивидуальной единицы рѣчи. Ибо, что такое въ сущности „говоръ“, какъ таковой? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вникнуть въ то, что собственно требуется отъ живой рѣчи, дабы она удовлетворяла своему естественному назначенію служить въ данной человѣческой средѣ соотвѣтствующимъ ея природѣ и психикѣ, простѣйшимъ и возможно цѣлесообразнымъ орудіемъ для нормальнаго и характернаго выраженія опредѣленныхъ

мыслей субъектомъ говорящимъ и для постоянно точнаго пониманія ихъ субъектомъ слушающимъ. Не трудно, думаемъ, понять, что для удовлетворенія этому требованію необходимо, чтобы рѣчь, употребляемая въ данное время въ данной средѣ, отличалась возможной конкретной однородностію и органическою согласованностію всего ея лексическаго матеріала, грамматическаго строя и звукового характера, съ одной стороны, и правильнымъ постоянствомъ употребленія въ ней въ каждый данный моментъ, для выраженія данныхъ опредѣленныхъ понятій и мыслей, однихъ и тѣхъ же общепринятыхъ словъ и фразъ въ одной и той же специфической звуковой формѣ—съ другой стороны. Въ противномъ случаѣ, при малѣйшемъ уклоненіи рѣчи отъ такового ея характера и употребленія, она искажается въ самомъ существѣ своемъ, становится неясной, сбивчивой и неудобопонятной, переставая, такимъ образомъ, удовлетворять въ должной мѣрѣ своему прямому назначенію. Отсюда становится понятной также та естественная (сознательная и безсознательная) забота о ея такъ называемой чистотѣ и правильности, какая прилагается обыкновенно говорящими данной рѣчью, т. е. забота о сохраненіи въ полной неприкосновенности свойственнаго ей индивидуальнаго характера въ ея организаціи и функціяхъ. Реальнымъ же представителемъ рѣчи, въ таковомъ именно ея видѣ, является лишь простѣйшая и недѣлимая языковая единица ея, называемая „говоромъ". Неудивительно поэтому, что взаимодѣйствіе „говоровъ" даннаго „нарѣчія" можетъ вызывать лишь среди нихъ образованіе новыхъ „говоровъ", а слѣдовательно размноженіе лишь послѣднихъ, но не сліяніе таковыхъ въ нѣчто цѣлое, представляющее живую совокупность конкретныхъ индивидуальностей означенныхъ „говоровъ" со всѣмъ разнообразіемъ ихъ звуковъ, а отчасти также формъ, словъ и смысловыхъ значеній послѣднихъ, что, очевидно, являлось-бы чѣмъ-то логически несообразнымъ и практически неосуществимымъ какъ со стороны физіологической, такъ и со стороны психологической, ибо, какъ уже было замѣчено выше, неестественно и нецѣлесообразно было-бы даже стремиться выражать въ рѣчи опредѣленныя мысли въ такой неорганической, сложной и пестрой формѣ, тѣмъ болѣе, что это могло бы только затруднять легкое и точное пониманіе ихъ.

Такимъ образомъ, по естественнымъ психо-физіологическимъ условіямъ функціи рѣчи, какъ даннаго живого и цѣлесообразнаго орудія для выраженія и обмѣна мыслей въ данной человѣческой средѣ, появленію такихъ даже наименѣе сложныхъ коллективныхъ единицъ рѣчи, какъ „нарѣчіе", неизбѣжно предшествовало появленіе такой первичной, конкретной и недѣлимой единицы ея, какъ

„говоръ“. „Нарѣчіе“—явленіе вторичное: оно есть только естественный продуктъ эволюціоннаго развитія, постепенной дифференціаціи и распаденія одного даннаго „говора“ на цѣлую группу новыхъ отдѣльныхъ „говоровъ“, все болѣе и болѣе затѣмъ спеціализирующихся въ своей организаціи и усиливающихъ въ себѣ элементъ живой индивидуальности, а не какая либо интеграція цѣлой группы одновременно появившихся разнородныхъ „говоровъ“ въ одно данное цѣлое и однородное „нарѣчіе“, стремящееся затѣмъ превратиться въ совершенно „конкретный языкъ“ или „говоръ“. Исторія естественнаго развитія языковъ знаетъ только первый процессъ, но не знаетъ ни одного случая послѣдняго процесса. И таковъ дѣйствительно устанавливаемый наукой общій ходъ фактическаго возникновенія, образованія и развитія всѣхъ отдѣльныхъ конкретныхъ рѣчей. Все, напр., безчисленное множество *конкретныхъ языковъ* или *живыхъ говоровъ* „аріоевропейской рѣчи“ развилось изъ одного предполагаемаго *конкретнаго праязыка* или, все равно,—*праговора* ея, и продолжаетъ нынѣ развиваться и пріумножаться еще все болѣе и болѣе.

Въ силу означеннаго закона и всѣ „культурные языки“, возникшіе и вновь въ изобиліи возникающіе на почвѣ того или иного „нарѣчія“, образуются также не иначе, какъ полагая въ свое основаніе какой-либо изъ живыхъ „говоровъ“ послѣдняго, съ особой цѣльной фонетикой и грамматикой этого „говора“, а затѣмъ уже приспособляя къ таковой своей основѣ и ассимиллируя ей всѣ свои новообразованія и заимствованія изъ другихъ сродныхъ ему „говоровъ“ того же „нарѣчія“, а также ближайшихъ къ нему „нарѣчій“ и чужихъ даже рѣчей.—Такимъ образомъ всѣ существующіе нынѣ такъ называемые „литературные языки“, по своему происхожденію и консистенціи, являются въ сущности только культурными разновидностями извѣстныхъ живыхъ „говоровъ“, о чемъ свидѣтельствуетъ фактическая исторія всякаго „литературнаго языка“. При этомъ не рѣдко случается, впрочемъ, такое явленіе, что возникшій означеннымъ способомъ на данной этнографической и діалектической почвѣ какой-нибудь „культурный языкъ“ пересаживается затѣмъ на другія сродныя ему, или даже чужія, этнографическія почвы и усваивается послѣдними. Въ такихъ случаяхъ онъ неизбѣжно подвергается преобразованіямъ на этихъ почвахъ и распадается такимъ образомъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ діалектическихъ варіантовъ своихъ; при чемъ происходитъ обыкновенно одинъ изъ двухъ процессовъ: или эти его варіанты вытѣсняются цѣликомъ и замѣщаютъ собою живую рѣчь данной этнографической почвы, становясь уже

въ такомъ случаѣ языкомъ, рѣзко отличающимся отъ своего прототипа, и изъ какого нибудь его говора возникаетъ новый „литературный языкъ“,—что случилось, напр., съ латынью на почвѣ кельтскихъ и иберійскихъ племенъ; или же означенные варіанты вышесказаннаго „культурнаго языка“ подчиняются подавляющему вліянію мѣстныхъ рѣчей до такой степени, что въ концѣ концовъ совершенно ими поглощаются и перерабатываются на свой ладъ,—примѣръ чего можно видѣть на „церковно-славянскомъ языкѣ“, болгарскаго, повидимому, происхожденія, заимствованномъ всѣми южными и восточными славянами, изъ котораго выработались сперва разные мѣстные „изводы“ его; затѣмъ послѣдніе въ смѣси съ живыми элементами народной рѣчи послужили образованію болѣе или менѣе искусственныхъ книжныхъ языковъ: „средне-болгарскаго“, „славяно-русско-сербскаго“, [1]) „западно-русскаго“ (распавшагося потомъ на варіанты: „бѣлорусскій“ и „южно-русскій“) и „восточно-русскаго“, и, наконецъ, эти неорганическіе языки уступили мѣсто современнымъ органическимъ народнымъ „литературнымъ языкамъ“—*болгарскому*, *сербскому*, *украинско-русскому* (или *малорусскому*) и *великорусскому* (или просто *русскому*)—являющимся по существу извѣстными народными „говорами“, воспользовавшимися только въ той или иной мѣрѣ нѣкоторыми элементами прежнихъ книжныхъ языковъ, существовавшихъ на ихъ этническихъ почвахъ, но переработавшими ихъ каждый на свой ладъ.

До какой степени каждый отдѣльный живой „говоръ“ и каждый отдѣльный „литературный языкъ“ проникнуты чутьемъ внутренней цѣльности и индивидуальности своей и исполнены стихійнаго стремленія оберегать и сохранять послѣднія, можно видѣть изъ того, во 1-хъ, что, напр., каждое данное населеніе, говорящее на своемъ особомъ „говорѣ“, не только не обнаруживаетъ наклонности заимствовать механически спеціальныя особенности другого, даже ближайшаго къ нему „говора“, а напротивъ того, считаетъ отличительныя особенности послѣдняго какъ-бы искаженіемъ и уродованіемъ своей собственной рѣчи, и во 2-хъ, что каждое культурное общество, употребляющее свой „литературный языкъ,“ какъ мы уже замѣтили выше, всячески заботится о такъ называемой чистотѣ и правильности его, тщательно приспособляя къ его индивидуальнымъ особенностямъ всѣ новообразованія въ немъ и заимствованія не только изъ чужихъ языковъ, но даже изъ наиболѣе близкихъ и сродныхъ ему живыхъ говоровъ.

---

[1]) Такой книжный языкъ выработался въ Сербіи въ началѣ XVIII ст. подъ вліяніемъ малорусскихъ учителей, вызванныхъ изъ Кіева.

При всемъ томъ, однако, ближайшая органическая связь, существующая между однородными „говорами“ одного „нарѣчія“, какъ таковаго, обусловливаетъ собою одно въ высшей степени важное въ культурной жизни языковъ и народностей обстоятельство, состоящее, съ одной стороны, въ томъ, что какой нибудь одинъ „говоръ“ даннаго „нарѣчія“, сдѣлавшись „культурнымъ языкомъ,“ можетъ стать по своимъ природнымъ свойствамъ, помимо продолжающихъ свое естественное существованіе другихъ „говоровъ“ и на ряду съ ними, болѣе или менѣе господствующимъ органомъ рѣчи для всей народной массы, употребляющей разные „говоры“ даннаго „нарѣчія“, какъ бы взамѣнъ послѣдняго, которое само по себѣ, въ качествѣ собирательной единицы рѣчи, не можетъ быть въ живомъ употребленіи; съ другой стороны—въ томъ, что каждый изъ таковыхъ „культурныхъ языковъ“ имѣетъ наиболѣе природныхъ шансовъ на правильное органическое развитіе и быстрое распространеніе лишь въ области своего „нарѣчія,“ т. е. въ той именно народной средѣ, которая употребляетъ ближайшіе и однородные съ нимъ „говоры“, принадлежащіе къ означенному „нарѣчію“. И чѣмъ типичнѣе для всей группы „говоровъ“ послѣдняго тотъ „говоръ“, который послужилъ основаніемъ для таковаго „языка“, тѣмъ съ большимъ правомъ этотъ „языкъ“ можетъ разсчитывать на сказанную роль въ области всего „нарѣчія;“ между тѣмъ какъ, будучи искусственно пересаженъ въ почву другого „нарѣчія,“ онъ чрезвычайно плохо прививается тамъ въ народной массѣ; а если прививка его, поддержанная какими либо энергическими мѣрами, и достигаетъ своей цѣли, то, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, въ результатѣ получается лишь видоизмѣненіе этого „языка“ подъ вліяніемъ мѣстной рѣчи иногда до неузнаваемости, и затѣмъ вырожденіе его въ совсѣмъ уже особый языкъ.

Таковы по существу данныя о дѣйствительной природѣ, значеніи и роли устанавливаемыхъ лингвистикой разныхъ отдѣльныхъ единицъ организованной рѣчи. Какія бы ни давались имъ опредѣленія и наименованія, но если имѣется въ виду реальная, дѣйствительно существующая въ жизни единица рѣчи, то ею можетъ быть только каждый *живой органическій говоръ*, или культурный эквивалентъ его—*народный литературный языкъ.* Поэтому и вопросъ о „самостоятельности“ языковъ, находящихся въ живомъ употребленіи, можетъ относиться только къ послѣднимъ. Чѣмъ болѣе они однородны и органичны, тѣмъ болѣе „самостоятельны“ въ количественномъ и функціональномъ отношеніяхъ. Что же касается спеціально качественной „самостоятельности,“ то таковая зависитъ въ сущности

не столько отъ большей или меньшей оригинальности внѣшнихъ примѣтъ рѣчи, сколько отъ внутреннихъ особенностей ея индивидуальнаго характера. Такъ называемые *общіе языки* одного даннаго семейства могутъ сильно отличаться другъ отъ друга съ внѣшней стороны (напр.—языки *общегерманскій* и *общероманскій*, или даже *общій южно-славянскій* и *общій западно-славянскій* и т. д.), но внутреннее отличіе ихъ, какъ данныхъ психологическихъ органовъ, не поддается вовсе конкретному опредѣленію, такъ какъ въ этомъ отношеніи они почти безличны (т. е. крайне разнохарактерны сами по себѣ). Наоборотъ, сродныя *нарѣчія* одного общаго языка несравненно менѣе отличаются другъ отъ друга съ внѣшней стороны, чѣмъ со стороны внутренней, которая представляетъ уже опредѣленныя очертанія психической индивидуальности каждаго изъ нихъ. Наконецъ, *говоры* одного нарѣчія, и съ той и съ другой стороны, могутъ отличаться лишь по стольку, по скольку вообще отличаются другъ отъ друга живыя конкретныя особи, принадлежащія къ одной общей разновидности даннаго біологическаго явленія; но вся сила ихъ именно въ этой органической обособленности и конкретной индивидуальности.—За то, если сравнивать *общіе языки*, *нарѣчія* и *говоры*, принадлежащіе къ одному данному лингвистическому семейству, съ *языками*, *нарѣчіями* и *говорами*, принадлежащими къ другому отдѣльному семейству, то окажется, что и съ внутренней стороны наибольшая степень качественныхъ отличій прійдется именно на долю сравниваемыхъ *отдѣльныхъ говоровъ* разныхъ семействъ, такъ какъ въ нихъ сосредоточиваются результаты всѣхъ пройденныхъ въ жизни языковъ общихъ и частныхъ диффеpенціацій и спеціализацій рѣчи; и съ этой точки зрѣнія каждый *говоръ* есть наиболѣе „самостоятельная“ единица рѣчи также и въ спеціально качественномъ отношеніи.

Чѣмъ руководится природа въ общемъ своемъ стремленіи къ подобной дифференціаціи и спеціализаціи своихъ органическихъ явленій—это составляетъ глубокую біологическую загадку. Несомнѣнно лишь одно, что сказанный фактъ существуетъ въ природѣ и что онъ, очевидно, обусловливаетъ собою поступательное движеніе жизни.... Все необъятное разнообразіе формъ существующихъ явленій развилось изъ какого-то общаго и безразличнаго единства матеріи и силъ и продолжаетъ развиваться законосообразно далѣе въ томъ же направленіи до безконечности. И высшая задача жизненнаго процесса можетъ состоять лишь въ установленіи возможной гармоніи въ безконечномъ разнообразіи его проявленій, а не въ стремленіи обезцвѣчивать послѣднія и направлять ихъ къ неопредѣленному единообразію.

Въ жизни языковъ возможны, правда, переходные моменты, вызываемые вмѣшательствомъ въ нее какого либо объединительнаго фактора. Это случается, во 1-хъ, съ живыми говорами, расположенными, напр., на рубежѣ какихъ либо отдѣльныхъ нарѣчій. При невозможности быстраго перерожденія и сліянія ихъ въ новое органическое цѣлое, вслѣдствіе взаимодѣйствія между этими говорами образуются на болѣе или менѣе продолжительное время промежуточныя языковыя аномаліи, состоящія изъ механической смѣси разнородныхъ особенностей скрещивающихся говоровъ, въ видѣ такъ называемыхъ *жаргоновъ* переходнаго характера. Изъ послѣднихъ или вырабатывается со временемъ новый самостоятельный органическій говоръ, или же онъ исчезаетъ, оставивъ лишь извѣстные слѣды на приходившихъ въ соприкосновеніе говорахъ. Во 2-хъ, нѣчто подобное случается также въ жизни всѣхъ *культурныхъ языковъ*, изъ коихъ каждый, раньше или позже, долженъ пережить переходной (критическій для себя) періодъ искусственности и неорганическихъ наслоеній, прежде чѣмъ переварить, ассимиллировать, приспособить все это къ своему природному ядру, и достигнуть полнаго органическаго упорядоченія своего цѣлаго, согласовавъ высшія формы своей индивидуальности съ естественными формами индивидуальности заложеннаго въ его основаніе *живого говора*. Если послѣдняго результата *культурный языкъ* не достигаетъ почему либо, то онъ также исчезаетъ изъ употребленія и уступаетъ мѣсто болѣе удачному сопернику своему, заложенному на другомъ *говорѣ* того же *нарѣчія*, обладающемъ большей типичностію для послѣдняго, большей жизнеспособностію и творческою энергіею.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ найболѣе существенныя явленія въ области рѣчи, которыя необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи характера и значенія той или иной отдѣльной языковой особи. Посмотримъ теперь, какъ относятся къ этимъ явленіямъ названные нами ученые при опредѣленіи ими понятій о „малорусскомъ нарѣчіи“, какъ таковомъ.

Проф. Т. Д. Флоринскій въ своихъ „Лекціяхъ по славянскому языкознанію“, коснувшись вопроса о классификаціи славянскихъ языковъ, пришелъ къ заключенію, что „ни одна изъ существующихъ теорій не разъясняетъ темнаго и сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ“, и что „не меньше трудностей представляется и при рѣшеніи многочисленныхъ частныхъ вопросовъ объ отношеніяхъ нарѣчій и говоровъ въ области каждаго славянскаго языка“. „Отсюда—говоритъ онъ — понятно, что

славянскіе филологи нерѣдко совсѣмъ отказываются отъ какой-бы то ни было классифакаціи славянскихъ языковъ", почему, между прочимъ, такъ „поступилъ знаменитый авторъ первой и единственной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Фр. Миклошичъ. Въ своемъ монументальномъ трудѣ онъ не даетъ никакой классификаціи славянскихъ языковъ и разсматриваетъ ихъ въ порядкѣ предполагаемой ихъ близости" („Лекціи". Т. I, стр. 28). Затѣмъ, общіе выводы свои относительно классифакаціи славянскихъ языковъ и нарѣчій нашъ авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „1) Научная классификація славянскихъ языковъ въ настоящее время невозможна. Она можетъ удаться только, какъ послѣднее слово, послѣдній выводъ всесторонняго, тщательнаго и подробнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами. Такое изученіе уже предпринято, но до полноты и обстоятельности его еще далеко. 2) Всѣ сдѣланныя доселѣ попытки выяснить генетическую связь между слав. языками, при всей ихъ малоуспѣшности, не остались однако совершенно безплодными; онѣ привели къ открытію цѣлаго ряда исконныхъ звуковыхъ особенностей или признаковъ, которые, представляя собою общую принадлежность нѣсколькихъ отдѣльныхъ языковъ, могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для *условной* классифакаціи, и 3) Въ значеніи такой условной классификаціи, въ интересахъ практическихъ, удобнѣе всего можетъ быть принято старое раздѣленіе слав. языковъ на три основныя группы (восточную, сѣверо-западную и юго-западную), вполнѣ соотвѣтствующее географическому распредѣленію языковъ". Приведя затѣмъ извѣстныя особенности, характеризующія каждую изъ означенныхъ трехъ группъ: восточную (или общерусскую), сѣверо-западную (или польско-чешско-лужицкую), и юго-западную (или болгаро-сербо-словинскую), нашъ авторъ замѣчаетъ: „при этомъ не слѣдуетъ забывать, что ни одна изъ этихъ особенностей, вообще захватывающихъ большое количество фактовъ, не выдерживается строго ни въ одной группѣ, а потому не имѣетъ безусловнаго значенія характеристическаго признака". („Лекціи" Т. I, стр. 28, 29). Впрочемъ, трудность установленія болѣе точной научной классификаціи слав. языковъ почтенный авторъ „Лекцій" видитъ не столько въ самомъ предметѣ ея, сколько еще, съ одной стороны, въ томъ, что „изученіе живыхъ слав. языковъ, какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ и въ современномъ состояніи съ ихъ нарѣчіями и говорами, представляется далеко еще неполнымъ и незаконченнымъ; напротивъ, для многихъ изъ нихъ, напр. для болгарскихъ, словацкихъ, многихъ русскихъ говоровъ, оно только начинается", и, съ другой стороны, въ томъ, что „филологическія

изслѣдованія, затрагивающія подобные общіе вопросы, не всегда отличаются должною объективностію, отражая въ себѣ ложно-патріотическія и узко-національныя симпатіи ученыхъ авторовъ". („Лекціи". Т. I, стр, 16, 17).

Можно ли было ожидать, что, относясь съ такою строго-научною осторожностію и объективностію къ существующимъ теоріямъ и схемамъ классифакаціи слав. языковъ и нарѣчій, нашъ почтенный ученый рѣшится въ то же время заговорить по одному частному вопросу, касающемуся означенной классификаціи, въ такомъ догматическомъ и нелишенномъ пристрастія тонѣ, въ какомъ онъ высказался въ упомянутой нами въ началѣ сей статьи критической замѣткѣ своей на статью др. Франка? „Трудно допустить, говоритъ онъ въ означенной замѣткѣ,—чтобы др. Франку не было извѣстно современное положеніе въ наукѣ вопроса о малорусскомъ языкѣ. Старое мнѣніе Миклошича, котораго, повидимому, держится нашъ авторъ, отводившее малорусскому языку самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики (sic!). Новѣйшіе русскіе и западно-славянскіе филологи занимавшіеся наиболѣе глубокимъ изученіемъ вопроса на почвѣ сравнительнаго славянскаго языкознанія, считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка, или, другими словами, что онъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями". Въ подтвержденіе же таковаго мнѣнія сказанныхъ ученыхъ о малорусскомъ языкѣ, нашъ профессоръ ограничивается ссылкой на новѣйшее сужденіе о послѣднемъ академика И. В. Ягича, который, однако, буквально говоритъ лишь слѣдующее: „что всѣ русскія нарѣчія сравнительно съ остальными славянскими нарѣчіями,—если не нравится слово нарѣчіе, можно употреблять вмѣсто него слово языкъ, это для науки дѣло постороннее,—многими замѣтными чертами своими образуютъ въ цѣломъ одно внутреннее единство, это не составляетъ спорнаго вопроса въ языкознаніи" [1]).

Положимъ, мнѣніе ак. Ягича о данномъ предметѣ дѣйствительно выражено въ этой цитатѣ съ недостаточной ясностію и даже

---

[1]) „Dass alle russischen Dialecte gegenüber den übrigen Slavischen Dialecten—wem der Ausdruck Dialect nicht gefällt, kann dafür Sprache sagen, in der Wissenschaft ist das Nebensache—ein ganzes bilden, mit vielen merkwürdigen Zügen einer inneren Einheit ansgestattet, das bildet unter Sprachforschern keine Streitfrage". Archiv für Slavische Philologie, 1898, XX, 33 (Einige Streitfragen). Университетскія Извѣстія. № 11. 1898. Кіевъ, стр. 215).

съ нѣкоторымъ замѣтнымъ увлеченіемъ идеей единства русскихъ нарѣчій, что можетъ дать поводъ къ различнымъ толкованіямъ означеннаго его мнѣнія; но, при всемъ томъ, достаточно видно, что послѣднее отнюдь не имѣетъ того смысла, какой прямо приписывается ему нашимъ ученымъ. Вѣдь очевидное дѣло, что въ приведенныхъ словахъ Ягича русскія „нарѣчія" [1]) приравниваются непосредственно къ такимъ собственно изъ остальныхъ славянскихъ „нарѣчій" (или „языковъ"), какъ напр. „нарѣчіе" чешское, польское и лужицкое, или болгарское, сербское и словинское, а не къ какимъ либо частнымъ діалектическимъ подраздѣленіямъ этихъ „нарѣчій" (въ родѣ, напр., моравскаго и собственно-чешскаго „нарѣчій" въ области чешскаго „языка"); почему и заключеніе его о большей близости или единствѣ русскихъ нарѣчій можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что вообще *нарѣчія восточной или русской группы* (малорусское, бѣлорусское и великорусское) *представляютъ больше единства, чѣмъ нарѣчія остальныхъ двухъ группъ—сѣверо-западной* (чешское, польское, лужицкое) *и юго-западной* (болгарское, сербское, словинское). Но нѣсколько большая близость, между прочимъ, малорусскаго нарѣчія къ остальнымъ нарѣчіямъ русской діалектической группы, чѣмъ, напр., чешскаго нарѣчія къ польскому и другимъ нарѣчіямъ сѣверо-западной группы и т. д., далеко не значитъ еще, что малорусское нарѣчіе „составляетъ съ другими русскими нарѣчіями" такое уже „одно цѣлое", какимъ оно, повидимому, представляется проф. Флоринскому, въ родѣ, напр., того единства и той цѣлости, какія представляютъ собою отдѣльныя „поднарѣчія" или „говоры" какого нибудь нарѣчія чешскаго, польскаго и т. п. Что же касается собственно высказанной Ягичемъ мысли объ особенной близости русскихъ нарѣчій, сравнительно съ соотвѣтственной близостію между собою нарѣчій остальныхъ славянскихъ діалектическихъ группъ, то, во 1-хъ, эта мысль не представляетъ собою ничего новаго, а во 2-хъ, она вовсе не исключаетъ собой понятія объ индивидуальной отдѣльности другъ отъ друга русскихъ нарѣчій, какъ таковыхъ.

Извѣстно, что распаденіе славянской рѣчи на три главныя діалектическія группы совершилось еще въ незапамятныя доисторическія времена и что уже въ IX—X вв. существовали также и

[1]) Онъ ихъ называетъ „russischen Sprachen oder Dialecte" какъ и другіе славянскіе языки (Einige Streitfragen, стр. 24). Въ своемъ Bibliographische Übersicht der slav. Zeitschriffen etc, онъ ставитъ также малорусскую литературу на ряду съ другими слав. литературами, обозрѣвая отдѣльно каждую въ слѣд. порядкѣ: Русская, Малорусская, Польская, Чешская (вмѣстѣ съ словацкой), Словинская, Сербо-хорватская и Болгарская (Archiv, XX, стр. 624.

всѣ главнѣйшіе нынѣшніе славянскіе языки или нарѣчія, хотя взаимная близость ихъ была еще настолько велика, что, безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ [1]). При этомъ, обособленіе главнѣйшихъ нарѣчій русской діалектической группы произошло должно быть также въ не менѣе отдаленное время, чѣмъ и обособленіе нарѣчій остальныхъ славянскихъ діалектическихъ группъ, такъ какъ отличительныя особенности ихъ замѣтно сказываются уже въ письменныхъ памятникахъ XI вѣка. Фактъ этотъ наблюденъ также въ числѣ прочихъ ученыхъ и акад. Ягичемъ, который по сему поводу замѣчаетъ: какъ не допускать для XI вѣка полнаго развитія главныхъ русскихъ нарѣчій, когда уже разныя мелочи ихъ ясно проглядываютъ изъ памятниковъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, если по теоріи нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ филологовъ нашихъ, ближе изслѣдовавшихъ взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій, необходимо допустить нѣсколько стадій или эпохъ въ исторіи діалектическаго развитія русской рѣчи, а именно—сперва эпоху распаденія ея на нарѣчія южно-русское и обще-сѣверно-русское; потомъ, эпоху распаденія послѣдняго нарѣчія на сѣверно-великоруское и бѣлорусско-южно-великорусское, и наконецъ, эпоху образованія изъ послѣдняго нарѣчій бѣлорусскаго и южновеликорусскаго [3]), то можно себѣ представить уже apriori, въ какую глубокую древность прійдется отодвинуть по крайней мѣрѣ зачатки распаденія русскаго праязыка собственно на первоначальныя два главнѣйшія нарѣчія его—южное и сѣверное. Вѣдь уже въ паматникахъ XI в. явно выступаютъ нѣкоторыя характернѣйшія сѣверно-русскія особенности, а что касается спеціальныхъ южно-русскихъ особенностей, то проф. Соболевскій документально доказалъ присутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ памятникахъ XII в. [4]).

И такъ, не подлежитъ уже спору, что современныя русскія нарѣчія очень давняго происхожденія и что въ особенности южно-

---

[1]) См. Флоринскій. Лекціи по сл. яз. Т. I, стр. 3; Соболевскій: Древній церковно-слав. языкъ. Фонетика. М. 1891 г. стр. 7.

[2]) Четыре критико-палеографическія статьи Спб. 1884 г. стр. 89, 90.

[3]) Мы нѣсколько иначе понимаемъ ходъ постепеннаго развитія русскихъ нарѣчій; но совершенно раздѣляемъ мнѣніе о первоначальномъ дѣленіи русской рѣчи на южную и сѣверную діалектическія отрасли.

[4]) По мнѣнію названнаго ученаго, всѣ наиболѣе типичныя особенности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, обособляющія его отъ обоихъ сѣверно-русскихъ нарѣчій (бѣлорус. и в.-рус.), окончательно установились въ настоящемъ своемъ видѣ еще до XIV в, въ которомъ затѣмъ на сѣверѣ получило начало характерное явленіе (аканье), рельефно отличающее бѣлорусско-южно-великорусскіе говоры отъ сѣверно-великорусскихъ, и наконецъ приблизительно въ XVI в. появились черты (дзеканье), отличающія нынѣшнее бѣлорусское нарѣчіе отъ южно-великорусскаго. (Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. стр. 251).

русское (или малорусское) нарѣчіе получило начало своего самостоятельнаго развитія, можетъ быть, немногимъ только позже иныхъ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій. Чѣмъ же, однако, объясняется тотъ дѣйствительно существующій и давно уже замѣченный фактъ, что и по сіе время между русскими нарѣчіями вообще и въ частности между такими даже изъ нихъ, какъ южно-русское и великорусское, наблюдается по нѣкоторымъ общимъ признакамъ значительно большая сравнительно близость, чѣмъ, напр., между польскимъ и чешскимъ нарѣчіями, съ одной стороны, и даже польскимъ и лужицкими нарѣчіями—съ другой? При чемъ, если сопоставить раскинутую на огромномъ пространствѣ восточную или русскую діалектическую группу (съ ея 73 милліоннымъ населеніемъ), при небольшомъ числѣ ея главныхъ нарѣчій и особыхъ группъ говоровъ въ каждомъ, не представляющихъ притомъ очень многихъ и особенно рѣзкихъ внѣшнихъ отличій другъ отъ друга, если сопоставить, говоримъ, съ маленькими по занимаемому ими пространству двумя остальными славянскими діалектическими группами—сѣверо-западной (съ $18^1/_2$ мил. населеніемъ) и юго-западной (съ $11^1/_2$ мил. населеніемъ), распадающихся на гораздо большее число очень рѣзко иногда отличающихся другъ отъ друга нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ,—то дѣйствительно получается, впечатлѣніе того особеннаго внутренняго единства русскихъ нарѣчій, сравнительно съ таковымъ единствомъ славянскихъ нарѣчій остальныхъ группъ, какимъ оно, повидимому, и представилось акад. Ягичу, судя по его выраженію о немъ въ приведенной выше цитатѣ. Конечно, такое общее впечатлѣніе, съ явнымъ оттѣнкомъ субъективности въ данномъ случаѣ, далеко не соотвѣтствуетъ степени дѣйствительной близости другъ къ другу русскихъ нарѣчій; тѣмъ не менѣе таковая, особенно въ отношеніи нѣкоторыхъ коренныхъ признаковъ внѣшняго характера, настолько замѣтна сама по себѣ, что, принимая въ соображеніе глубокую древность главнѣйшихъ изъ этихъ нарѣчій, разбросанность ихъ на обширныхъ пространствахъ разнообразнаго топографическаго характера и многочисленность населенія, говорящаго на нихъ [1]), прійдется по необходимости допустить объясненіе сказаннаго явленія только тѣмъ общимъ предположеніемъ, что, очевидно, процессъ внѣшней діалектической дифференціаціи въ области всей славянской рѣчи вообще развивался, по какимъ-то неизслѣдованнымъ еще причинамъ, несравненно быстрѣе и интенсивнѣе на югѣ, и въ особенности на западѣ ея, чѣмъ на востокѣ. Во всякомъ случаѣ, указанныя разницы между

---

[1]) Представляющаго при томъ, по даннымъ исторіи и антропологіи, разнообразную племенную помѣсь—не менѣе населенія иныхъ славянскихъ народностей.

русской и остальными діалектическими группами славянской рѣчи заслуживаютъ особеннаго вниманія и составляютъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ славистики, ожидающій еще своей правильной постановки и надлежащаго научнаго рѣшенія. Послѣднее же возможно будетъ лишь тогда, когда будетъ произведено тщательное обслѣдованіе всѣхъ существующихъ говоровъ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и затѣмъ будетъ изученъ надлежащимъ образомъ не только внѣшній, но и внутренній характеръ послѣднихъ нарѣчій, въ связи съ историческими условіями и особымъ ходомъ развитія каждаго изъ нихъ, чего, какъ извѣстно, делеко не достаетъ еще въ должной мѣрѣ нашей наукѣ. Такъ какъ отдѣльный языкъ или отдѣльное нарѣчіе, по ученію новѣйшей школы лингвистовъ, есть не столько естественный объективный организмъ, сколько данный органическій выразитель внутренняго міра человѣка, и „исторія языка, по словамъ Пауля, есть исторія психическихъ организмовъ“ [1]), то очень быть можетъ, что внутренняя дифференціація языковъ и внѣшняя идутъотчасти независимо другъ отъ друга, не обусловливая непремѣнно вполнѣ параллельнаго своего развитія [2]), и что, пожалуй, при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса о сравнительной близости русскихъ нарѣчій, окажется, что они, сходясь болѣе другихъ сродныхъ славянскихъ нарѣчій по своему внѣшнему (матеріальному и формальному) характеру, въ то же время сильнѣе послѣднихъ разошлись по своему внутреннему (семазіологическому, стилистическому и вообще психологическому) характеру; а въ особенности, что такимъ именно образомъ разошлись далеко наиболѣе разнящіяся другъ отъ друга и съ внѣшней стороны—южнорусское и великорусское нарѣчія, языковыя предки коихъ возникли еще на почвѣ первоначальнаго распаденія общаго русскаго праязыка; при чемъ сами они являются столь различными по своему возрасту и пережили столь несходныя судьбы и внѣшнія вліянія въ своемъ историческомъ развитіи... Но какъ бы ни былъ рѣшенъ въ будущемъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ самъ по себѣ фактъ большей близости другъ къ другу русскихъ, чѣмъ инославянскихъ, нарѣчій вовсе, повторяемъ, не исключаетъ собою другаго не менѣе общеизвѣстнаго факта—болѣе или менѣе древней и характерной отдѣльности другъ отъ друга

---

¹) См. „Лекціи“ проф. Флоринскаго. Т. I, стр. 33.

²) Извѣстно, что внутренняя дифференціація и индивидуализація рѣчи проявляется даже у отдѣльныхъ лицъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, типическимъ примѣромъ чего можетъ служить то обстоятельство, что у каждаго изъ выдающихся писателей на какомъ либо языкѣ наблюдается его „особый языкъ“, изученію котораго и посвящаются особыя монографіи въ каждой литературѣ.

всѣхъ современныхъ русскихъ нарѣчій, отдѣльнаго существованія коихъ, какъ таковыхъ, очевидно, не отрицаетъ и акад. Ягичъ.

Между тѣмъ, проф. Флоринскій, говоря въ назиданіе д-ру Франку, что будто бы новѣйшіе филологи, а главнымъ образомъ ак. Ягичъ „считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ..... составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями", понимаетъ, если не ошибаемся, данное положеніе въ томъ смыслѣ, что всѣ русскія нарѣчія представляютъ чуть-ли не полное конкретное и индивидуальное тождество. Повторяемъ,—положенія о данномъ единствѣ и цѣлости русскихъ нарѣчій никто не отрицаетъ, какъ никто, кажется, не отрицаетъ также и того, что извѣстное единое и цѣлое, хотя и гораздо болѣе пестрое по внѣшнему виду, составляютъ также и южныя и западныя славянскія нарѣчія. Изъ-за чего же собственно хлопочетъ нашъ почтенный ученый? Очевидно, все недоразумѣніе состоитъ лишь въ томъ, что проф. Флоринскій, какъ мы сказали, подъ общей цѣлостью всѣхъ русскихъ нарѣчій разумѣетъ нѣчто совсѣмъ иное, только недостаточно опредѣленно выраженное имъ. Иначе, зачѣмъ бы ему понадобилось такъ настойчиво убѣждать др. Франка, что отдѣльность и самостоятельность малорусскаго нарѣчія совсѣмъ не то, что отдѣльность и самостоятельность другихъ славянскихъ нарѣчій. Впрочемъ, мы должны сознаться, что представленія почтеннаго профессора объ общей цѣлости русскихъ нарѣчій, въ качествѣ единаго русскаго языка, мы не въ состояніи понять надлежащимъ образомъ. Это представленіе, по скольку оно выражено далѣе въ слѣдующей формулѣ, является чѣмъ-то въ высшей степени своеобразнымъ съ логической точки зрѣнія. Проф. Флоринскій говоритъ, напр.: „не лишнее будетъ напомнить галицко-русскимъ филологамъ и литераторамъ, что понятіе русскаго языка обнимаетъ: 1) великорусскіе народные говоры, 2) малорусскіе народные говоры, 3) бѣлорусскіе народные говоры и 4) общерусскій литературный языкъ,— т. е. языкъ русской литературы, науки, общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ русскихъ образованныхъ классовъ общества". Въ этомъ любопытномъ наставленіи галицкимъ филологамъ соединены и общеизвѣстная азбука, и какой-то таинственный смыслъ въ ея сочетаніи... Если проф. Флоринскій считаетъ вообще русскій языкъ единымъ и недѣлимымъ цѣлымъ, то въ этой формулѣ его прежде всего является загадочнымъ съ логической точки зрѣнія совмѣщеніе таковаго понятія объ этомъ языкѣ съ представленіемъ о немъ, какъ о чрезвычайно сложномъ діалектическомъ комплексѣ, слагающемся изъ цѣлыхъ трехъ отдѣльныхъ группъ говоровъ, съ прибавкой къ нимъ одного конкретнаго литературнаго языка, какъ категоріи будто бы

равной каждой изъ этихъ группъ порознь и всѣмъ имъ—въ общей совокупности.—Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такой же функціей единства всего русскаго „языка", какая приписывается лишь отдѣльнымъ „нарѣчіямъ" славянскимъ, въ родѣ, напр., чешскаго, польскаго и проч. Но и въ такомъ случаѣ, для уравненія съ послѣдними русскаго языка по всему его внутреннему составу, слѣдовало бы сперва доказать, что и отношенія между группами русскихъ говоровъ, т. е. собственно между отдѣльными русскими нарѣчіями, обнимающими эти говоры, отнюдь не разнятся ничѣмъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны отъ таковыхъ же отношеній между группами говоровъ какого-нибудь спеціально чешскаго или польскаго нарѣчія. Но этого, очевидно, доказать нельзя, такъ какъ и сами русскія нарѣчія, напр., великорусское и малорусское, дѣлятся опять также на отдѣльныя группы говоровъ, не уступающихъ иногда въ отличіяхъ своихъ другъ отъ друга, даже съ чисто внѣшней стороны, отличіямъ между говорами чешскаго, польскаго и другихъ нарѣчій.

Далѣе, въ формулѣ проф. Флоринскаго, какъ мы уже замѣтили, бросается въ глаза непонятное также съ логической точки зрѣнія сопоставленіе, а затѣмъ и полное уравненіе въ одномъ общемъ понятіи о единомъ русскомъ языкѣ такихъ явно несоизмѣримыхъ языковыхъ величинъ, какъ три группы народныхъ говоровъ и одинъ недѣлимый литературный языкъ, хотя бы даже съ именемъ „общерусскаго языка", а также—исключеніе изъ опредѣляемаго такимъ образомъ общаго объема русской рѣчи другого фактически существующаго русскаго литературнаго языка, хотя бы онъ назывался только „малорусскимъ нарѣчіемъ", что случилось, очевидно, не по невѣдѣнію нашего ученаго о его существованіи.

Наконецъ, на нашъ взглядъ, наименѣе понятнымъ является, и съ логической, и съ спеціально лингвистической точки зрѣнія, присваиваніе въ этой формулѣ такъ называемому авторомъ „общерусскому литературному языку тѣхъ свойствъ, какихъ онъ рѣшительно имѣть не можетъ по своей органической и индивидуальной природѣ, какъ конкретный языкъ, образовавшійся на почвѣ даннаго живого говора и не только не стремящійся къ превращенію въ какой либо разнородный языковый конгломератъ, а напротивъ того, со временъ Пушкина все болѣе и болѣе успѣшно пріобрѣтающій живую и цѣльную народно-великорусскую окраску.—Конечно, въ обществѣ, въ силу ошибочной ассоціаціи разнородныхъ понятій, могутъ возникать ложныя представленія о природѣ отдѣльныхъ языковъ, и, напр., въ виду господствующаго положенія въ Россіи и въ русскихъ образованныхъ классахъ общерусскаго литературнаго языка", таковой мо-

жетъ представиться „общерусскимъ“ и по своей природѣ (т. е. по своей фонетикѣ, грамматикѣ, словарю), точно такъ же, какъ и французскій языкъ по своей доминирующей роли въ Европѣ, въ ея дипломатіи и во всѣхъ кругахъ высшаго европейскаго общества, можетъ признаваться также въ аналогическомъ смыслѣ языкомъ общеевропейскимъ. Но подобныя иллюзіи, простительныя умамъ съ недостаточно дисциплинированнымъ мышленіемъ и мало свѣдущимъ въ языкознаніи, не могутъ находить себѣ оправданія въ сужденіяхъ ученыхъ филологовъ. А между тѣмъ проф. Флоринскій всячески настаиваетъ на реальномъ значеніи подобной иллюзіи и старается убѣдить д-ра Франка, что русскій литературный языкъ есть безусловно „общерусскій“ по самому существу своему. Означенное положеніе свое онъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ. Исходя отъ факта, не отрицаемаго и др. Франкомъ, что русскій литературный языкъ вырабатывался общими усиліями всѣхъ вѣтвей русскаго народа, въ томъ числѣ и малороссами [1]), проф. Флоринскій находитъ только, что др. Франко ошибается и даже будто-бы противорѣчитъ себѣ, когда именуетъ при этомъ „общерусскую“ литературу „великорусской“. Въ дѣйствительности,—говоритъ далѣе проф. Флоринскій —нашъ литературный языкъ отнюдь не есть языкъ спеціально великорусскій. (sic!) Нельзя указать ни одного села въ Великороссіи, гдѣ бы простой народъ говорилъ такимъ языкомъ, какимъ пишутся наши книги и какимъ говорятъ высшіе образованные классы русскаго населенія, разсѣянные по всей Россіи“. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, русскій литературный языкъ безпочвенный? [2]) Но не можетъ быть, чтобы проф. Флоринскому не было извѣстно то, что давнымъ-давно вошло даже въ гимназическіе учебники наши [3]), а именно, что весь зву-

[1]) Въ выработкѣ его, какъ извѣстно, участвовали также писатели польскаго, южнославянскаго, нѣмецкаго, татарскаго и разнаго другого происхожденія. Но если подъ участіемъ малороссовъ подразумѣвать то особенное участіе, какое принимали вызванные изъ Кіева малорусскіе ученые въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв., то не слѣдуетъ забывать, что созданный тогда при ихъ содѣйствіи книжный русскій языкъ такъ-же исчезъ и замѣнился болѣе чистымъ великорусскимъ языкомъ, какъ погибъ скомпонованный въ то же приблизительно время другими малорусскими учеными искусственный сербскій языкъ, замѣненный также потомъ чисто народнымъ сербскимъ языкомъ.

[2]) Если извѣстнымъ разницамъ, неизбѣжнымъ вездѣ между языкомъ образованнаго общества и простонародья проф. Флоринскій придаетъ такое существенное значеніе съ спеціально лингвистической точки зрѣнія, то, изслѣдуя языкъ въ данномъ направленіи, можно было бы доказать, что въ Великороссіи (какъ и вездѣ) не только простой людъ говоритъ нѣсколько иначе, чѣмъ образованные люди, но что и подростки, въ свою очередь, говорятъ не совсѣмъ такъ, какъ люди взрослые и бывалые, сельчане—не совсѣмъ такъ, какъ горожане и т. д.

[3]) См., напр., хотя бы старую „Историч. грам. рус. яз.“ Ѳ. Буслаева. (Изд. 3-е. М. 1868 г. Ч. I, стр. 6).

ковой строй и характеръ русскаго литературнаго языка все таки основанъ цѣликомъ на одномъ лишь *московскомъ говорѣ* великорусскаго нарѣчія; что основныя грамматическія (этимологическо-морфологическія и синтаксическія) его особенности—чисто великорусскія, и что, наконецъ, основной словарный фэндъ этого языка (въ его матеріальномъ обликѣ и смысловомъ значеніи) почерпнутъ преимущественно изъ общаго лексическаго матеріала великорусскихъ нарѣчій и говоровъ. Если, однако, почему либо относящіяся къ сему положенія и правила, изложенныя въ учебникахъ, кажутся нашему ученому несостоятельными и неотвѣчающими дѣйствительности, то, мы полагаемъ, онъ не признаетъ таковымъ же авторитетнаго мнѣнія по этому предмету такого ученаго спеціалиста по русскому языкознанію, какъ проф. А. И. Соболевскій, который въ своемъ „Очеркѣ Русской Діалектологіи" [1]), характеризуя южновеликорусское или акающее поднарѣчіе, между прочимъ говоритъ слѣдующее: „передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ *литературнымъ* или *общерусскимъ* языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ". „Московскій простонародный и *подмосковный* говоръ никакихъ звуковыхъ особенностей не имѣетъ и главное отличіе его отъ литературнаго говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ, которыя хотя и извѣстны образованнымъ людямъ, но считаются вульгаризмами [2]). Но

---

[1]) „Живая Старина". Вып. I, годъ II, 1892 г.; стр. 9, 12, 13.

[2]) Не мѣшаетъ привести при этомъ отмѣченный тамъ-же проф. Соболевскимъ тотъ любопытный фактъ, что русскій литературный языкъ, благодаря своей распространенности въ разныхъ областяхъ Россіи, начинаетъ обнаруживать уже признаки діалектической дифференціаціи на иныхъ (не великорусскихъ) этнографическихъ почвахъ. Почтенный авторъ говоритъ, напр., что „въ другихъ городахъ къ нему (русскому литерат. языку) иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вм. *g*: *h*ика, *h*орохъ, и неслоговое *у* вм. *в* и *л*: любо*у*, да*у*, пи*у*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или значительная твердость *р* въ словахъ въ родѣ *бура* (*буря*)". Понятно, что эти звуковые варваризмы не могутъ быть признаны имѣющими право гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ со стороны блюстителей его чистоты и правильности. Но замѣчательно, что наблюденныя проф. Соболевскимъ явленія оправдываютъ, повидимому, мысль, высказанную нѣкогда Потебней, что „нынѣшній русскій литературный языкъ можетъ сохранить свое относительное

проф. Флоринскій мотивируетъ свой взглядъ на „общерусскую“ будто-бы природу русскаго литературнаго языка тѣмъ, что онъ, какъ и всѣ литературные языки, болѣе или менѣе языкъ искусственный. Этотъ нѣсколько неожиданный аргументъ въ пользу „общерусскаго характера“ русскаго литературнаго языка нашъ ученый излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Подобно другимъ литературнымъ языкамъ, и русскій литературный языкъ въ извѣстной степени есть языкъ искусственный: онъ не представляетъ собою копіи какого-либо простонароднаго нарѣчія или говора, а совмѣщаетъ въ себѣ элементъ разныхъ нарѣчій (sic!). Великорусская стихія занимаетъ въ немъ первенствующее, но не исключительное мѣсто; рядомъ съ ней присутствуютъ значительные малорусскіе и бѣлорусскіе элементы, а также церковно-славянскіе; кое-что вошло въ него и изъ неславянскихъ, западныхъ и восточныхъ языковъ (sic). Въ этомъ отношеніи исторія русскаго литературнаго языка, къ сожалѣнію, еще не выяснена въ подробностяхъ, представляетъ много сходнаго съ исторіей другихъ литературныхъ языковъ, напр., чешскаго и польскаго“, и т. д. Если такимъ образомъ квалифицировать природу языковъ, то не только всѣ литературные, но и всѣ народные языки не будутъ собственно тѣмъ, чѣмъ ихъ принято считать въ лингвистикѣ, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ можно найти не мало разнородныхъ элементовъ, заимствованныхъ ими изъ другихъ языковъ и только приспособленныхъ каждымъ изъ нихъ извѣстнымъ образомъ къ своей органической основѣ, въ каковомъ приспособленіи заимствованныхъ элементовъ нельзя отказать, полагаемъ, и русскому литературному языку, ибо въ противномъ случаѣ это былъ бы какой-то пестрый неорганическій жаргонъ, а не живая, индивидуальная и характерная рѣчь. На такомъ основаніи русскій литературный языкъ пришлось бы считать, впрочемъ, уже „не общерусскимъ“, а чѣмъ-то инымъ—болѣе общимъ. Если ужъ квалифицировать его спеціально по преобладающимъ въ немъ стихіямъ, то вѣрнѣе всего это будетъ языкъ „великорусско-церковно-славянскій“, такъ какъ стихія церковно-славянской рѣчи во всякомъ случаѣ несравненно значительнѣе въ немъ спеціальныхъ стихій другихъ русскихъ нарѣчій (малорусскаго и бѣлорусскаго); при чемъ даже участію въ немъ послѣднихъ стихій

единство лишь до тѣхъ поръ, пока онъ есть органъ незначительнаго меньшинства. Становясь дѣйствительно обще-русскимъ, а тѣмъ болѣе обще-славянскимъ, онъ въ то же время распался бы на нарѣчія“. (Академич. рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго, стр. 34).

едва-ли уступитъ участіе стихіи нѣмецкой, проникшей не только въ словарь и синтаксисъ этого языка, но даже отчасти и въ этимологію его (срав., напр., образованіе цѣлаго разряда словъ съ суффиксомъ —*ир*-овать: маскировать и т. п.).

Вообще, опредѣляя такимъ образомъ качество русскаго литературнаго языка по всѣмъ тѣмъ элементамъ, какіе, по словамъ проф. Флоринскаго, вошли въ той или иной мѣрѣ въ его составъ, пришлось-бы признать его не „общеславянскимъ" даже языкомъ, а смѣсью разныхъ славянскихъ языковъ съ западными и восточными языками. Но такими-же конгломератами по качеству своему оказались бы на сказанномъ основаніи и всѣ прочіе славянскіе литературные языки: польскій, чешскій, сербскій, болгарскій и другіе, а также и современный малорусскій литературный языкъ. Причемъ, если принять, напр., во вниманіе, что польскій литературный языкъ основался на „малопольскомъ" говорѣ, ближайшемъ къ западнымъ говорамъ малорусскаго нарѣчія, и вслѣдствіе многовѣковой совмѣстной культурной жизни поляковъ съ малороссами, а также участія въ польской литературѣ многихъ писателей малорусскаго происхожденія, этотъ языкъ заимствовалъ изъ малорусскаго нарѣчія сравнительно болѣе даже элементовъ, чѣмъ русскій литературный языкъ,—то по теоріи проф. Флоринскаго нужно было бы польскій литературный языкъ считать скорѣе „польско-малорусскимъ", чѣмъ чисто польскимъ языкомъ. Далѣе, на томъ же основаніи надо было-бы признать также литературные языки венгерскій и румынскій не таковыми въ дѣйствительности, а первый собственно—„венгерско-славянскимъ" и послѣдній „румынско-славянскимъ" и т. д.

Но не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ сужденіяхъ нашего автора объ „общерусскомъ" и „малорусскомъ" литературныхъ языкахъ, которыя всѣ въ томъ же родѣ и спеціально клонятся лишь къ тому, чтобы такимъ образомъ доказать, что собственно „великорусскій литературный языкъ" по своей природѣ покрываетъ всѣ русскія нарѣчія и говоры и тѣмъ самимъ дѣлаетъ совсѣмъ почти излишнимъ существованіе „малорусскаго литературнаго языка". Мы полагаемъ, что великое культурное, общественное и государственное значеніе русскаго языка настолько упрочено, что, для признанія за нимъ права на широкое распространеніе не только среди русскихъ и другихъ славянскихъ народностей, но и между иными народами, онъ вовсе не нуждается въ какой-бы то ни было маскировкѣ своего настоящаго индивидуальнаго великорусскаго характера. И, по нашему мнѣнію, подобный пріемъ едва ли можетъ прибавить что либо къ достоинству этого языка, заставляя однако тѣхъ, кто при-

бѣгаетъ къ подобнымъ пріемамъ, высказывать мысли, несоотвѣтствующія дѣйствительному уровню ихъ научныхъ познаній.

Посмотримъ теперь, что думаетъ о малорусскомъ языкѣ проф. Буличъ, который, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, настоятельно требуемъ, чтобы онъ оставался въ званіи *нарѣчія* и не позволялъ себѣ претендовать на званіе *языка*.

„Всѣ,—говоритъ онъ,—фонетическія особенности (а онѣ-то и являются единственными существенными признаками языковъ, нарѣчій и говоровъ, въ противоположность малохарактеристичнымъ морфологическимъ и лексическимъ особенностямъ), которыя отдѣляютъ русскій языкъ (?) отъ польскаго или старославянскаго (?) и т. д., имѣются и у малорусскаго нарѣчія“. Какъ тутъ понять, что въ данномъ случаѣ означаетъ собою слово *языкъ* и что—*нарѣчіе*? Какой это *русскій языкъ* сопоставляется съ другими языками? Что такое эти послѣдніе *языки*,—въ видѣ *языка польскаго* и рядомъ съ нимъ поставленнаго *языка старославянскаго*? Что такое, наконецъ, само по себѣ *малорусское нарѣчіе* и въ какое положеніе ставится оно, какъ таковое, по отношенію къ упомянутому *русскому языку*? Когда авторъ перечисляетъ въ скобкахъ лингвистическія величины, признаками коихъ, по его мнѣнію, служатъ данныя фонетическія особенности (какъ единственно существенныя), въ видѣ *языковъ*, *нарѣчій* и *говоровъ*, то можно думать, что подъ этими терминами онъ разумѣетъ разностепенныя по своему объему величины, послѣдовательно включающія въ себя одна другую, т. е., что подъ *языкомъ* подразумѣвается болѣе общая величина, обнимающая собой *нарѣчія* и *говоры*, а подъ *нарѣчіемъ*—менѣе общая величина, слагающаяся лишь изъ *говоровъ*, и, наконецъ, подъ послѣдними—простыя конкретныя языковыя величины. Но если такъ, то какую же величину обозначаетъ у него *русскій языкъ*, помимо сравниваемаго съ нимъ *малорусскаго нарѣчія*: совокупность ли остальныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскихъ и бѣлорусскаго), или нѣчто другое; но что именно? Ужъ не конкретный ли *русскій литературный языкъ*? Но послѣдній не есть уже величина соизмѣримая съ цѣлымъ *малорусскимъ нарѣчіемъ* и можетъ быть сравниваемъ развѣ только съ соотвѣтствующимъ ему въ количественномъ смыслѣ *малорусскимъ литературнымъ языкомъ*. Точно также неизвѣстно, въ какомъ объемѣ понимается сопоставляемый съ *русскимъ языкомъ польскій языкъ*. Судя по уравненію послѣдняго съ *старославянскимъ языкомъ*,—это не цѣлое польское нарѣчіе западно-славянскаго языка во всемъ его объемѣ, а такой же конкретный *польскій*

языкъ литературный, очевидно, какъ и книжный *старославянскій языкъ*. Впрочемъ, всѣ эти догадки разрушаются дальнѣйшимъ изложеніемъ предмета, и намъ приходится такъ и остаться въ невѣдѣніи, о чемъ собственно у автора идетъ рѣчь. Наиболѣе яснымъ для насъ представляется лишь слѣдующее положеніе проф. Булича, въ которомъ устанавливается извѣстная общность признаковъ малорусскаго нарѣчія съ остальными русскими нарѣчіями

„Такъ,—говоритъ онъ,—малорусское раздѣляетъ съ другими русскими нарѣчіями, бѣлорусскимъ и великорусскимъ, слѣдующія общія черты: 1) полногласіе.... 2) начальное *о* вм. j*е* другихъ слав. языковъ... 3) раннее изчезновеніе носовыхъ гласныхъ, вм. которыхъ находимъ *у* и *а*... 4) переходъ сочетаній *д*j въ *ж*, *т*j и *кт*, *чт*, *хт* передъ небными гласными въ *ч*... 5) отсутствіе *д* передъ *л* и *н* (упа*л*ъ, вя*н*уть) и 6) развитіе *л* послѣ губныхъ согласныхъ (люб*л*ю)". Это такъ, конечно. Но только мы никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, будто „во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ въ указанныхъ категоріяхъ мы находимъ тѣ или другія отличія отъ общихъ русскихъ (в.рус., млрус. и б.рус.) звуковыхъ особенностей", или, другими словами, что будто всѣ эти особенности спеціально свойственны однимъ русскимъ нарѣчіямъ. Вѣдь проф. Буличу самому прекрасно извѣстно, что изъ перечисленныхъ имъ особенностей спеціальной и найболѣе характерной для всѣхъ русскихъ нарѣчій является только *полногласіе* (бо*ро*да, го*ло*ва и т. п.). Затѣмъ къ ней можно причислить еще двѣ. менѣе уже характерныя особенности, каковы: начальное *о* (*о*зеро и т. п.) и переходъ *д*j въ *ж*.

Изъ этихъ послѣднихъ начальное *о* нѣкоторые слависты не считаютъ особенно характернымъ для русскихъ нарѣчій, потому что, во 1-хъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е* сохранилось и въ самихъ русскихъ нарѣчіяхъ (в. рус. и б. рус), въ словахъ: *э*то, һ*э*то, *э*во, *э*дакъ (=малорус. *о*то, *о*так), *е*жевика (млр. *о*жина)[1]; во 2-хъ, есть даже въ русскихъ нарѣчіяхъ слова съ *е* при *о* въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: общерус. *е*ще при срб. j*о*ш, болг. *о*ште; великорус. *е*два при словинскомъ *о*dvaj и т. п.; наконецъ, въ 3-хъ, нерѣдко въ другихъ слав. нарѣчіяхъ на ряду съ *е* встрѣчается и *о* тамъ же, гдѣ и въ рус. нарѣчіяхъ: польск. *о*lcha, *о*lsza,, чешск *о*lše, лужицк. w*о*lša, словинск. *о*lša, сербск. j*о*ха (при j*е*лша); болг. *о*дин (при *е*дин) чешск. *о*seň (при j*е*seň) и т. п. Въ виду чего проф. Соболевскій считаетъ эту особенность даже

[1]) Малорус. *е*дыний, *е*денъ едва-ли мѣстнаго происхожденія.

„мнимою особенностію“ рус. языка. (Лекціи по истор. рус. яз. Изд. 2, стр. 32, 33). Что касается перехода *dj* въ *ж*, то онъ существенно разнится только отъ западно-славянскихъ переходовъ его въ *z*, *dz*; но въ сербскомъ, а также въ болгарскомъ нарѣчіяхъ общерусскому *ж* (нѣкогда мягкому и нынѣ еще смягчаемому въ нѣкоторыхъ говорахъ) соотвѣтствуютъ также шипящіе звуки (а не свистящіе), хотя и съ иными оттѣнками: сравн. общерус. ме*жа*, пря*жа* и сербск. међа, пређа (произносится почти какъ ме*дьжя*, пре*дьжя*), болг. ме*жда*, пре*жда*. При чемъ въ говорахъ болгарскихъ спорадически встрѣчаются также и *ж*, и *дж*: чу*ж*ина, гра*ж*ане; ме*джа*, ро*дж*ена и т. п. Во многихъ малорусскихъ говорахъ также часто слышится *дж* вм. *ж*: ме*джа*, пря*джа*, са*джа*, ро*дж*ений, хо*дж*у; а также *dj* (въ 1-мъ лицѣ наст. вр. глаг.): хо*дю*, во*дю* и т. п. Наконецъ, въ одномъ случаѣ, именно при замѣнѣ древн. сочетанія *зdj*, переходъ *dj* въ *дж* (или *ч*), съ ассимиляціей предыдущаго *з* въ *ж* (или *ш*) свойственъ малорусскому нарѣчію наравнѣ съ польскимъ: млрус. до*шч* (при до*ждж*), дрі*ждж*і (при дрі*жчі* и дрі*шчі*), ї*ждж*у (при ї*зд*ю) и т. п., соотв. польскимъ: de*szcz*, dro*żdż*e, je*żdż*e (великорус. до*ждь*, до*жжь*, до*ш*ш; дро*жж*и; ѣ*жж*у).

Относительно же всѣхъ остальныхъ особенностей можно прямо сказать, что ихъ спеціально русскими совсѣмъ считать нельзя: а) Носовые гласные такъ-же рано исчезли въ сербскомъ, чешскомъ и многихъ другихъ слав. нарѣчіяхъ, какъ и въ русскихъ; при чемъ *у* замѣнило собою ѫ цѣликомъ въ сербскомъ, словацкомъ, чешскомъ и лужицкихъ нарѣчіяхъ, а также спорадически и въ болгарскихъ говорахъ (сравн. македонск. р*у*ка, нес*у*, мож*у*; шопско-търнское ск*у*п, п*у*т, врб*у*, сед*ý*, нес*у*т, н*ю* (вин. пад. ед. ч); скопско-кратовск. м*у*ка, м*у*ж, бер*у*; угро-болгарск. r*u*k*u*, nog*u* и т. п.); равнымъ образомъ *а* замѣнило собою ѧ вообще въ словацкомъ, чешскомъ и лужицкихъ нарѣчіяхъ, а спорадически также въ говорахъ сербскихъ (чакавск. j*a*zik, poč*a*ti, ž*a*tva), словинскихъ (резьянск., горицк. и нѣкоторыхъ хорутанскхъ: j*a*zik, zač*a*ti, m*a*so, zat, и частью въ восточныхъ: prij*a*ti zač*a*o и проч.), а также въ нѣкоторыхъ восточныхъ и западныхъ болгарскихъ (п*я*т, р*я*д, *я*чмен, *я*зик, на*ча*ток, ж*а*тва, нос*а*т, вид*а*т, и т. п.). б) Переходъ *тj* и *кт*, *гт*, *хт* въ *ч* [1]) столь же обыченъ въ словинскомъ нарѣчіи, какъ и въ русскихъ: sveča, hočem или hočo, noč, peči (печь), leč (лечь)

---

[1]) Малорусскія пра*ця*, хо*ць*, мі*ць*, мі*ц*ний и т. п. весьма стары; но въ нихъ *ць* и *ц* вм. *ч*, очевидно, заимствованы изъ польскаго, вѣроятно въ то еще время, когда *ч* въ соотвѣтственныхъ чисто ю.-рус. словахъ было мягко.

и т. п. Кромѣ того *ч* встрѣчается также въ переходныхъ сербско-болгарскихъ говорахъ (но*ч*и, све*ч*у) и въ нѣкоторыхъ чисто-болгарскихъ (*ч*ужина, *ч*е—хочешь; шопско-търнскія: свѣ*ч*а, но*ч* и проч.). в) Отсутствіе *д* передъ *л* и *н* свойственно всѣмъ южнославянскимъ нарѣчіямъ, за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ въ словинскомъ, и г) Развитіе *л* послѣ губныхъ согласн. составляетъ также общую черту всѣхъ южно-славянскихъ нарѣчій, кромѣ болгарскаго, въ которомъ оно утрачено, также какъ утрачивается оно отчасти и нѣкоторыми западными говорами малорус. нарѣчія.

Такимъ образомъ, повторяемъ, изъ приведенныхъ проф Буличемъ отличительныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ русской діалектической группы, спеціально русской чертой остается одно ***полногласіе*** и затѣмъ являются еще по преимуществу русскими чертами, начальное *о* вм. *е* и *ж* вм. *дј*. Но этого, очевидно, недостаточно для доказательства сильно преобладающаго единства между нарѣчіями русской діалектической группы, сравнительно съ единствомъ нарѣчій другихъ славянскихъ діалектическихъ группъ и подгруппъ, такъ какъ и нарѣчія послѣднихъ обладаютъ не меньшимъ числомъ общихъ и спеціально имъ однимъ принадлежащихъ особенностей. Такъ. напр., всѣмъ нарѣчіямъ западно-славянской діалектической группы одинаково свойственны такія спеціальныя и характерныя для всѣхъ ихъ особенности, какъ переходы древн. dj въ свистящіе dz, z и древняго tj и kt, gt, cht въ *c*; полное, или только въ извѣстныхъ случаяхъ (за исключеніемъ словацкаго нарѣчія) измѣненіе *ř* въ оригинальные шепелявыя звуки ř (рж), rz (ж), sz (ш); звукосочетанія dł, dl, dn (польск. padła, więdnę и т. п.), не считая другихъ болѣе мелкихъ особенностей. Точно также нарѣчія ляшской подгруппы (польское съ кашубскимъ и оба лужицкія—нижнее и верхнее) имѣютъ свои общія и не менѣе характерные черты, каковы: го и ło, параллельные рус. ***оро***, ***оло*** (broda, strona, słoma, słóma, głowa, hłowa и проч.) и затѣмъ довольно древнія и характерныя измѣненія d' въ dź, ź; t' въ ć, ś (dzień, dźeń, źeń, ciemny, ćĕmny, śemny и проч.), кромѣ другихъ менѣе спеціальныхъ чертъ. Не меньшее число такого же рода общихъ отличительныхъ чертъ можно указать и въ нарѣчіяхъ остальныхъ славянскихъ группъ и подгруппъ, напр., въ нарѣчіяхъ всей юго-славянской группы, въ нарѣчіяхъ иллирійской или сербословинской подгруппы и т. д. Русская діалектическая группа тоже подраздѣляется на подгруппы и, напр., нарѣчія ея ***сѣверной*** подгруппы (бѣлорусское и оба великорусскія) имѣютъ также свои общія особенности, которыми не менѣе отличаются отъ ***южнорус-***

скаго нарѣчія, чѣмъ, напр., нарѣчія *иллирійской* подгруппы отъ нарѣчія *болгарскаго*. Но изъ всего сказаннаго возможенъ тотъ лишь прямой выводъ, что существуютъ отдѣльныя группы и подгруппы славянскихъ нарѣчій, отличающіяся другъ отъ друга свойственными имъ однимъ звуковыми особенностями, причемъ взаимныя отношенія нарѣчій одной группы или подгруппы болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ взаимнымъ отношеніямъ нарѣчій другихъ группъ или подгруппъ; другими словами,—что существуютъ діалектическія группы: восточная или русская, западнославянская, южнославянская; подгруппы: сѣвернорусская, ляшская, иллирійская и другія, и что, напр., нарѣчія русской группы (в.-рус., б.-рус. и м. рус.) относятся другъ къ другу почти такъ-же, какъ и нарѣчія западно-славянской группы (польско-кашубск., чешско-словац., лужицкія) или нарѣчія южнославянской группы (сербо-хорватск., словинское, болгарское) и т. д. Между тѣмъ проф. Буличъ, упуская все это изъ виду, на основаніи перечисленныхъ имъ общихъ особенностей русской рѣчи приходитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію: „Очевидно, стало быть, —говоритъ онъ,—что въ ту эпоху, когда рѣчь поляка, чеха, серба, болгарина, словинца и т. д. представляла въ перечисленныхъ отношеніяхъ большія или меньшія отличія отъ русской рѣчи (?), рѣчь великоросса, малоросса и бѣлорусса ихъ не имѣла, т. е. представляла одинъ русскій языкъ. Всѣ фонетическія особенности, отличающія въ настоящее время малорус. нарѣчіе отъ прочихъ русскихъ нарѣчій, возникли уже послѣ отдѣленія общерусскаго языка отъ праславянскаго и „стало быть, являются признаками языковой разновидности болѣе новаго происхожденія, называемой обыкновенно *нарѣчіемъ*“. Да, въ наукѣ принято считать установленнымъ, что не только въ общерусскомъ, но и въ общезападнославянскомъ и въ общеюжнославянскомъ языкахъ діалектическія разновидности появились лишь послѣ отдѣленія этихъ общихъ языковъ отъ праславянскаго языка. Къ сожалѣнію только, мысль автора въ приведенной цитатѣ выражена неясно. Можно думать, что онъ предполагаетъ здѣсь такой моментъ въ жизни славянскихъ языковъ, когда существовали рядомъ двѣ только рѣчи, отличавшіяся другъ отъ друга въ извѣстныхъ отношеніяхъ: общая рѣчь всѣхъ нерусскихъ славянъ и общая рѣчь всѣхъ русскихъ славянъ. Но тогда пришлось бы допустить, что распаденіе первой на два главные общіе языка (западный и южный) послѣдовало чуть ли не одновременно съ распаденіемъ общерусской рѣчи на свои нарѣчія, что рѣшительно противорѣчило бы основному взгляду автора на послѣднія. Остается, поэтому, очевидно, понимать его мысль совсѣмъ наоборотъ, а именно,

что въ указываемую авторомъ эпоху существовали уже отдѣльныя рѣчи всѣхъ перечисленныхъ имъ славянскихъ народовъ, представлявшія каждая извѣстныя отличія отъ единой еще тогда общерусской рѣчи. Но откуда же извѣстно почтенному автору, что въ то время, когда въ области западной и южной славянской рѣчи полякъ, чехъ, болгаринъ, сербъ, словинецъ и т. д. говорили уже каждый на своихъ языкахъ, въ области восточной и русской рѣчи малороссъ, бѣлорусъ и великороссъ говорили еще на *одномъ* русскомъ языкѣ? Вѣдь автору, конечно, хорошо извѣстно, что за эпохой „отдѣленія" отъ *славянскаго праязыка* языковъ *общевосточнославянскаго* (или общерусccкаго), *общезападнославянскаго* и *общеюжнославянскаго* наступили продолжительныя эпохи послѣдовательныхъ распаденій каждаго изъ этихъ языковъ: *общерусскаго* на отрасли *южную* и *сѣверныя* и т. д., *общезападнославянскаго* на отрасли *ляшскую* и *чехословацкую* и т. д., *общеюжнославянскаго* на отрасли *болгарскую* и *иллирійскую* и т. д. По теоріи проф. Булича выходитъ, что эпоха „отдѣленія" *общерусскаго* языка отъ *праславянскаго* наступила несравненно позже отдѣленія отъ него другихъ *общихъ* славянскихъ языковъ (западнаго и южнаго), а именно тогда уже, когда послѣдніе прошли всѣ эпохи или стадіи своего діалектическаго развитія и превратились уже въ нарѣчія польское, чешское и т. д., такъ какъ въ этотъ моментъ общерусскій языкъ былъ еще, по мнѣнію автора, единымъ языкомъ и только послѣ сего сталъ распадаться на нарѣчія. Значитъ,—пока другіе два общеславянскіе языка не доразвились до всѣхъ главнѣйшихъ (и понынѣ существующихъ) своихъ „нарѣчій" или „языковъ", общерусскій языкъ не отдѣлялся еще отъ праславянскаго. Чѣмъ же онъ былъ въ такомъ случаѣ до этого момента? Неужели онъ все это время оставался „праславянскимъ" языкомъ? Или, можетъ быть, проф. Буличъ думаетъ, что *общій языкъ русскій* отдѣлился отъ праславянскаго въ одно время съ другими *общими славянскими языками* (западнымъ и южнымъ), но что все то время, пока у послѣднихъ совершался полный кругъ діалектической дифференціаціи, онъ оставался неподвижнымъ въ этомъ отношеніи и просуществовалъ таковымъ до момента окончательнаго развитія всѣхъ главныхъ нарѣчій въ послѣднихъ языкахъ? Все это до крайности невѣроятно. Мы уже указывали выше, что по историко-филологическимъ изслѣдованіямъ еще въ IX—X вв. всѣ вообще главнѣйшія славянскія нарѣчія очень близки были другъ къ другу; несомнѣнно, что и русскія нарѣчія также были тогда очень близки между собою, но что и они тогда уже суще-

ствовали, это доказывается тѣмъ, что къ XI в. обнаруживаются уже ихъ особенности даже въ мелочахъ. Даже проф. А. И. Соболевскій, который также склоненъ утверждать, что „русскій языкъ древнѣйшей (sic) эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова", тутъ же, однако, добавляетъ къ этому, что „онъ дѣлился на говоры" и притомъ такимъ образомъ, что эти говоры составляли уже изъ себя особыя діалектическія группы, ибо, по его словамъ „новгородскій, псковскій, смоленско-полоцкій—выдѣлились въ отдѣльную группу", а „прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти (sic) тожественны" [1]). Но само собою разумѣется, что разъ этотъ „*одинъ* языкъ" распадался на цѣлыя группы отдѣльныхъ говоровъ, то, очевидно, онъ не могъ въ то же время представлять конкретнаго единства „въ полномъ смыслѣ этого слова". Да и мудрено было бы предполагать такое его единство даже въ то отдаленное время, когда, по свидѣтельству начальной лѣтописи, не было уже на Руси полнаго племеннаго единства, а напротивъ того, представляли тогда „словѣнескъ языкъ на Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане" и проч., при чемъ всѣ эти племена „имяху бо обычай свой, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ".—Очевидно поэтому, что по меньшей мѣрѣ особая рѣчь южнорусса и сѣвернорусса возникли, можетъ быть, немногимъ лишь позже, если даже не одновременно съ рѣчью поляка, чеха и т. д., и по своему возрасту не уступаютъ послѣднимъ [2]), и только, какъ мы замѣтили уже выше, эти рѣчи нѣсколько менѣе видоизмѣнились и дифференцировались.

---

[1]) Лекція по Ист. рус. яз. Изд. 2-е, стр. 250. Конечно, подъ „сѣверо-восточной частью Руси" древнѣйшей эпохи надо разумѣть коренныя русскія области того времени, простиравшіяся на сѣверо-востокъ не далѣе „сѣверщины", такъ какъ по Нестору въ IX—X вв. нынѣшній южновеликорусскій Сѣверо-востокъ занятъ былъ еще сплошь финскими племенами, куда первыми двинулись Вятичи. Неизвѣстно, впрочемъ, можетъ быть проф. Соболевскій къ говорамъ „сѣверо-восточной части Руси" того отдаленнаго времени причисляетъ также говоры Вятичей, Радимичей и даже отчасти Кривичей, но на это не имѣется никакихъ основаній. Если же онъ имѣетъ здѣсь въ виду говоры Дреговичей и Сѣверянъ, то съ этимъ можно отчасти согласиться, такъ какъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ исторіи, послѣдніе, до подпаденія своего особенному вліянію сѣверныхъ племенъ, по своимъ племеннымъ особенностямъ представляли переходной типъ отъ южнорусскихъ племенъ (Полянъ, Древлянъ и Дулебовъ) къ сосѣднимъ съ ними сѣверно-русскимъ племенамъ (Кривичамъ, Радимичамъ и Вятичамъ); причемъ они не только подчинялись непосредственному вліянію высшей культуры первыхъ, но и въ характерѣ своемъ были, повидимому, ближе къ нимъ, чѣмъ къ послѣднимъ.

[2]) Напомнимъ сказанное выше, что нѣкоторыя спеціальныя особенности южнорусскаго нарѣчія явно обнаруживаются уже въ памятникахъ XII в., а къ началу

Далѣе, относительно той или иной давности рѣчей, дающей имъ право на имя *нарѣчія* или *языка*, проф. Буличъ замѣчаетъ еще слѣдующее: „не слѣдуетъ забывать,—говоритъ онъ,—что и теперешнія различія славянскихъ *языковъ* между собою нѣкогда (въ общеславянскомъ періодѣ) были различіями *діалектическими* и лишь впослѣдствіи выросли въ различія *языковыя*. Отдѣльные индоевропейскіе языки также нѣкогда были лишь нарѣчіями, а еще раньше—говорами индоевропейскаго праязыка. Разница между *языкомъ* и *нарѣчіемъ* сводится, главнымъ образомъ, къ большей или меньшей древности ихъ отличительныхъ признаковъ, т. е. въ сущности является вопросомъ времери. До извѣстнаго времени языковая разновидность носитъ названіе *нарѣчія*, а послѣ—*языка* (sic!). Въ теоріи малорусское *нарѣчіе* имѣетъ возможность сдѣлаться современемъ *языкомъ*: весь вопросъ въ томъ, наступилъ ли для него предѣльный возрастъ нарѣчія или нѣтъ (sic). На этотъ вопросъ покуда можно дать лишь отрицательный отвѣтъ: различія между прочими русскими нарѣчіями и малорусскимъ не настолько еще велики и многочисленны (довольно многія изъ нихъ свойственны и великорусскимъ говорамъ), чтобы сильно затруднять (sic.) взаимное пониманіе ихъ представителей“. Вотъ къ чему сводится, такимъ образомъ, вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи, какъ отдѣльной единицѣ рѣчи. Жаль только, что въ этомъ историческомъ ходѣ превращеній *говоровъ* въ *нарѣчія*, а послѣднихъ въ *языки*, остается совершенно неяснымъ, о какихъ собственно языковыхъ величинахъ идетъ рѣчь и какого рода различія превращали ихъ изъ одного состоянія въ другое. Изъ словъ автора можно заключить, что подъ всѣми этими наименованіями онъ подразумѣваетъ все однѣ и тѣ же данныя конкретныя языковыя единицы или особи, являющіяся сначала съ различіями, дающими имъ основаніе называться только *говорами*; потомъ въ извѣстномъ возрастѣ онѣ наживали себѣ такія еще различія, которыя давали имъ уже право на имя *нарѣчій* и, наконецъ, съ теченіемъ времени, пріобрѣвъ еще новыя различія, свидѣтельствующія уже о полномъ ихъ совершеннолѣтіи, онѣ удостоивались званія *языковъ*, оставаясь, однако, при всѣхъ сказанныхъ превращеніяхъ своихъ постоянно однѣми и тѣми же по существу недѣлимыми особями рѣчи, находящимися и въ качествѣ *языка* въ такомъ же живомъ употребленіи, въ какомъ онѣ находились и тогда, когда были еще *говорами*. Допустимъ на время, что все это именно такъ

XIV или къ концу XIII в., по даннымъ памятниковъ, устанавливаются уже и всѣ прочіе главнѣйшіе признаки, отличающіе современное малорусское нарѣчіе отъ обоихъ сѣвернорусскихъ.

случилось съ разными первоначальными *говорами* индоевропейскаго *праязыка.* А чѣмъ же былъ самъ-то этотъ „праязыкъ" до раздѣленія своего на сказанные „говоры", когда онъ былъ еще недѣлимымъ языкомъ, находившимся въ живомъ употребленіи у всѣхъ первоначальныхъ индоевропейцевъ? Чѣмъ онъ собственно сталъ затѣмъ, когда распался уже на эти свои „говоры?" И, наконецъ, во что онъ превращался постепенно, когда его „говоры" сами становились сперва „нарѣчіями," а потомъ уже и „языками?" Можетъ быть, слѣдуетъ думать, что этотъ первоначальный индоевропейскій „праязыкъ" и теперь еще существуетъ въ качествѣ конкретной языковой единицы, на которой, какъ таковой, продолжаетъ еще кто-либо говорить?... Всѣ эти вопросы далеко не праздны, такъ такъ они вытекаютъ прямо изъ формулированныхъ авторомъ понятій о языковыхъ единицахъ въ разныхъ періодахъ ихъ индивидуальнаго развитія. И мы вправѣ совершенно тѣ же вопросы предложить автору также и по отношенію къ первоначальнымъ „говорамъ" индоевропейскаго праязыка, превратившимся постепенно въ „языки". Говоритъ ли кто либо въ дѣйствительности и теперь на этихъ „говорахъ," когда они превратились уже въ „языки," совершенно такъ же, какъ говорили на нихъ тогда еще, когда они были только простыми „говорами?" Если же теперь, въ дѣйствительности, никто не говоритъ ни на первоначальномъ индоевропейскомъ „праязыкѣ", ни на тѣхъ первичныхъ его „говорахъ," которые постепенно превратились въ „языки," а говорятъ лишь на многочисленныхъ новѣйшихъ „говорахъ," возникшихъ изъ цѣлаго рода генерацій подобныхъ „языковъ," то какъ же быть съ званіями „нарѣчій" и „языковъ," предназначенными для всѣхъ этихъ языковыхъ особей по достиженіи ими извѣстныхъ возрастовъ? Къ какой изъ существующихъ нынѣ и находящихся дѣйствительно въ живомъ употребленіи единицъ рѣчи примѣнить означенныя названія, когда всѣ прежніе конкретные „говоры," достигнувъ уже возраста „нарѣчія", исчезли, распавшись на новые „говоры," и вмѣсто тѣхъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ единицъ рѣчи, какими они были нѣкогда, получились только все большія и большія группы таковыхъ единицъ, представляющія лишь извѣстныя фиктивныя собирательныя единицы рѣчи, связываемыя воедино и обособляемыя другъ отъ друга извѣстными общими признаками, присущими всѣмъ говорамъ данныхъ группъ? Очевидно, названія „нарѣчій" и „языковъ" придется примѣнить къ цѣлымъ означеннымъ языковымъ группамъ, происшедшимъ изъ тѣхъ первоначальныхъ конкретныхъ языковыхъ особей, о которыхъ говоритъ авторъ, а не къ нимъ самимъ, за упраздненіемъ таковыхъ. Если затѣмъ квали-

фицировать эти группы какъ „нарѣчія“ и какъ „языки,“ по мѣрѣ наростанія въ нихъ различій, или, другими словами, по мѣрѣ осложненія ихъ въ своемъ діалектическомъ составѣ, то и въ такомъ случаѣ малорусская рѣчь пережила уже то состояніе, когда она слагалась изъ группы совершенно однородныхъ и очень мало отличающихся другъ отъ друга говоровъ, ибо, по словамъ самого автора, въ ней уже образовались разныя внутреннія діалектическія различія, изъ коихъ „рѣзче всего выдѣляются два поднарѣчія: сѣверномалорусское и южномалорусское (украинско-галицкое).“—Окажется такимъ образомъ, что и съ этой стороны малорусская рѣчь стоитъ на уровнѣ съ такими общепризнанными „языками“, какъ чешскій, польскій и т. п., внутреннія разницы діалектическаго состава коихъ не превосходятъ особенно діалектическихъ разницъ малорусской рѣчи.

Остается вопросъ о самомъ качествѣ общихъ отличій малорусской рѣчи отъ другихъ русскихъ рѣчей, какъ ближайшихъ къ ней. Этотъ вопросъ рѣшается авторомъ до перечисленія характеристическихъ признаковъ малорусской рѣчи и, какъ мы видѣли, рѣшается имъ просто довольно оригинальнымъ способомъ: различія между малорусской рѣчью и другими русскими рѣчами не настолько-де еще велики и многочисленны, чтобы они *сильно затрудняли взаимное пониманіе* ихъ представителей, ergo—малорусская рѣчь есть только „нарѣчіе“. Но если по мнѣнію проф. Булича это именно обстоятельство имѣетъ въ самомъ дѣлѣ такое рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, есть ли малорусская рѣчъ „нарѣчіе“ или „языкъ,“ то незачѣмъ было привлекать къ нему филологію и исторію языковъ, и въ особенности утверждать, что этотъ вопросъ рѣшается главнымъ образомъ на основаніи однихъ фонетическихъ признаковъ, какъ наиболѣе будто-бы характерныхъ для отдѣльныхъ языковыхъ единицъ рѣчи, какъ таковыхъ. Однако степень взаимнаго пониманія людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ, вещь очень условная и опредѣлять ее можно различно, смотря по тому или иному субъективному впечатлѣнію. Какое же она можетъ имѣть отношеніе въ такомъ случаѣ къ положительному опредѣленію той или иной природы даннаго языка или нарѣчія, какъ таковаго по существу? Вѣдь можно сказать съ увѣренностью, что, напр., всякій простой сербъ и словинецъ, полякъ и лужичанинъ отнюдь не затрудняются болѣе во взаимномъ пониманіи другъ друга, чѣмъ простой малороссъ и великороссъ, въ особенности когда они впервые услышатъ рѣчи другъ друга. А на основаніи собственныхъ нашихъ наблюденій можемъ завѣрить почтеннаго автора, что, напр., галицкій или холмскій русинъ гораздо лучше пойметъ поляка, чѣмъ великоросса. Но дѣло не въ

томъ только, на сколько затруднительнѣе кому кого понимать, а и въ томъ еще, что если кто кого и пойметъ сколько нибудь, то *какъ* именно пойметъ...

Вообще, сходства и различія между отдѣльными конкретными рѣчами, принадлежащими къ области того или иного „нарѣчія" или „языка", нельзя опредѣлять какими то неясными степенями ихъ понятности. Эти сходства и различія нельзя сводить даже къ однимъ лишь какимъ либо внѣшнимъ признакамъ, облегчающимъ или затрудняющимъ въ той или иной степени взаимное пониманіе таковыхъ рѣчей ихъ представителями;—такого рода признаки сами по себѣ могутъ быть достаточными для опредѣленія извѣстныхъ существенныхъ сходствъ или отличій только между какими нибудь безжизненными предметами или явленіями, но они совершенно недостаточны для опредѣленія существенныхъ сходствъ или отличій между отдѣльными функціонирующими рѣчами, или все одно—отдѣльными недѣлимыми языками. Каждый такой языкъ есть живой, одухотворенный символъ народной мысли, и сходствуя въ той или иной степени съ другимъ родственнымъ ему языкомъ по внѣшнимъ признакамъ своимъ, онъ въ то-же время можетъ сильно расходиться съ нимъ по индивидуальнымъ особенностямъ своего внутренняго характера и значенія. Эта внутренняя или собственно психическая сторона языковъ получила себѣ отчасти подобающую оцѣнку только въ послѣднее время,—въ ученіи новограмматиковъ; но они коснулись вообще пока только отдѣльныхъ явленій ея въ рѣчи, не связавъ ихъ органически съ внѣшними явленіями діалектическаго развитія послѣдней и не пріурочивъ еще надлежащимъ образомъ своего ученія къ объясненію внутренней природы отдѣльныхъ лингвистическихъ индивидуальностей. Въ этомъ отношеніи филологической наукѣ предстоитъ еще много работы, для которой, однако, не выработана еще даже надлежащая научная программа. Между тѣмъ, одна, напр. сравнительная семазіологія омонимовъ лексическихъ синтаксическихъ, морфологическихъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуковыхъ (когда они имѣютъ извѣстное функціональное значеніе) могла бы дать богатый матеріалъ для обнаруженія, между прочимъ, тѣхъ глубокихъ иногда внутреннихъ отличій, какія скрываются подъ внѣшнимъ сходствомъ ближайшихъ другъ къ другу нарѣчій. Неизбѣжная во многихъ случаяхъ, большая или меньшая дифференціація по отдѣльнымъ нарѣчіямъ основныхъ значеній, связанныхъ съ данными одинаковыми словами и формами рѣчи, иной разъ затрудняетъ правильное пониманіе другъ друга людей, говорящихъ на ближайшихъ между собою нарѣчіяхъ,—не менѣе самыхъ сильныхъ внѣшнихъ разницъ въ тѣхъ же словахъ и формахъ,

затрудняющихъ взаимное пониманіе говорящихъ на болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга родственныхъ нарѣчіяхъ. О случаяхъ разныхъ недоразумѣній и забавныхъ qui pro quo по этому поводу между великороссами и малороссами существуетъ не мало характерныхъ анекдотовъ [1]). Но наши филологи, такъ легко рѣшающіе вопросъ о степени взаимнаго пониманія малороссовъ и великороссовъ, знаютъ, очевидно, обо всемъ этомъ не особенно хорошо. Гораздо болѣе ихъ ознакомлены съ подобнаго рода явленіями лучшіе наши педагоги, изучившіе данный вопросъ практически на живомъ дѣлѣ преподаванія русскаго языка малорусскому юношеству. Если проф. Буличу угодно знать, какъ именно смотрятъ на этотъ вопросъ наиболѣе компететные изъ нашихъ педагоговъ, то пусть онъ полюбопытствуетъ познакомиться съ разсужденіемъ на данную тему такого авторитетнаго педагога, какимъ безспорно былъ покойный К. Д. Ушинскій, помѣщеннымъ въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1875 г., на стр. 379—380. Сверхъ того, можемъ порекомендовать также нашему автору ознакомиться со взглядомъ на тотъ же предметъ такого глубокаго мыслителя и авторитетнаго филолога, до тонкостей изучившаго взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій, какъ покойный А. Потебня, высказаннымъ имъ въ академи-

---

[1]) Приведемъ для примѣра нѣсколько пришедшихъ намъ на память одинаковыхъ малорусскихъ и великорусскихъ выраженій, имѣющихъ свои особыя значенія:

Малорусскія:	*Великорусскія:*
пилъ (родъ кровати)	полъ (помист)
качка (утка)	качка (хитання)
задирка (заусеница)	задирка (зачинка)
злодій (воръ)	злодѣй (лиходій, злочинець)
дурный (глупый)	дурной (недобрый, поганый)
слабый (больной)	слабый (слабкий)
уродливый (красивый)	уродливый (брыдкий, каликий)
дурыты (обманывать)	дурить (пустовать)
богатійший (богаче)	богатѣйшій (найбогатшій)
глупа ничь (глухая ночь)	глупая ночь (дурна ничъ)
плохий чоловикъ (слабохарактерный)	плохой человѣкъ (недобрый, поганый чоловік) и т. п.

Подобныхъ омонимовъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, съ иными значеніями въ каждомъ, можно набрать сколько угодно. Такого рода семазіологическія разницы, въ связи съ общими индивидуальными отличіями родственныхъ нарѣчій, оказываютъ между прочимъ сильное вліяніе на одно любопытное явленіе, давно уже замѣченное Бодуэномъ-де-Куртенэ: „извѣстно, говоритъ онъ, что съ практическимъ изученіемъ одного прежде практически неизвѣстнаго славянскаго языка... теряется отчасти бѣглость во владѣніи извѣстными до сихъ поръ языками (явленіе, свойственное изученію не только славянскихъ, но и всѣхъ въ такой же степени родственныхъ языковъ)". (Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію. Вып. I. Казань 1876, стр. 21).

ческой рецензіи на изданіе галицкихъ пѣсенъ Я. Головацкаго, на стр. 33.

Вообще проф. Буличъ находитъ, что „отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку (?) можетъ быть приравнено къ отношенію между словацкимъ нарѣчіемъ и чешскимъ языкомъ (?), кашубскимъ нарѣчіемъ и польскимъ языкомъ(?) и т. д., но не къ отношенію между языками польскимъ, чешскимъ, сербскимъ и т. п. съ одной стороны, и русскимъ—съ другой (?)". Сознаемся, что въ этихъ выраженіяхъ мы ровно ничего не понимаемъ. Что слѣдуетъ понимать подъ словами русскій языкъ, чешскій языкъ, польскій языкъ, сербскій языкъ и т. п.—съ одной стороны, и малорусское нарѣчіе, словацкое нарѣчіе, кашубское—съ другой? Нужно ли понимать подъ упомянутыми „языками" цѣлыя діалектическія группы: общерусскую, чехословацкую, польско-кашубскую, сербо-хорватскую и т. п., или только части этихъ группъ: собственно-великорусскую часть, собственно-чешскую, собственно-польскую, собственно-сербскую и т. п., или, наконецъ,—конкретные литературные языки этихъ частей: русскій, чешскій, польскій, сербскій и т. п.? А подъ названными „нарѣчіями" понимать ли также другія извѣстныя части тѣхъ-же діалектическихъ группъ: малорусское нарѣчіе, какъ часть общерусской группы, словацкое—чехословацкой, кашубское—польско-кашубской, или подразумѣвать подъ ними только конкретные литературные языки означенныхъ частей: малорусскій, словацкій, кашубскій?

Если подъ русскимъ, чешскимъ, польскимъ „языками" разумѣть цѣлыя названныя выше діалектическія группы или подгруппы, то понятно, что по отношенію къ нимъ малорусское, словацкое, кашубское нарѣчія, въ качествѣ ихъ составныхъ элементовъ, будутъ только ихъ „нарѣчіями", и приравнивать послѣднія къ первымъ (т. е. каждую данную часть къ ея цѣлому) было бы дѣйствительно логической ошибкой. Но если подъ сказанными „языками" проф. Буличъ понимаетъ другія такія же составные элементы означенныхъ группъ и подгруппъ, т. е. собственно нарѣчія великорусское, чешское, польское, то приравниваніе къ нимъ „нарѣчій" малорусскаго, словацкаго, кашубскаго вполнѣ логично, такъ какъ эти величины совершенно соизмѣримы другъ съ другомъ. Наконецъ, если подъ таковыми „языками" подразумѣваются одни лишь конкретные литературные языки—русскій, чешскій и польскій, то само собою разумѣется, что приравнивать къ нимъ цѣлыя нарѣчія малорусское, словацкое, кашубское совсѣмъ было бы нелогично также вслѣдствіе несоизмѣримости тѣхъ и другихъ, но уже такой, что послѣднія язы-

ковыя величины, какъ собирательныя, по своему объему болѣе первыхъ какъ единичныхъ; равными же имъ могутъ быть только такія же, какъ и они, конкретныя величины—литературные языки этихъ „нарѣчій:“ малорусскій, словацкій, кашубскій.

Вотъ все, что можно сказать по вопросу объ отношеніяхъ между названными „языками“ и „нарѣчіями“. Впрочемъ, въ обществѣ можно встрѣтиться еще и съ такого рода взглядами на отношенія между означенными языковыми величинами, которыхъ мы не принимали здѣсь въ счетъ, въ виду чрезмѣрной ихъ наивности и невозможности допустить, чтобы ихъ склоненъ былъ раздѣлять также и нашъ ученый авторъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы проф. Буличъ могъ представлять себѣ, напр., какъ это бываетъ въ обществѣ, малорусское „нарѣчіе“ (съ его литературнымъ языкомъ) чѣмъ то въ родѣ діалектическаго отростка или просто искаженнаго отрывка великорусскаго нарѣчія или „языка“, равно какъ и словацкое „нарѣчіе“ въ видѣ таковаго же отростка чешскаго „языка“, а кашубское—польскаго. Мало того, мы не допускаемъ даже, чтобы почтенный профессоръ считалъ *великорусское* нарѣчіе непремѣнно старше малорусскаго или *южно-русскаго* нарѣчія, какъ и чешское старше словацкаго, а польское—кашубскаго.

Съ своей стороны должны замѣтить, что если приравнивать отношенія между нарѣчіями всей восточнославянской или общерусской діалектической группы къ отношеніямъ между нарѣчіями всей западнославянской діалектической группы, то правильнѣе было бы сопоставлять съ русскими нарѣчіями, въ видѣ великорусскаго съ бѣлорусскимъ и южно-русскаго или малорусскаго, цылыя діалектическія подгруппы западно-славянскія, въ видѣ ляшской (польско-кашубскаго нарѣчія съ лужицкими) и чехо-словацкой, чѣмъ отдѣльныя нарѣчія этихъ подгруппъ, въ видѣ напр., нарѣчія польскаго или чешскаго и т. д.

При этомъ, правда, можетъ явиться сомнѣніе, соизмѣримы ли на самомъ дѣлѣ такія, напр., величины, какъ малорусское нарѣчіе и чехо-словацкая діалектическая подгруппа, или можетъ быть первая по своему *внутреннему діалектическому составу* меньше послѣдней. Со стороны собственно количественной это сомнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній, но со стороны качественной, въ виду отмѣченной уже нами выше гораздо болѣе глубокой діалектической дифференціаціи всей вообще западно-славянской группы сравнительно съ восточно-славянской, такое сомнѣніе дѣйствительно имѣетъ подъ собой довольно твердыя основанія. Въ

виду этого мы полагаемъ, что не составитъ, повидимому, большой погрѣшности приравниваніе въ данномъ случаѣ малорусскаго нарѣчія ко всей чехо-словацкой подгруппѣ, отчасти къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ ея, чешскому и словацкому, такъ какъ въ качественномъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ собою нѣчто среднее между названной подгруппой и ея главными нарѣчіями.

Впрочемъ, есть слависты, не принимающіе въ счетъ дѣленія западно-славянской діалектической группы на ея особыя діалектическія подгруппы и устанавливающіе прямо дѣленіе ея на отдѣльные языки, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ словацкій языкъ ставится наравнѣ съ чешскимъ, а кашубскій наравнѣ съ польскимъ, какъ языки, очевидно, по ихъ мнѣнію вполнѣ самостоятельные и непосредственно выдѣлившіеся изъ общаго западно-славянскаго праязыка. На таковой непосредственной самостоятельности словацкаго и кашубскаго языковъ, наравнѣ съ чешскимъ и польскимъ языками, настаиваетъ между прочимъ и проф. Флоринскій [1]). Поэтому, если проф. Буличъ находитъ невозможнымъ признать за малорусскимъ „нарѣчіемъ" званіе „языка", совершенно на томъ же основаніи, какъ и за „нарѣчіями" словацкимъ и кашубскимъ, а проф. Флоринскій, вполнѣ раздѣляя резоны проф. Булича относительно названія малорусскаго „нарѣчія" именно таковымъ только, въ то же время рѣшительно расходится съ нимъ во взглядахъ на нарѣчія словацкое и кашубское, то отсюда уже можно видѣть, какъ вообще жалки тѣ основанія, на которыхъ нашими учеными филологами строятся заключенія объ извѣстныхъ языковыхъ величинахъ, какъ о „нарѣчіяхъ" или „языкахъ".

Остается сказать еще нѣсколько словъ собственно объ особенностяхъ, отличающихъ малорусское нарѣчіе отъ великорусскаго. Къ таковымъ проф. Буличъ, кромѣ фонетическихъ особенностей, причисляетъ также и нѣкоторыя формальныя и лексическія. Такъ какъ онъ, однако, считаетъ существенными признаками языковъ и нарѣчій только первыя особенности, то мы на нихъ однихъ и остановимся здѣсь немного. Главнѣйшихъ фонетическихъ особеннестей, свойственныхъ малорусскому нарѣчію и чуждыхъ велукорусскому, проф. Буличъ насчитываетъ 5 и кромѣ того еще 1 не чуждую и великорусскому. Къ таковымъ особенностямъ онъ совершенно правильно относитъ: 1) Переходъ древняго *о* въ извѣстныхъ случаяхъ въ другіе гласные (к*уо*нь, к*у*нь, к*и*нь, к*і*нь и т. п.); 2) Отраженіе по говорамъ древняго *ѣ* въ видѣ *іе*, *е*, *і*, смягчающихъ пред-

[1]) См. его Лекціи по слав. языкознанію. Т. II. Кіевъ 1897 г. стр. 220, 548.

шествующіе согласные (*ліе*то, л*ѣ*то, л*ї*то); 3) Переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ древняго *е* то въ тѣ же звуки, что и *о*, то въ тѣ же звуки, что и *ѣ* (т*юо*тка, т*ю*тка, т*ї*тка; с*іе*м, с*ѣ*м, с*ї*м); 4) Совпаденіе древнихъ *ы* и *і* въ общемъ звукѣ *и* (*ы*), не смягчающемъ предшествующихъ согласныхъ (л*и*с*и*й; л*и*хо); 5) Утрата мягкости согласныхъ передъ всякимъ *е* (д*е*р*е*во, д*е*сять, д*е*нь) и 6) сохраненіе звонкихъ согласныхъ на концѣ словъ и передъ глухими согласными (дї*д*, ві*з*; ні*ж*ка, ве*з*ти). Изъ этихъ особенностей видоизмѣненіе древняго *ѣ* въ *їе*, *ѣ*, *ї* авторъ не считаетъ вполнѣ отличительной чертой отъ великорусскаго нарѣчія. Это напрасно: во 1-хъ, въ малорусскомъ нарѣчіи вообще преобладаетъ элементъ *ї*, а въ великорусскомъ *ѣ* и въ послѣднемъ нѣтъ дифтонга *їе*; во 2-хъ, звуковые рефлексы *ѣ* въ малорус. нарѣчіи строго отличаются, какъ и въ древности, отъ *е*, а въ великорусскомъ оба эти звука во многихъ случаяхъ сливаются уже, что составляетъ характерное отличіе категоріи звуковъ малорусскаго *ѣ* отъ категоріи звуковъ великорусскаго *ѣ*. Не касаясь второстепенныхъ звуковыхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, приведенныхъ у автора, и не входя вообще въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, исчерпываются ли указанными особенностями звуковыя отличія этого нарѣчія отъ великорусскаго, мы дополнимъ только перечисленныя авторомъ главныя отличія тѣми еще, которыя непосредственно связаны съ ними, а именно: 1) Различеніе *о* и *е* въ качествѣ рефлексовъ древнихъ *ъ* и *ь* отъ *о* и *е* основныхъ, которое выражается въ неизмѣняемости первыхъ, подобно послѣднимъ, и въ томъ ихъ свойствѣ, что закрывая собой слогъ съ основнымъ *о* и *е* они не мѣшаютъ ихъ измѣненіямъ (л*о*б, л*ё*н, д*е*нь; дзв*ї*н*о*к, к*ї*н*е*ць, ж*ї*н*о*къ и т. п.) и 2) Переходъ и непереходъ *е* въ *ё* независимо отъ ударенія (с*ё*г*о́*дня, л*ё*д*о́*вня, п*а́*тёки, ч*о*г*о́* и т. п. и л*е́*гкий, т*е́*плий, плеч*е́* и т. п.). Всѣ приведенныя особенности малорусскаго нарѣчія очень древни и ими оно отличается не только отъ великорусскаго, но и отъ бѣлорусскаго нарѣчія, сближаясь при этомъ болѣе или менѣе съ другими славянскимими нарѣчіями. А именно: а) особаго рода переходами древняго *о*, а отчасти также и *е*, въ другіе звуки малорусское нарѣчіе сближается съ нарѣчіями западнославянской группы, въ особенности съ ляшскими (лужицкими и польско-кашубскими); въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ западнославявскихъ, такія измѣненія *о*, а также и *е* (послѣдняго почти только въ польскомъ и малорусскомъ) вызваны долготой; только малорусскія измѣненія этого рода, какъ *о*, такъ и *е*, а въ особенности послѣдняго, получили гораздо болѣе широкое и совершенно своеобразное развитіе; б) Усло-

віями перехода *е* въ *о* (*ё*) малорусское нарѣчіе болѣе сближается съ польско-кашубскимъ и лужицкимъ нарѣчіями, чѣмъ съ бѣлорусскимъ и великорусскимъ; в) Совпаденіемъ *ы* и *і* въ одномъ звукѣ и „отвердѣніемъ" *е* малорусское нарѣчіе сходится съ нарѣчіями южнославянской группы и отчасти съ чехо-словацкими и г) Звуковыми отраженіями по говорамъ древняго *ѣ* малорусское нарѣчіе болѣе всего приближается къ сербскому и отчасти къ словинскому; точно также какъ и малорусское сохраненіе звонкихъ согласныхъ болѣе всего находитъ себѣ аналогій въ сербскихъ говорахъ. Конечно, различіе всѣхъ этихъ звуковыхъ особенностей въ малорусскомъ нарѣчіи совершилось самостоятельно и во многомъ шло, несомнѣнно, иными путями, чѣмъ въ другихъ указанныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ данномъ случаѣ является весьма характернымъ самый фактъ бо́льшаго сближенія въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ иными славянскими нарѣчіями, чѣмъ съ двумя другими русскими. Итакъ изъ сказаннаго о звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія видно, что онѣ не уступаютъ въ характерности своей особенностямъ общимъ у него съ остальными русскими нарѣчіями (хотя, конечно, послѣднія древнѣе первыхъ), а численностію своею онѣ замѣтно превосходятъ даже послѣднія. Поэтому, если проф. Буличъ видитъ единственные существенные признаки языковъ и нарѣчій въ извѣстной характерности ихъ звуковыхъ особенностей и въ данномъ количествѣ таковыхъ, то для насъ является совершенно загадочныхъ, какъ это нашъ почтенный авторъ, приводя вышеуказанные общіе и частные признаки малорусской рѣчи и понимая, конечно, ихъ сравнительное значеніе, счелъ возможнымъ при этомъ такъ упорно настаивать на признаніи этой рѣчи, какъ таковой, непремѣнно только „нарѣчіемъ", преслѣдуя даже язвительной ироніей тѣхъ, кто осмѣливается „провозглашать" ее „языкомъ". Существуетъ ли какой либо критерій для правильнаго разграниченія „нарѣчій" и „языковъ", если подъ таковыми одинаково разумѣется живая конкретная рѣчь, и какія имѣются нормы фонетическихъ признаковъ (въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ), по которымъ означенная рѣчь опредѣляется какъ „нарѣчіе" или какъ „языкъ"? Если такой критерій существуетъ въ наукѣ, то какъ же это по одному и тому же критерію выходитъ у проф. Булича, что и малорусская, и словацкая, и кашубская рѣчь суть только „нарѣчія", а у проф. Флоринскаго, что первая— „нарѣчіе", а обѣ послѣднія „языки"? Очевидно, такого критерія нѣтъ, и данный вопросъ рѣшается каждымъ ученымъ по собственному усмотрѣнію. Но зачѣмъ же тогда ссылаться на науку, совсѣмъ не повинную въ подобныхъ усмотрѣніяхъ?

Къ такого же рода личнымъ усмотрѣніямъ слѣдуетъ отнести, несомнѣнно, также и все то, что говоритъ съ своей стороны проф. Флоринскій объ этнографическихъ отношеніяхъ между малороссами и великороссами, въ связи съ ихъ отношеніями языковыми и литературными. „Малоруссы въ этнографическомъ отношеніи,—поучаетъ онъ д-ра Франка,—представляютъ не самостоятельную славянскую особь (въ противоположность, напр., чехамъ, полякамъ, болгарамъ или сербо-хорватамъ), но лишь разновидность той обширной особи (?), которая именуется русскимъ народомъ. Въ составѣ ея на ряду съ малоруссами входятъ великоруссы и бѣлоруссы. Въ частныхъ сторонахъ и явленіяхъ своей жизни, напр., въ языкѣ бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ малоруссы представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей обстоятельное и всестороннее изучечіе которыхъ весьма желательно, но въ общемъ (?) они всегда были и остаются частью одною цѣлаго—русскаго народа. Чтобы увѣриться въ справедливости этого положенія, автору (Франку) достаточно было справиться съ общеизвѣстными сочиненіями Н. И. Костомарова (?!) и А. Н. Пыпина". Читая это, можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ возродившимся въ наукѣ номинализмомъ, постоянно мѣшающимъ опять видѣть явленія дѣйствительности въ ихъ надлежащемъ свѣтѣ. *Малоруссы*, по ученію проф. Флоринскаго, не представляютъ самостоятельной славянской особи въ этнографическомъ отношеніи, на подобіе чеховъ, поляковъ, болгаръ, сербо-хорватовъ, потому только, что они являются частью или разновидностію той болѣе обширной особи, которая называлась и называется *русскимъ* „народомъ", хотя въ то же время они (малороссы) представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей въ языкѣ, бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ своей. Вѣдь на подобномъ основаніи можно было бы, пожалуй, утверждать такимъ же образомъ, что и нынѣшніе *сербы* шумадійскіе или подунайскіе и *сербы* лужицкіе или полабскіе, какъ носящіе общее имя древней обширной *сербской* отрасли славянскаго племени, тоже были и остаются только разновидностями *одного этнографическаго цѣлаго*, хотя и разрозненнаго теперь географически. Что *малоруссы* или точнѣе *южноруссы* принадлежатъ къ *русской*, а не къ какой либо иной изъ главныхъ отраслей славянскаго племени, и что они даже представляютъ собою прямыхъ потомковъ коренной *Руси*,—это факты слишкомъ хорошо извѣстные, и непонятно, зачѣмъ понадобилось почтенному профессору нашему совѣтовать др. Франку обращаться за справками объ этомъ къ сочиненіямъ Костомарова. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, не извѣ-

стно, что съ нашего *Русскаго Юга* собственно и „есть пошьла руськая земля", по выраженію лѣтописца, и что на протяженіи еще нѣсколькихъ вѣковъ отъ начала исторической жизни Южной Руси остальныя, подчиненныя ей тогда въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ славяно-русскія племена и земли продолжали отличать себя отъ нея, присваивая ей одной спеціальное имя *Руси* [1]). Только на русскомъ югѣ, а именно въ западной части южно-русскаго племени сохранилась еще и понынѣ древняя форма національнаго имени *русинъ*, для обозначенія отдѣльнаго лица русскаго племени [2]), вмѣсто котораго на сѣверѣ выработалась впослѣдствіи форма *русскій*, представляющая, очевидно, сокращеніе выраженія *русскій человѣкъ*, которымъ, должно быть, обозначалась первоначально принадлежность людей сѣверныхъ племенъ къ вѣрѣ, гражданственности и государственному устройству Русскаго Юга.

Но дѣло не въ имени, когда рѣчь идетъ собственно о той или иной народной индивидуальности по существу. Основателями поли-

---

[1]) Такъ, напр., приднѣпровскій Переяславль назывался *русскимъ* въ отличіе отъ Переяславля Рязанскаго и Залѣсскаго. Что Южная Русь, и въ частности Кіевщина, сама себя считала собственной Русью, въ отличіе отъ другихъ русскихъ земель и племенъ, это видно изъ слѣдующихъ, напр., мѣстъ Волынской (Ипатской) лѣтописи. „Иде Володимиръ (984 г.) на Радимичи. И бѣ у него воевода Волчий Хвостъ... и срете Радимичи... и побѣди...; тѣмъ же и *Русь* корятся (докоряютъ) Радимичемъ,.. быша же Радимичи отъ рода Ляховъ, и пришедше ту ся вселиша, и платять дань въ *Руси*". (Стр. 55, 56). Изяславъ Кіевскій, идя на Юрія Суздальскаго въ 1150 г., говоритъ своей дружинѣ: „вы есте по мнѣ изъ *Руские земли* вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився". Подъ 1200 (6709) годомъ та же лѣтопись отмѣчаетъ „начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша *всей русской земли*, князя галичкаго" (здѣсь, конечно, рѣчь идетъ спеціально о всей *южной руси*, бывшей тогда во владѣніи Романа). Съ другой стороны, что собственной Русью считалась Южная Русь остальными русскими племенами, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ сѣверныхъ лѣтописей. Въ Воскресенской Лѣтописи (составленной въ Новгородѣ въ XV ст.) крещеніе Руси передано въ такой редакціи: „Владиміръ крестися и всѣ земли наши крести: *Русскую* и нашу Словенскую и Мерску и Кривичьску, Весь,.. и Муромъ и Вятичи и прочаа" (Полн. Соб. Л. VIII, 160). Суздальскій лѣтописецъ, описывая подъ 1154 г. походъ Юрія Долгорукаго на Кіевщину, выражается такъ: „поиде Гюрги съ Ростовци и съ Суждальци и со всѣми дѣтьми въ *Русь*... Пришедшю же ему въ Вятичѣ и ста, не дошедъ Козельска (нынѣ уѣздн. гор. Калужской губ.).... воротися опять Суждалю". (П. С. Л. I, 146).

[2]) См. эту форму въ „Русской Правдѣ" (1016 г.); въ лѣтописи подъ 1050 г. (6559): „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ *русина* въ святѣй Софьи"; въ договорныхъ грамотахъ Смоленскаго кн. Мстислава съ Рагою и готскимъ берегомъ 1229 и 1250 гг. и проч.

тической жизни Руси было племя, носившее имя *полянъ*, и основателями политической жизни ляховъ было также племя съ тѣмъ же именемъ *полянъ*; но вѣдь тѣ и другіе поляне не были однимъ и тѣмъ же племенемъ. Имя *Руси* считается, какъ извѣстно, заимствованнымъ славяно-русскими племенами, какъ и имя *болгаръ* заимствованнымъ балканскими славянами. Такихъ примѣровъ заимствованія чужихъ именъ разными племенами и народностями не мало въ исторіи. Характернымъ образчикомъ того, какъ мало значенія имѣютъ сами по себѣ имена при опредѣленіи народной индивидуальности, можетъ служуть французская народность. Имя этой народности, какъ извѣстно, *германскаго* происхожденія (отъ племени Франковъ); но племенная основа ея *кельтская* (Галлы); а языкъ *романскаго* происхожденія (потомокъ солдатской вульгарной латыни). И вотъ изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ путемъ культурно-историческаго процесса выработалось нѣчто особое и самостоятельное въ общественно-бытовомъ, расовомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, составляющее одно органическое цѣлое, называемое *французскою народностію*. По одному имени этой народности никто, конечно, не причислитъ ее къ германскимъ народностямъ; но антропологи могутъ находить въ ней черты, особенно роднящія ее, напр., съ народностію ирландскою, а лингвисты станутъ относить ее прямо къ семьѣ романскихъ народностей. Между тѣмъ она, въ дѣйствительности, ни та, ни другая, ни третья, а совершенно отличная отъ всѣхъ ихъ и вполнѣ самостоятельная *народная индивидуальность*, придавшая, какъ таковая, и случайно пріобрѣтенному ею въ исторіи имени свое особое спеціальное значеніе.

Такимъ образомъ *народность* есть совершенно особое общественно-этническое явленіе, составляющее *продуктъ культурно-исторической жизни* данныхъ племенныхъ элементовъ человѣчества, и его нельзя смѣшивать съ явленіями чисто бытовой и естественной жизни первичныхъ расъ и племенъ. Въ виду этого и распредѣленіе человѣчества по народностямъ не можетъ совпадать съ распредѣленіемъ его по спеціально расовымъ и племеннымъ группамъ, такъ какъ признаки послѣднихъ могутъ сильно перекрещиваться въ разныхъ народностяхъ.—Каждая *народность* или *національность*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, есть высшая форма развитія племенныхъ типовъ человѣчества,—это своего рода особая производная *культурная раса*, представляющая собой органическое сочетаніе въ одно цѣлое разнообразныхъ иногда племенныхъ свойствъ природы человѣческой, образующихъ изъ данной

группы населенія ту или иную общественно-этническую индивидуальность, отличающуюся отъ другихъ такихъ же индивидуальностей совокупностію свойственныхъ ей одной особенностей физической природы, языка, характера, темперамента, быта, понятій, нравовъ и разнообразныхъ произведеній ея умственнаго, нравственнаго и практическаго творчества. Всѣ сказанные признаки народностей, какъ таковыхъ, необходимо имѣть въ виду, когда дѣлается сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ. Проф. Флоринскій совѣтуетъ др. Франку справиться у Костомарова относительно этнографическаго единства Малороссовъ и Великороссовъ; но др. Франко, въ свою очередь, можетъ предложить своему оппоненту также ознакомиться ближе со взглядами Костомарова на этотъ предметъ и просмотрѣть для этого извѣстную статью его, спеціально посвященную данному предмету, „Двѣ русскія народности". Вѣдь въ этой статьѣ своей покойный историкъ устанавливаетъ столь глубокія разницы въ историческомъ, бытовомъ и психологическомъ отношеніяхъ между сказанными двумя русскими народностями, что онѣ доходятъ почти до полнаго контраста между ними, и едва ли въ такой степени встрѣчаются между народностями другихъ отраслей славянскаго племени. Впрочемъ значительныя отличія въ разныхъ отношеніяхъ между этими двумя родственными народностями давно уже замѣчены многими нашими историками и этнографами, и мнѣніе о таковыхъ отличіяхъ между ними стало даже, до извѣстной степени, общимъ мѣстомъ въ русской литературѣ и наукѣ. Напомнимъ хотя бы то, что писали о данномъ предметѣ, напр., Венелинъ (О спорѣ между Южанами и Сѣверянами" и „Объ источникахъ въ народной поэзіи вообще и южнорусской въ особенности". М. 1834), Бодянскій („О народной поэзіи славянскихъ племенъ"), Максимовичъ („Начатки русской филологіи"), Кавелинъ („Мысли и замѣтки о русской исторіи"), Корсаковъ („Меря и Ростовское княжество"), Н. П. Дашкевичъ (Критическій разборъ исторіи украинской литературы Петрова) и другіе. Съ строго научной, спеціально антропологической точки зрѣнія физическія и психологическія особенности южнорусской народности, отличающія ее отъ великорусской (а также и отъ польской), твердо установлены въ трудахъ Коперницкаго, Н. Гильченко и другихъ антропологовъ и прекрасно резюмированы въ общихъ положеніяхъ и выводахъ такимъ высоко-авторитетнымъ ученымъ и спеціалистомъ въ этой области знанія, какъ проф. Д. Н. Анучинъ. Желающіе ближе ознакомиться съ чисто-физическими и этнографическими особенностями, отличающими малоруссовъ отъ великороссовъ, могутъ обратиться къ статьямъ этого ученаго,

помѣщеннымъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, подъ заглавіями „Великоруссы" (Т. V-а) и „Малороссы" (Т. XIII-а). Мы же ограничимся здѣсь приведеніемъ вкратцѣ тѣхъ лишь мѣстъ изъ названныхъ статей, въ коихъ отмѣчены этимъ ученымъ общія отличія малорусской народности. Въ ст. „Малороссы" проф. Д. Н. Анучинъ говоритъ: „антропологическое различіе (между малороссами и великороссами) проявляется, отчасти, и въ темпераментѣ, и въ характерѣ, на которые, впрочемъ, могли еще имѣть вліяніе окружающая природа и весь ходъ исторіи, иной, чѣмъ на сѣверѣ. Какъ бы то ни было, малороссы отличаются отъ великороссовъ многими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, своимъ отношеніемъ къ религіи, къ женщинѣ, къ семьѣ, къ собственности и т. д... ихъ „громада" не то, что в.-русс. „міръ", ихъ пѣсни, думы, поговорки, сказки проникнуты иными чувствами, мыслями, воспоминаніями" (стр. 484). Въ ст. „Великоруссы" говорится почти то же самое: „всѣ подобныя (психологич., бытовыя и этнографическія) различія (между великорусскою и малорусскою народностями) обусловливаются отчасти вліяніемъ природы и климата,... отчасти различными для обѣихъ народностей культурными вліяніями, отчасти, наконецъ, различіемъ темперамента, характера, чувствъ, вкусовъ, унаслѣдованныхъ отъ дальнихъ предковъ и развившихся при различныхъ условіяхъ. Это различіе духовнаго склада выражается и въ характерѣ пѣсень и музыки, и въ отношеніи къ природѣ и къ религіи, и въ семейномъ и общественномъ быту, и въ развитіи промышленности и торговли, и въ народныхъ типахъ и идеалахъ". (Стр. 838).

Достойно вниманія при этомъ еще и то, что всѣ перечисленныя выше особенности южнорусской народности представляютъ въ общемъ въ высокой степени оригинальную и рѣзко очерченную индивидуальность народную, типическія черты которой (положительныя и отрицательныя) сказываются въ событіяхъ всей исторической жизни южнорусскаго народа, отъ самаго ея начала и до настоящаго времени, равно какъ и въ характерахъ и дѣяніяхъ отдѣльныхъ представителей этого народа во всѣ періоды его исторіи на поприщѣ политики, общественности, религіи, культуры, въ лицѣ напр., его владѣтельныхъ князей, въ родѣ Святослава, Владиміра Св., Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Данила Галицкаго и др.; въ лицѣ гетмановъ козацкихъ и атамановъ запорожскихъ, въ родѣ Конашевича—Сагайдачнаго, Байды Вишневецкаго, Богдана Хмельницкаго, Петра Дорошенка, Сірка, Палія, Калнышевскаго и др.; іерарховъ церковныхъ козацкаго періода, въ родѣ Іова Борецкаго, Сильвестра

Коссова, Іосифа Тукальскаго, Іоасафа Кроковскаго; землянъ и вельможъ, выступавшихъ въ роли общественныхъ и политическихъ дѣятелей, въ родѣ Константина Острожскаго, Адама Киселя, Юрія Немирича, Данила Братковскаго и друг.; писателей духовныхъ, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, Зизанія Тустановскаго, Кирилла Ставровецкаго и др.; наконецъ, народнаго философа, въ родѣ Сковороды, и т. п.; равно какъ и разныхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ историческихъ дѣятелей этого народа, вплоть до современныхъ тружениковъ его на поприщѣ общественности, литературы и искусства. Психическая индивидуальность южнорусскаго народа особенно выпуклыми чертами обрисовалась въ характерѣ его думъ, пѣсенъ и вообще въ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества, а въ частности также въ выдающихся произведеніяхъ южнорусской письменности и литературы, въ родѣ, напр., поученій Мономаха, Слова о полку Игоревомъ, Волынской лѣтописи, хронографовъ временъ козаччины и т. п., наконецъ въ художественныхъ произведеніяхъ Котляревскаго, Квітки, Шевченка, Марка-Вовчка, Нечуя-Левицкаго, Федьковича, Франка и другихъ современныхъ малорусскихъ писатей. Разные моменты бытовой и исторической жизни южнорусскаго народа, благодаря ихъ особой колоритности и оригинальности, привлекали къ себѣ также вниманіе нѣкоторыхъ крупныхъ талантовъ въ области литературы другихъ народовъ, черпавшихъ иногда сюжетъ для своихъ поэтическихъ произведеній изъ этого источника, какъ, напр., Байрона, Пушкина, Словацкаго, Захеръ-Мазоха и друг. До какой степени южнорусская натура отличается вообще своеобразіемъ, жизненностію и интенсивностію своихъ психическихъ свойствъ, можно судить по тому характерному факту, что участіе писателей украинскаго происхожденія въ сосѣднихъ литературахъ выразилось въ созданіи ими въ нихъ даже особой литературной манеры, особаго стиля и жанра съ специфической украинской окраской разныхъ оттѣновъ, каковы, напр., гоголевскій жанръ въ русской литературѣ; жанръ Богдана Залѣсскаго и Михаила Чайковскаго въ польской литературѣ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти характерныя черты малорусской народной психики отразились также и на языкѣ малорусскаго народа. Если безспорна истина извѣстнаго изреченія, что le style c'est l'homme, то еще безспорнѣе она въ приложеніи къ языку каждаго отдѣльнаго народа; ибо языкъ служитъ непосредственнымъ отраженіемъ не только физіологическихъ особенностей произношенія, выражающихся въ такъ называемомъ особомъ „акцентѣ", свойственномъ рѣчи каждаго даннаго народа, но и всего душевнаго склада послѣдняго.

Въ словарѣ, фразеологіи, въ такъ называемыхъ идіотизмахъ языка каждаго отдѣльнаго народа запечатлѣны нерѣдко интимнѣйшія и характернѣйшія черты его фантазіи, чувствъ и мыслей, не поддающіяся иногда передачѣ на языкѣ другаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родной языкъ даннаго народа является носителемъ многовѣковыхъ пріобрѣтеній его умственной и нравственной культуры и традиціоннымъ памятникомъ бытовыхъ, общественныхъ и политическихъ судебъ и впечатлѣній, пережитыхъ многими поколѣніями этого народа на протяженіи всей его исторіи. Наконецъ, съ роднымъ языкомъ даннаго народа органически связываются вѣками накопленные продукты его художественнаго—словеснаго и пѣсеннаго творчества, съ которыми тѣсно соедонены также и разныя интимныя подробности его современнаго житейскаго и бытового обихода. Однимъ словомъ, родной языкъ каждаго народа—это живой символъ его собирательной личности, его душевной жизни и его творческаго генія.—Поэтому, для многихъ людей съ цѣльной и впечатлительной натурой, требованіе отрѣчься отъ своего родного языка равносильно требованію отрѣченія ихъ отъ значительной части своего личнаго *я*. И дѣйствительно, послѣдствіями такого отрѣченія, какъ это давно уже замѣчено многими выдающимися психологами и педагогами (напр., Фихте, Дистервегомъ и др.), является нѣкоторое искаженіе душевной природы человѣка, выражающееся нерѣдко, съ одной стороны, извѣстнымъ обезцвѣченіемъ у подобныхъ людей ихъ мыслей, чувствъ и воли, влекущимъ иногда за собой даже порчу ихъ личнаго характера и нрава; съ другой стороны,—неизбѣжнымъ охлажденіемъ у нихъ живыхъ привязанностей къ своей родной средѣ, къ своему народу и краю, порождающимъ затѣмъ нерѣдко или полный индифферентизмъ ко всему общественному, или общее реакціонное настроеніе, исполненное мизантропіи и антипатіи преимущественно по всему родному. „Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно,—говоритъ А. А. Потебня,—оно было бы гибелью для человѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности. Послѣдовательный націонализмъ есть интернаціонализмъ.“ (Рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго. стр. брошюры 30.).—Вотъ этими-то глубоко жизненными внутренними свойствами языка каждаго отдѣльнаго народа и обусловливается естественное право его на неприкосновенное существованіе, а также нравственная обязанность и необходимость развивать и культивировать его, разъ этотъ языкъ выказалъ живое стремленіе стать литератур-

нымъ языкомъ и всестороннимъ выразителемъ мысли и духа данной народности.

Ни проф. Буличъ, ни проф. Флоринскій не отрицаютъ, правда, права малорусскаго языка на употребленіе его въ литературѣ; но это право допускается ими, а въ особенности послѣднимъ, съ такими оговорками и ограниченіями, при которыхъ оно теряетъ въ значительной мѣрѣ свое реальное значеніе.

„Само собою разумѣется,—говоритъ проф. Буличъ,—что изъ признанія малорусскаго (нарѣчія) *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ* отнюдь не вытекаетъ отрицаніе его права на независимое употребленіе въ роли языка литературнаго, научнаго, школьнаго и т. д.“. Одно лишь смущаетъ почтеннаго автора, а именно то, что для малорусскаго *нарѣчія* не наступилъ-де еще тотъ предѣльный возрастъ, въ которомъ оно имѣло бы право назваться *языкомъ*. Но мы уже знаемъ, какую цѣну имѣетъ это соображеніе. Впрочемъ авторъ не ограничивается имъ, а указываетъ еще и на то обстоятельство, что, дескать, не сложились еще вполнѣ и нормы малорусскаго литературнаго языка. Въ этой области,—по его замѣчанію,—до сихъ поръ наблюдается броженіе, объясняющееся разрозненностію и малочисленностію попытокъ создать такой языкъ и отсутствіемъ культурныхъ и политическихъ центровъ, гдѣ онъ могъ бы окрѣпнуть и развиться. Въ послѣднемъ замѣчаніи есть, несомнѣнно, значительная доля истины, но вѣдь всякій литературный языкъ по необходимости долженъ пережить эпоху броженія.—Ее пережилъ не такъ давно еще и русскій литературный языкъ, ее переживаетъ какъ разъ теперь же наравнѣ съ малорусскимъ и нынѣшній болгарскій литературный языкъ, не имѣющій при томъ тѣхъ задатковъ художественной стилистической обработки, какими въ значительной степени владѣетъ уже первый. Опредѣляются уже и тѣ центры, въ которыхъ культурное развитіе малорусскаго языка замѣтно растетъ и крѣпнетъ. Приходится пожалѣть только, что такіе же центры не нашли себѣ мѣста и на той діалектической почвѣ малорусской рѣчи, на которой впервые зародилась и пышно расцвѣла малорусская народная литература; ибо упроченіе ихъ на послѣдней безъ сомнѣнія послужило бы на вящщую пользу всего славянорусскаго міра, представляющаго, на ряду со многими внутренними различіями, доходящими до контрастовъ, столь же многія, общія и крѣпкія традиціонныя связи. Во всякомъ случаѣ, проф. Буличъ признаетъ, что „самое существованіе этихъ попытокъ (создать малорусскій литературный языкъ) указываетъ, однако, на

извѣстную живую потребность, на природное стремленіе малорусскаго нарѣчія стать самостоятельной языковой единицей, превратиться въ независимый *языкъ*". Къ этому онъ добавляетъ еще слѣдующее, совершенно вѣрное и справедливое замѣчаніе: „видѣть въ этомъ стремленіи злонамѣренное порожденіе малорусскаго сепаратизма слишкомъ наивно и возможно лишь при глубокомъ невѣжествѣ въ вопросахъ языка. Стремленія малорусскихъ писателей создать свой самостоятельный литературный языкъ не будутъ успѣшны, если они дѣйствительно безпочвенны — и, наоборотъ, попытки затормозить его самостоятельное развитіе либо излишни, либо безполезны".

Совсѣмъ въ иномъ тонѣ говоритъ о правахъ малорусскаго литературнаго языка проф. Флоринскій, который въ данномъ вопросѣ расходится даже съ проф. А. С. Будиловичемъ, сильно настаивающимъ, какъ извѣстно, на широкой гегемоніи русскаго литературнаго языка. Послѣдній, раздѣливъ литературные языки на „общіе" и „частные", нисколько не боится полнаго процвѣтанія всѣхъ вообще существующихъ „частныхъ" литературныхъ языковъ, на ряду съ „общими" литературными языками, и разсуждаетъ по этому поводу, въ примѣненіи къ русскому литературному языку, такъ: „все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что русскій языкъ не недругъ прочихъ славянскихъ, не соперникъ ихъ въ борьбѣ за жизнь, а наоборотъ, могущественный и надежный союзникъ". „Одинъ лишь предразсудокъ стоитъ на пути къ признанію этой истины: непониманіе нормальныхъ отношеній между діалектами, языками частными и языками общими. Многіе думаютъ, что существованіе первыхъ несовмѣстимо съ существованіемъ послѣднихъ, что слѣдовательно между ними идетъ борьба не за преобладаніе, а за существованіе". „Частные языки не только не гибнутъ съ появленіемъ общихъ, но нерѣдко еще успѣшнѣе развиваются". „Подтвержденіе этому находимъ и въ нынѣшнихъ язычныхъ отношеніяхъ Россіи. Мы видимъ въ ней, при господствѣ языка общерусскаго, существованіе и успѣшное развитіе цѣлаго ряда частныхъ языковъ и діалектическихъ литературъ, напр., финской, эстонской, ...малорусской, польской". „Высокое значеніе школъ Мицкевича и Залѣсскаго въ польской словесности, а Шевченка въ малорусской, служитъ еще однимъ доказательствомъ, что параллельное существованіе съ ними общерусскихъ школъ Пушкина и Гоголя было не помѣхою, а скорѣе поддержкою для развитія областныхъ литературъ" [1]). Такая постановка вопроса, гдѣ по отношенію къ русскому литературному языку ставятся на одну ногу и

[1]) Общеславянскій языкъ. Т. II. Стр. 364, 365, 366.

малорусскій, и польскій литературные языки, въ всякомъ случаѣ гораздо проще и понятнѣй той, гдѣ, какъ у проф. Флоринскаго, малорусскій литературный языкъ исключается даже, какъ мы видѣли, изъ общаго объема русской рѣчи, потому-де, что его цѣликомъ будто-бы замѣняетъ по самой природѣ своей „общерусскій" литературный языкъ. Вообще, проф. Флоринскій, на подобіе средневѣковыхъ латинистовъ и французскихъ культурниковъ временъ великой революціи, признаетъ (за нѣкоторыми исключеніями) вреднымъ развитіе особыхъ діалектическихъ литературъ, называя это явленіе „литературнымъ партикуляризмомъ". И тотъ основной мотивъ, какой приводился въ оныя времена латинистами противъ развитія народныхъ литературъ—итальянской, нѣмецкой, венгерской, славянскихъ, а французскими культурниками противъ развитія провансальской, гасконской и проч. литературъ, теперь въ нѣсколько иной лишь редакціи повторяется и проф. Флоринскимъ: „понятно,—говоритъ онъ,—что при такомъ литературномъ партикуляризмѣ утратила бы всякое значеніе, сдѣлалась бы неосуществимой самая идея литературнаго языка (?!), какъ могущественнаго органа духовнаго общенія между всѣми частями одного народа" (?) [1]).—При всемъ томъ, по отношенію къ малорусской литературѣ проф. Флоринскій все же является довольно снисходительнымъ. „Приведенныя соображенія,—говоритъ онъ,—конечно, не даютъ основаній заключать, что малорусская литература совсѣмъ не имѣетъ права на существованіе. Такое право ею пріобрѣтено какъ давностью бытія, такъ особенно высокими достоинствами нѣкоторыхъ ея произведеній, напр., прекрасныхъ поэтическихъ созданій Шевченка или новѣйшихъ повѣстей самого Ив. Франка". Итакъ, повидимому, авторъ нисколько не отрицаетъ права малорусской литературы на существованіе; но затѣмъ у него „вопросъ сводится лишь къ тому, въ какомъ отношеніи должна находиться малорусская литература къ общерусской литературѣ? Въ чемъ ея главная функція? Какія цѣли и задачи она можетъ и должна преслѣдовать?". И вотъ на эти то вопросы, предъявленные къ малорусской литературѣ, проф. Флоринскій даетъ такіе отвѣты, которые по отношенію къ любой живой и развивающейся литературѣ равносильны обреченію ея на обязательное наси-

---

[1]) Напомнимъ, однако, что проф. Флоринскій, вопреки означенному своему принципу, все таки признаетъ широкое право за литературнымъ партикуляризмомъ въ нѣкоторыхъ общенаціональныхъ сферахъ, предоставляя, напр., полную свободу развитія словацкому и кашубскому литературнымъ языкамъ, въ чемъ также несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми единомышленниками своими по данному вопросу—чехами и поляками.

лованіе себя, неизбѣжное худосочіе и гибель.—„Изъ того,—говоритъ онъ, — что сказано выше, вполнѣ ясно, что если малорусская литература возникла и существуетъ, то она можетъ играть роль лишь второстепенной, побочной литературы, служащей какъ бы додополненіемъ литературы общерусской. Она можетъ имѣть значеніе лишь какъ одно изъ проявленій племенной индивидуальности данной вѣтви русскаго народа на ряду съ малорусскимъ театромъ, малорусской народной пѣсней и пляской, малорусскимъ народнымъ одѣяніемъ (sic!), но не можетъ и не должна (?!) брать на себя выполненіе всѣхъ тѣхъ функцій, какія выполняютъ общерусскій языкъ и общерусская литература". Неизвѣстно, на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ затѣмъ, что будто-бы въ данномъ именно направленіи „лучше всего опредѣлили характеръ и основныя задачи малорусской литературы лучшіе преставители ея, какъ Котляревскій, Квитка-Основьяненко, Шевченко и др., ограничившіе свою литературную дѣятельность областью беллетристики".—Выходитъ такимъ образомъ, что если найдутся въ какой-либо литературѣ, особенно на первыхъ порахъ ея развитія, лучшіе представители ея, ограничившіе по свойству своего таланта литературную дѣятельность свою одной беллетристикой, то отсюда слѣдуетъ заключить, что они тѣмъ самымъ уже *опредѣлили* впередъ и таковой ея спеціальный характеръ и даже таковыя ея одностороннія основныя задачи на все будущее время. Не странно ли такое заключеніе со стороны профессора языкознанія и литературы?

Вообще свои понятія о спеціальныхъ задачахъ и функціяхъ малорусской литературы проф. Флоринскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ. „По моему мнѣнію,—говоритъ онъ,—малорусская литература прежде всего должна быть *органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малорусскаго народнаго духа* и, сверхъ того, можетъ служиль средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простаго крестьянскаго люда. Содержаніе ея *должно исчерпываться* [1]) художественными поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малороссовъ, изданіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и простонародными книгами, имѣющими цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчіи должны служить переходною ступенью къ общерусской книгѣ". Допускать право данной литературы стать органомъ непосредственнаго поэтиче-

---

[1]) Всѣ курсивы наши.

скаго творчества, вытекающаго изъ глубины народнаго духа, и въ тоже время требовать ограниченія этого творчества художественными произведеніями, рисующими лишь одну простонародную жизнь,— значитъ не знать совсѣмъ природы человѣческаго духа вообще и естественныхъ условій развитія художественнаго творчества въ частности. Подобное ограниченіе рѣшительно несовмѣстимо съ требованіями глубокой *искренности* отъ творческаго таланта и полной *свободы* въ выборѣ имъ сюжетовъ для своихъ художественныхъ созданій, такъ какъ оно неизбѣжно должно парализовать и ту, и другую. Вмѣнить въ обязанность серьезнымъ литературнымъ талантамъ сказанное ограниченіе ихъ творчества—значитъ упразднить и эти таланты и ихъ творчество, а допустить лишь появленіе на ихъ мѣсто литературныхъ диллетантовъ, готовыхъ побаловаться между дѣломъ какими-либо поэтическими пустяками, которымъ и они сами не станутъ придавать особенно серьезнаго значенія. Квитка и Шевченко, какъ извѣстно, пробовали, между прочимъ, писать также и на русскомъ языкѣ; но могутъ-ли писанія ихъ на этомъ языкѣ идти въ сравненіе съ высоко-художественными созданіями ихъ на языкѣ малорусскомъ, творить на которомъ было ихъ истиннымъ призваніемъ? А одними ли сюжетами изъ простонародной жизни исчерпывались поэтическія произведенія музы Шевченка?...

Что же касается ограниченія научной литературы на малорусскомъ языкѣ книгами, имѣющими цѣлью распространеніе элементарнаго просвѣщенія въ простомъ народѣ, то кто же изъ опытныхъ и преданныхъ своему дѣлу педагоговъ не сочувствовалъ бы этой здравой идеѣ, посколько она касается собственно необходимости подобныхъ книгъ для малорусскаго народа? Но почтенному профессору небезъизвѣстно, конечно, что хорошее популярное изложеніе хотя бы самыхъ элементарныхъ знаній, на какомъ бы то ни было языкѣ, труднѣе бываетъ иногда сухого, строго научнаго изложенія ихъ на томъ же языкѣ и что, во всякомъ случаѣ, чѣмъ развитѣе на данномъ языкѣ строго научная литература, тѣмъ легче и популяризировать на немъ разныя элементарныя знанія. Поэтому допускать научную литературу на малорусскомъ языкѣ, но ограничивать ее при этомъ одними лишь популярными книгами для народа, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательно и нераціонально.

Однако изъ всего сказаннаго проф. Флоринскимъ о малорусскомъ языкѣ и литературѣ наиболѣе неожиданнымъ является слѣдующее его положеніе. „Стремленіе современныхъ галицко-русскихъ дѣятелей,—говоритъ онъ,—возвести малорусское нарѣчіе на степень языка преподавательскаго (въ среднихъ и высшихъ школахъ), научнаго,

публицистическаго и общественнаго не оправдывается ни логическими основаніями (?), ни практическими соображеніями (?!). Это стремленіе слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ (?!), которое можетъ принесть русскому народу, и въ частности малоруссамъ, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу" (?). По истинѣ, тайна основной мысли, заключающейся въ этомъ положеніи, для насъ непостижима. По какимъ это *логическимъ основаніямъ* и *практическимъ соображеніямъ* представляется отрицательнымъ и вреднымъ стремленіемъ то, что въ дѣйствительности является уже не только стремленіемъ къ извѣстной цѣли, сколько признаніемъ достиженія ея, какъ естественно и законносовершившагося факта? Вѣдь малорусскій языкъ въ Галичинѣ искони является языкомъ общественнымъ въ культурныхъ слояхъ [1]), наравнѣ съ языкомъ польскимъ; только въ послѣднее время онъ отвоевалъ у послѣдняго болѣе обширный кругъ мѣстной русской интеллигенціи, и только извѣстная часть ея, воспитанная въ старошляхетскомъ духѣ, изъ традиціоннаго отвращенія по всему, что напоминаетъ собой мѣстнаго русина—хлопа, продолжаетъ говорить по польски. При чемъ изъ сказанныхъ побужденій говорятъ здѣсь по польски въ семьѣ и въ обществѣ не только тѣ, что и пишутъ по польски, но и тѣ, что стараются писать будто-бы по великорусски. Это фактъ общеизвѣстный въ Галичинѣ.—Затѣмъ проф. Флоринскому должно быть извѣстно, что и Наумовичъ, напр., вынужденъ былъ прибѣгать въ публицистикѣ къ мѣстному народному языку. Не мѣшало бы также точно освѣдомиться нашему автору, какое ничтожное число платныхъ подписчиковъ имѣютъ въ Галичинѣ газеты, издающіяся тамъ будто-бы на нашемъ русскомъ литературномъ языкѣ. Да въ Галичинѣ и невозможна серьезная публицистика на иномъ языкѣ, кромѣ малорусскаго (или польскаго), если она преслѣдуетъ живые мѣстные интересы и цѣли и желаетъ послужить для нихъ съ пользой. Наконецъ, какъ не быть малорусскому языку въ Галичинѣ и общественнымъ, и публицистическимъ, и преподавательскимъ, и научнымъ, когда спеціальное употребленіе его узаконено оффиціально и въ церковной проповѣди, и въ сеймѣ, и въ судѣ, и въ администраціи, и въ школѣ, и въ разныхъ ученыхъ и дѣловыхъ обществахъ, и когда многія уже генераціи мѣстной русской интеллигенціи прошли образованіе свое на этомъ именно языкѣ въ гимна-

---

[1]) См. любопытное письмо объ этомъ Ѳ. Г. Лебединцева къ своему брату кіевск. каѳедральному протоіерею П. Г. Лебединцеву въ 1865 г., въ которомъ съ удивительною наивностью разсказывается о томъ, какъ пораженъ былъ авторъ письма этимъ неожиданнымъ для него явленіемъ. (Кіевская Старина 1898 года, Мартъ. Стр. 360, 361).

зіяхъ (которыхъ теперь 4) и въ университетахъ (по нѣсколькимъ каѳедрамъ—въ Львовѣ и Черновцахъ).—Вообще, въ Галичинѣ съ малорусскимъ литературнымъ языкомъ дѣло стоитъ уже такъ, что если бы здѣсь почему либо въ самомъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ, такъ какъ въ этомъ только направленіи и возможно здѣсь практическое осуществленіе подобнаго стремленія —Этого ли добивается проф, Флоринскій? Или ему плохо извѣстны галицкія общественныя, культурныя и политическія отношенія?,.

Мы разсмотрѣли посильно со всѣхъ сторонъ сужденія двухъ извѣстныхъ филологовъ нашихъ о малорусскомъ языкѣ и литературѣ на немъ и остаемся въ недоумѣніи: чѣмъ объяснить приведенные вгляды ихъ на этотъ языкъ и литературу, въ виду солидности знаній обоихъ этихъ ученыхъ въ спеціальной области своего вѣдѣнія. Ужъ не подверглись ли и они, какъ и другіе изъ такихъ ученыхъ филологовъ, невольному вліянію традиціонныхъ понятій о малорусскомъ языкѣ, какъ о какомъ то лингвистическомъ паріи,—понятій, сложившихся у насъ по извѣстнымъ фатальнымъ общественно-политическимъ условіямъ еще во времена польско-шляхетнаго режима въ средѣ тогдашнихъ отщепенцемъ малорусскаго народа и дошедшихъ преемственно и до нашего времени? Но могутъ ли имѣть какое либо мѣсто и цѣну въ современной наукѣ эти понятія?

Или же нашимъ ученымъ, по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, показалось несовмѣстимымъ существованіе малорусскаго литературнаго языка съ фактически установившейся у насъ гегемоніей русскаго литературнаго языка,—гегемоніей, основанной не только на высокихъ культурныхъ достоинствахъ послѣдняго, но и на незыблемыхъ прерогативахъ его, какъ языка государственнаго;—и это, можетъ быть, привило ихъ къ описаннымъ взглядамъ на самую природу малорусскаго языка, какъ не представляющаго будто-бы достаточныхъ данныхъ для его культурнаго развитія? Но мы уже видѣли, что даже проф. Будиловичъ, такъ ревниво оберегающій привилегію безраздѣльной гегемоніи у насъ русскаго литературнаго языка и столь настойчиво хлопочущій о распространеніи таковой гегемоніи его далеко даже за предѣлы Россіи, все же, благодаря своей проницательности и опытности въ вопросахъ подобнаго рода, считаетъ сказанное

совмѣщеніе съ нею существованія и развитія разныхъ иныхъ литературныхъ языковъ, а въ ихъ числѣ и малорусскаго, дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ.—И въ самомъ дѣлѣ, развѣ самое широкое и всестороннее развитіе малорусскаго литературнаго языка можетъ въ чемъ либо помѣшать той господствующей роли, какая принадлежитъ русскому литературному языку по завоеванному имъ на нее праву?

Существуетъ, впрочемъ, и еще одно обстоятельство, заставляющее иногда недовѣрчиво и неблагосклонно относиться къ малорусскому языку:—это предположеніе о тѣхъ фантастическихъ стремленіяхъ и цѣляхъ, на которыя намекаетъ проф. Буличъ, находя справедливо мысль о нихъ нелѣпою, но которыя, однако, многіе связываютъ съ естественной преданнностью малороссовъ къ своей народности и къ своему родному слову,—въ родѣ стремленія ихъ къ узкой національной замкнутости, культурному отчужденію даже отъ ближайшей культурной народности и т. п. Но всѣмъ ближе ознакомленнымъ съ сущностью дѣла смѣшно и думать о подобныхъ стремленіяхъ, приписываемыхъ преимущественно усерднымъ заботамъ малороссовъ о культурномъ развитіи своей рѣчи. Вѣдь это общеизвѣстный фактъ, что всѣ образованные малороссы въ Россіи хорошо знаютъ и охотно употребляютъ русскій литературный языкъ, а для тѣхъ изъ нихъ, коимъ особенно дорогъ свой собственный языкъ и которые употребляютъ его и въ семьѣ, и въ обществѣ, первый все таки является почти тѣмъ же, чѣмъ для большинства всероссійской знати давно уже сталъ языкъ французскій. По примѣру ихъ и галицкіе малороссы охотно также изучаютъ русскій литературный языкъ по лучшимъ его образцамъ и, что особенно знаменательно, многіе изъ тамошнихъ народниковъ овладѣваютъ имъ гораздо основательнѣе своихъ противниковъ, такъ называемыхъ „москалефиловъ". Такое употребленіе образованными малороссами двухъ русскихъ литературныхъ языковъ, и своего родного, и государственнаго, не составляетъ какого-либо исключительнаго явленія. Укажемъ хотя бы на примѣръ Италіи, гдѣ всѣ отрасли итальянскаго народа, съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ проливавшія кровь за свое государственное объединеніе, нынѣ, по достиженіи этого національно-государственнаго единства, такъ охотно усваиваютъ себѣ общій италіанскій литературный языкъ тосканскаго происхожденія, но въ тоже время и не думаютъ отказываться отъ своихъ родныхъ діалектовъ, а напротивъ того, и піемонтецъ, и венеціанецъ, и другіе продолжаютъ по прежнему говорить каждый на своемъ языкѣ и развивать его въ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, а въ Миланѣ

употребленіе мѣстнаго діалекта въ такъ называемомъ „высшемъ обществѣ“ составляетъ даже одно изъ требованій хорошаго тона.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ сказать еще слѣдующее. Проф. Буличъ высказалъ сомнѣніе въ возможности успѣшнаго развитія малорусскаго языка и литературы. Не станемъ спорить, что творчество малороссовъ съ трудомъ, быть можетъ, могло-бы состязаться съ творчествомъ другихъ народовъ на поприщѣ чистопрактической дѣятельности; но судя по тѣмъ результатамъ, какіе принесло участіе людей малорусскаго происхожденія въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ другихъ народностей, можно надѣяться, что творчество малорусскаго народнаго генія не оскудѣетъ также и на нивѣ собственной литературы, науки и искусства, ручательствомъ чего могутъ служить отчасти также и тѣ успѣхи, какіе достигнуты уже въ этомъ направленіи, при самыхъ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ.—Проф. Флоринскій, съ своей стороны, выступая противъ правъ малоруссыаго языка и литературы на широкое культурное развитіе, счелъ нужнымъ въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ сослаться на авторитетное мнѣніе акад. Ягича объ этомъ вопросѣ Въ виду этого, и мы, въ свою очередь, закончимъ настоящую статью приведеніемъ собственныхъ словъ акад. Ягича, прямо относящихся къ данному вопросу. Въ своемъ „Bibliographische Übersicht der slavischen Zeitschriften philologischen, leteraturgeschichtlichen und ethnographischen Inhalts“, помѣщенномъ въ Archiv für slav. Phil., XX, с. 624—638, акад. Ягичъ относительно малорусской литературы пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „für die Erforschung der *kleinrussischen* Sprache, Literatur uue Ethnographie ist in Russland selbst der Boden unter gegenwärtigen Verhältnissen nicht günstig. Man perhorrescirt jede Manifestation in diesen Richtungen als einen angeblich nicht ungefährlichen Separatismus, wobei man ausser Acht lässt, dass gerade durch die gewaltsame Unterdrückung jeder freien Regung der kleinruss. Volksthums, das nun einmal nicht weggeleugnet werden kann, zunächst Unzufriedenheit und dann auch Separatismus gross gezogen wird“. (Стр. 628). Упомянувъ затѣмъ, что въ Галичинѣ энергично ведется изученіе малорусской народности въ культурно-историческомъ, этнографическомъ и филологическомъ отношеніяхъ въ „Ученомъ обществѣ имени Шевченка“, которое подаетъ надежды развиться современемъ въ академію наукъ, Ягичъ замѣчаетъ: „jeder echte Freund des culturellen Fortschrittes kann sich darüber freuen; ich habe nie begreifen können, wie manche Slavisten z. B. über die Fortschritte der Slovaken ordentlich in Entzückung gerathen, den Ruthenen

dagegen nicht das geringste gönnen. Wer da glaubt, dass diese locale Rührigkeit, die ja auch sprachlich ihre enge Begrenzung hat, der grossruss. Literatur und Wissenschaft Abbruch thun kann, der unterschätzt selbst die Bedeutung und die Kraft der russischen Literatur" (стр. 629).

К. Михальчукъ.

Апрѣль 1899 г.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

I.

Мертвецы.

Общеніе умершихъ съ дѣйствительнымъ міромъ. Ограниченіе этого общенія извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ кругомъ лицъ. Боязнь мертвецовъ, обереги отъ нихъ. Вредъ, ими приносимый. Питаніе мертвецовъ, отношеніе ихъ къ семьѣ и имуществу.

На зарѣ человѣческихъ обществъ, человѣкъ, не понимая значенія смерти и не различая ее отъ временныхъ безчувственныхъ состояній: обморока, сна, столбняка, старается пробудить мертвое тѣло уколами, побоями, упреками, усиленными призываніями, откуда впослѣдствіи развивается похоронная причеть (Спенсеръ. Основ. соціологіи. СПБ. 1876. т. 1., 163, 164, 249, 290), также предложеніемъ трупу пищи или даже насильственнымъ введеніемъ ея въ ротъ, откуда получаетъ начало общечеловѣческій обычай оставленія пищи и напитковъ въ гробахъ мертвецовъ, пиры и жертвоприношенія съ предполагаемымъ ихъ участіемъ (Ib. 171, 174). Кромѣ пищи, человѣкъ окружаетъ еще своихъ покойниковъ и другими предметами ихъ жизненной обстановки, зарывая вмѣстѣ съ ними ихъ одежды, оружія, животныхъ, женщинъ и рабовъ (Тейлоръ. Первоб. культура, т. II, стр. 40, 43, 51, 52, 63, 70, 105, 106). Такимъ образомъ, по народнымъ вѣрованіямъ, мертвецы, продолжая существовать въ матеріальномъ, болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, находятся

въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ своими близкими и вообще съ міромъ дѣйствительности. Только впослѣдствіи посѣщеніе мертвецовъ ограничивается извѣстнымъ временемъ года и извѣстными категоріями лицъ.

По малорусскимъ народнымъ представленіямъ, мертвецы сходятся въ церковь въ чистый понедѣльникъ (мертвецькый велык-день), какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго мною въ с. Литвякахъ, Лубенскаго у., отъ Наталіи Кедевой. „Чоловикъ йивъ вареныкы зъ вечора на масляне пущання и задержавъ сыра у роти до дванацяты часивъ. Выйшовъ зъ хаты, свитыцця у церкви. Пиду, подывлюсь шо таке? Пишовъ, колы собралысь мертвякы у церкви и просять его: удилы намъ того, шо въ тебе йе. Винъ острахнувсь, каже: „тутъ я вамъ не дамъ. Пойдемъ на кладовыще, я васъ тамъ роздилю". Повивъ йихъ на кладовыще, каже: „сидайте у лавы, мали до малихъ, велыки до велыкихъ". Покы винъ йихъ сажавъ, пивень заспивавъ, воны по мистахъ пишлы".

Затѣмъ мертвецы появляются и на самый свѣтлый праздникъ. „На одіяніи (дѣяніяхъ), якъ дочытаюцця до Хреста, задзвонять на утреню, обходятъ у досвита изъ процесіею. Идуть тричи и церкву замкнуть замкомъ. Тоди мертвякы въ церкви, а якъ батюшка чыта на рундуци, або дзвиници молытву, тоди воны выходять изъ церквы, отдаляютця". (Отъ козачки с. Литвяковъ Маріи Кривоносовой)". Вообще по народнымъ вѣрованіямъ всѣ мертвецы воскресаютъ на свѣтлый праздникъ, бываютъ въ церкви и, невидимо, въ хатахъ родныхъ до проводного понедѣльника, который потому и называется проводнымъ (Чернявская. Обряды и пѣсни С. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г., 14). Въ Лубенскомъ у. имъ оставляютъ пасху (мои „Народ. Обр. и пѣсни Луб. у." Харьковъ 1897 г., 171.) Мертвецы присутствуютъ у родныхъ также наканунѣ Рождества. (Чуб. Труды эксп., т. III, 264.; мои „Рожд. святки въ Луб. у." Полтава 1893 г., 3.) и на поминкахъ (Народ. обр. Луб. у. 171). Къ числу мертвецовъ, посѣщающихъ этотъ свѣтъ независимо отъ праздничныхъ и поминальныхъ дней, принадлежатъ: упыри, т. е. отвергнутые цер-

ковью колдуны, еретики, богоотступники, вовкулаки (Кіев. Стар. 1890, II, 338—340), самоубійцы (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 63, 64). Такъ, дѣвица, измѣнившая вѣру, вставала по ночамъ изъ могилы и горько плакала. (Очеркъ демонол. Малор. въ „Москвит." 1842 г., XII, 120). Не находятъ покоя въ могилѣ и дѣти, проклятыя родителями: дѣвушка, проклятая ими, останавливала по ночамъ прохожихъ (Кравченко въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 773), а запорожцы должны были всю зиму кормить мертваго поповича, проклятаго еще до рожденія матерью (Манжура въ Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ., II, 141). „Родытели, що проклялы дитей, ходять до свыней изъ дитьмы и лыжуть корыто. Ходять и ти, которыхъ не помынають" (Н. Кедева). По народному разсказу[1]), записанному мною въ Лубенскомъ у., мертвая дѣвка служила по смерти наймычкою годъ для того, чтобы заслужить поминальный обѣдъ, какой разсказъ сходенъ съ сообщеніемъ извѣстнаго гуманиста Меланхтона о дѣвицѣ, прибывавшей по смерти два года въ обществѣ людей, бывавшей и въ гостяхъ, ѣвшей мало (Буслаевъ въ Библіот. для чтенія 1864 г., III., 6). Отдѣльная вѣтвь сказокъ о блуждающихъ мертвецхъ—параллели Гоголевскому "Вію„ изображающія столкновеніе мертвой вѣдьми съ отчитывающимъ ее парнемъ въ церкви. Онѣ встрѣчаются какъ во всѣхъ значительныхъ сборникахъ: Аѳанасьева (Нар. Рус. сказки. II., изд. 3-е, 326) Манжуры (Сб. 137). Иванова (Раз. о вѣд. 200—205), Гринченка (Этн. мат. I., 67—71, 209), такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, напр. въ моей: Къ вопросу объ источникахъ „Вія" въ Кіев. Стар. 96 г., IX, 46—48. Сводъ и анализъ этихъ популярныхъ сказокъ въ ст. профессора Н. Ѳ. Сумцова „Парал. къ повѣсти Гоголя „Вій" въ Кіев. Стар. 1892 г. III, 472.

Вѣроятно нежелательность посѣщеній именно этой категоріи вредныхъ мертвецовъ и вызвала обереги отъ нихъ. Съ цѣлью узнать, не посѣщаетъ ли мертвецъ извѣстное жилище, Перу-

[1]) Разсказъ этотъ, какъ и прочіе, на которые приводятся ссылки въ настоящихъ замѣткахъ, представленъ въ числѣ другихъ собранныхъ мною 300 разсказовъ и сказокъ въ Императорское Русское Географическое Общество.

анцы посыпають полъ мукой (Спенсеръ 187), а племя Го, жители Филиппинскихъ островов и малороссіяне—золой (Тейлоръ, 255. Демонол. Малор. 120). Затѣмъ домъ, посѣщаемый мертвецомъ, осыпаютъ и окуриваютъ зернами снопа, поставленнаго на покути наканунѣ рождества (Бѣньковскій въ Кіев. Стар. 1896 г., I, Докум. 8). На окно кладутъ кусочекъ желѣза (Чуб. т. 1, вып. 1, 205). Сѣвероамериканскіе индѣйцы разставляютъ вокругъ жилища сѣти, чтобы поймать душу покойника. (Обр. и пѣсни Луб. у. 177, со ссылками на Спенс. и Тэйлора), а въ Харьковской губ., въ предупрежденіе появленія мертвецовъ, хату обматываютъ валомъ, который спряла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка (Ивановъ. Разск. о вѣдьм., 218). Негры не допускаютъ въ деревню злыя души, преграждая путь колючими вѣтками (Обр. и пѣсни Луб. у., 177); въ Малороссіи же набрасываютъ вѣтки на могилы самоубійцъ изъ боязни духовъ (Nowosielski. Lud Ukr. Wilno 1857 г., T. I, 42). Анторы приваливаютъ душу камнемъ, черемисы прибиваютъ ее гвоздями или коломъ (Обр. и пѣсни Луб. у. 177). Въ Черниговской губ. во время холеры одного покойника положили ницъ, для того, чтобъ онъ не возвратился, другому хотѣли сковать руки (Гринченко. Этнограф. матер. I, стр. 25).

Самое вѣрное средство—пробитіе мертвеца осиновымъ коломъ—употреблялось прежде между прочимъ и въ Англіи (Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Стар. 90 г., I, 64). Въ Волынской губ. крышку гроба дѣлаютъ изъ осины (Бѣньковскій въ Кіев. Стар. 1898 г. VII—VIII. Изв. и зам., 6).

Во многихъ разсказахъ Лубенскаго у. мѣры укрощенія еще непохороненныхъ мертвецовъ весьма реальны: ихъ привязываютъ къ скамьѣ канатами или веревками, а гробъ оковываютъ стальными обручами. Вотъ кратчайшій разсказъ въ такомъ родѣ, представляющійся какъ бы основой другихъ подобныхъ. „Стоить хатка и свитыцця въ ій. Два чоловика йихало, воны опизнылысь, зайихалы, колы никого нема, тилько одынъ мертвякъ на лави. На столи водка и хлибъ лежыть. Силы воны, повечерялы. Одынъ каже: „я боюсь“, другый:—„а я ни! Я знаю що ро-

быть". Узявъ ременны вижкы, привьязавъ ёго мертвого до лавы. Опивночи мертвякъ якъ узявъ трощыцця, лаву потрощывъ, упавъ зъ лавою додолу, такъ не розвязавсь" (отъ Агриппины Кириченковой, с. Литвяковъ). Изложенныя мѣры предосторожности отъ мертвецовъ принимаются вслѣдствіе разнообразнаго вреда, приносимаго послѣдними, главнымъ образомъ высасыванія ими крови у спящихъ, по общечеловѣческому вѣрованію. Полинезійцы, напримѣръ, вѣрятъ, что души умершихъ (tii) пожираютъ ночью сердце и внутренности людей; Ментиры также вѣрятъ, что мертвецы выходятъ изъ могилъ и сосутъ кровь людей (Тейлоръ. II. 250—252). Тоже вѣрованіе въ Малороссіи (Чуб., т. 1, в. 1, 205. Шейковскій, Бытъ подолянъ. II, 16). Мертвыя вѣдьмы пьютъ кровь изъ дѣтей (Ивановъ. Разск. о вѣдьм. 217, 219). „Котора жинка не перехрестыть дитей, виконъ, дверей, колыскы, то мертвякъ ходыть по хатахъ, изъ мызынця кровъ ссе. Отъ того дытына нежыва" (Н. Кедева). Кромѣ сосанія крови, упыри, по народнымъ разсказамъ и преданіямъ, производятъ и другія насилія надъ людьми. Бетсротъ, какъ повѣтствуетъ Эйбриджская сага, выходилъ изъ могилы, избивалъ стада и пастуховъ и выгонялъ жителей изъ кантона, почему труппѣ его сожженъ. (Спенс., 466). Мертвецы нападаютъ цѣлыми толпами на село, какъ въ Полоцкѣ въ 1092 г. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 90 г., I, 65, 66), и сражаются. (Гринченко. Мат. I, № 83, стр. 100).

Во многихъ народныхъ разсказахъ, записанныхъ въ Лубенскомъ у., мертвецы стараются уничтожить стерегущихъ ихъ. Такъ, женщина спаслась отъ смерти только тѣмъ, что развлекала мертвеца, разсказывая ему, какъ приготовляютъ конопли для рубашки. По другому варіанту, такимъ же образомъ спасается женщина отъ своей мертвой сестры. Кума, стерегшая умершую куму, также едва спаслась отъ покойной (Манжура. II, 131. Чуб. II, № 114, 403). Племянникъ три ночи подрядъ принужденъ былъ бороться съ умершимъ дядей. Парень, котораго могила не была запечатана, ночью гонялся за дѣвками; падая, онѣ ломали себѣ руки и ноги. Въ 1700 г. духъ крестья-

нина на островѣ Миконѣ, выходя изъ могилы, производилъ въ домахъ безпорядки и задувалъ огни (Тэйл. II, 250—253), а по народному разсказу Лубенскаго у., мертвая женщина разбрасывала мебель, утварь и посуду. Затѣмъ, по народнымъ вѣрованіямъ упырь можетъ накликать чуму на село (Кіев. Стар. 1890 г. II, 339, 340) и вызвать засуху. Въ 1898 г. въ с. Варваровкѣ, Константиноградскаго у., общество крестьянъ, состоявшее изъ мужчины и нѣсколькихъ женщинъ, въ возрастѣ 22—47 л., во время засухи ночью обливали могилу повѣсившагося крестьянина, вынувъ крестъ для того, чтобы вода скорѣе дошла до самоубійцы и вызвала дождь. (Полт. Губ. Вѣд. 1898 г. № 137, 3). Вышеупомянутое народное вѣрованіе о матеріальномъ загробномъ существованіи мертвыхъ, создавъ обычай оставлять для нихъ пищу и напитки въ гробахъ, создало и разсказы о появленіи мертвецовъ по ночамъ за пищей. Для угощенія ихъ нуженъ обильный столъ, такъ какъ они обладаютъ сверхъестественнымъ аппетитомъ. Напр., въ одномъ разсказѣ Лубенскаго у. мертвецъ выпиваетъ 2 ведра водки и съѣдаетъ 8 ведеръ пищи. Таковъ же аппетитъ мертвецовъ въ сказкахъ у Аѳанасьева (т. II, 316, 317) и Манжуры (стр. 130, 131). Но не всегда безопасно угощать мертвецовъ. Въ французской сказкѣ Le soupé du Fantôme (P. Sébillot. Contes des provinces de France. Paris. 1884, № 49), мертвецъ, поужинавъ у крестьянина, пригласилъ его къ себѣ на ужинъ; въ малорусской—тянулъ послѣ ужина собесѣдника въ могилу (Ивановъ. Разск. о вѣд. 224). Парень, зайдя по такому приглашенію въ могилу мертваго товарища и выпивъ съ нимъ водки, провелъ въ этой могилѣ 300 лѣтъ. (Аѳанасьевъ, II, 319. Гринченко, Мат. II, № 210, 287). Изъ древняго же общечеловѣческаго обыкновенія хоронить женъ съ умершими мужьями,—о чемъ и до сихъ поръ вспоминаетъ малороссіянка, оплакивая мужа: Ой, прыймы жъ мене до себе у сыру землю (Чуб. Труды эксп. IV, 704). Ой, прыймай, прыгортай мене до себе! Иды попидъ горою, тай беры мене съ собою! (мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у., 175)—вытекаютъ многочисленныя сказки и разсказы о посѣщеніи покойными мужьями

своихъ вдовъ, особенно, если послѣднія по нимъ тоскуютъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. „Бабынъ зять пишовъ у москали и тамъ умеръ. Дочка не бачыла чоловика и якъ ёго ховалы. Вона каже: якъ бы я, мамо, побачыла якый вынъ москаль? Отъ винъ у ночи прыходыть до неи, а маты кудысь пишла. Одчынывъ хату и пыта: „чы хочешъ мене побачыть коло себе?“ Вона злякалась; а въ неи дытына маленька була, отъ вона ту дытынку схопыла тай сила. Винъ дойшовъ тилькы до половыны хаты, до сволока, и каже: „ну, спасена твоя душа, шо ангола взяла у рукы, а тобъ ты знала якъ хотить, щобъ я прыйшовъ до тебе!“ Пишовъ витромъ зъ хаты, поодчинявъ двери й сины“ (отъ коз. Катерины Норовой, м. Лукомье). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ мертвецы приходятъ къ вдовамъ помогать въ работѣ, но при этомъ убиваютъ ихъ (Романовъ. Бѣлор. сборникъ 1891 г., Витебскъ, IV, 125, 126, 137). Неудивительно поэтому, что въ разсказѣ, приведенномъ во II т. Этногр. Мат. Гринченка (№ 83, 100), жена, чтобъ избавиться отъ посѣщеній и ухаживанья мертваго мужа, накинула на него узду и сказала: тпру!—Эти загробныя посѣщенія тѣмъ опаснѣе, что нерѣдко дьяволы, пользуясь печалью вдовъ, являются къ нимъ по ночамъ въ образѣ покойнаго мужа. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 71. Аѳанасьевъ, II, 331. Ивановъ, Разск. о вѣд. 225). Подобно тому, какъ женатыхъ хоронили съ женами для удовлетворенія инстинкта прокреаціи, холостыхъ женили за гробомъ для той же цѣли. Такъ комментировалъ по крайней мѣрѣ Котляревскій извѣстіе арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, котораго сожгли съ дѣвушкой, предъ тѣмъ удавленной. (Собр. соч. т. III, 227). Быть можетъ, отдаленнымъ отголоскомъ этого обыкновенія является извѣстная народная пѣсня о дѣвицѣ, просящей похоронить ее съ умершимъ любимымъ козакомъ (Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 239—240. Чуб. V. № 727, 372 и мои Нар. обр. и пѣсни Луб. у. 176). Изъ того же источника произошли и народныя сказки о мертвецѣ, разъѣзжающемъ на конѣ съ живой невѣстой, при сіяніи мѣсяца, какъ въ Бюргеровой Ленорѣ, встрѣчающіяся у Чуб.

(т. II, № 120, 121, стр. 411—416) и у Sébillot (Contes, № 52, Les deux fiancés[1]). И материнскій инстинктъ также по народному мнѣнію переживаетъ смерть, и разсказы о матери, приходящей къ оставленнымъ дѣтямъ, многочисленны и повсемѣстны. Напримѣръ, въ гасконской сказкѣ: L'innocent (Sébillot. Contes. № 51, p. 257) мертвая мать приходитъ каждую ночь кормить, чесать, мѣнять бѣлье своему дитяти. Такого же содержанія сказки у Чуб. (т. II, № 115, 405) и Аѳан. (т. II, 320). Не такъ благосклонна мать къ взрослымъ дѣтямъ, часто въ раздраженіи она гонится за дочерью и готова ее растерзать (Чуб. II, № 122, 416, 417. Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, стр. 43).

Гораздо рѣже встрѣчаются разсказы о загробныхъ сношеніяхъ отца съ дочерью, притомъ только по дѣламъ имущества и хозяйства, которыми хозяева продолжаютъ интересоваться и за гробомъ; они даютъ совѣты и распоряжаются. Мертвый хозяинъ навѣщаетъ пасѣку. Мертвецы—строгіе заимодавцы. Одинъ мертвецъ 30 лѣтъ посѣщалъ должника, покуда тотъ не положилъ на могилу должныхъ денегъ (Очеркъ демон. Малор. 120). Нашедшій кладъ долженъ былъ отнесть обратно деньги, такъ какъ мертвый дидъ того требовалъ (Ивановъ. Народ. разск. о кладахъ въ Харьк. Сборникѣ 1890 г., IV, 33, 34). Не менѣе строго преслѣдуютъ мертвецы и за взятыя у нихъ вещи. Покойникъ ударилъ сторожа за то, что послѣдній укрылся сукномъ для мертвыхъ. Другой требовалъ отъ солдата вездѣ свои сапоги, пока тотъ ему не отдалъ (Аѳанас. 318). Въ разсказѣ подъ заглавіемъ: Кубукъ, записанномъ мною въ Луб. у., дѣвка сорвала съ мертвеца клобукъ, потомъ должна была отдать его мертвецу, который тутъ же растерзалъ ее. Подобныя сказки съ замѣной клобука саваномъ и рубашкой встрѣчаются у Аѳанасьева (т. II, 314) и у Чуб. (II, 422) съ замѣной кубука—„ковпачкомъ". Чуткость мертвецовъ къ праву собственности доходитъ до мелочности. „Мертвякъ умеръ, копалы яму на ёго, а баба пишла, набрала глыны та змазала дилъ. Мертвяка заховалы.

[1] Посѣщеніе женами вдовцовъ, особо отъ дѣтей, и мертвыми невѣстами жениховъ встрѣчается только у Иванова (Народ. разск. о вѣд. 217, 225).

Прыйшовъ винъ у ночи пидъ викно, каже: подай мою землю! „Такъ не мае, я вымазала всю на дилъ“.—Де хочъ беры, а давай. То не тоби дано земли, а мени, такъ не займай.—У йеи осталось трохы глыны, вона однесла и высыпала ёму на грибъ. Винъ опять прыходыть у вечори: „подавай мою землю, ты не всю іи однесла“. Вона взяла на другый день позструговала и однесла, и винъ бильшъ не прыходывъ до неи“ (отъ козачки сел. Мойсеевки, Хорольскаго у., М. Руденковой). Что такой интересъ къ собственности покойниковъ встрѣчается не въ однихъ только малорусскихъ народныхъ разсказахъ, доказываетъ между прочимъ французская сказка: La jambe d'or, о королевѣ, похороненной съ искусственной золотой ногой. Когда слуга укралъ изъ гроба эту ногу, то мертвая королева кричала до тѣхъ поръ пока воръ не пришелъ и она его не съѣла.

Такимъ образомъ, приведенное краткое изложеніе содержанія малорусскихъ народныхъ сказокъ и разсказовъ доказываетъ, что въ нихъ, какъ и въ погребальныхъ обрядахъ, сохранились древнѣйшія общечеловѣческія представленія и вѣрованія о загробномъ существованіи, подобномъ почти во всемъ дѣйствительной жизни. Мертвецы въ нихъ живутъ и дѣйствуютъ, какъ живые люди, съ тѣми же силами, желаніями, чувствами и потребностями, что и при жизни, лишь нѣсколько видоизмѣненными и преувеличенными. Эти представленія особенно важны при изученіи демонологіи, такъ какъ блуждающій мертвецъ есть основной, первоначальный типъ сверхъестественнаго демоническаго существа, по которому народное воображеніе построило и всѣ остальныя.

II.

Русалки.

Отличіе русалокъ отъ классическихъ и романскихъ сиренъ. Преданіе о Мелюзинѣ и сказки о женахъ-змѣяхъ. Единство природы русалки. Русалки утопленницы. Русалки некрещенныя дѣти, ихъ загробное существованіе и наружность.

Изучая разсказы и повѣрья о малорусскихъ русалкахъ, необходимо отдѣлить отъ нихъ классическія и романскія преданія

о сходныхъ женскихъ существахъ, сиренахъ, полуженщинахъ, полурыбахъ, привлекавшихъ и губившихъ путниковъ очаровательнымъ пѣніемъ, такъ какъ эти повѣрья отразились на Украйнѣ весьма слабо, только въ замѣчаніи, что пѣсни слагаютъ морскіе люди (Кулишъ, Зап. о Юж. Руси., II., 36 и Чуб. Тр. эксп. т. I., в. 1., 211). Кромѣ этого краткаго указанія, не существуетъ ни въ этнографическихъ сборникахъ, ни, повидимому, въ устахъ народа ни одной сказки, въ которой встрѣчалось бы существо со всѣми перечисленными особенностями сиренъ, взятыми вмѣстѣ, а встрѣчаются лишь изрѣдка нѣкоторые отдѣльные ихъ признаки. Напримѣръ, въ одной сказкѣ, записанной на дняхъ въ лубенскомъ у., дѣвица, заточенная въ стѣну, покрыта рыбьей чешуей, что̀ составляетъ особенность сиренъ („des sirènes écailleuses“ по Флоберу). Но этимъ наружнымъ признакомъ и оканчивается сходство заточенной дѣвицы съ сиреной. Такъ и бретанская сирена (P. Sébillot. Contes des prov. de France. Paris. 1884, № 29, La sirène de la Fresnaye), бѣлая, съ золотистыми волосами и рыбьимъ хвостомъ, напоминаетъ малорускихъ русалокъ развѣ своимъ дѣтскимъ возрастомъ и больше ничѣмъ. Почти тоже слѣдуетъ сказать о романѣ французской феи Мелюзины, полуженщинѣ, полузмѣѣ, вышедшей замужъ за графа Раймунда де Пуатье, давшей ему десять сыновей, но исчезнувшей по обнаруженіи двойственности ея природы; разсказъ этотъ черезъ Германію и земли западныхъ славянъ прошелъ въ правобережную Украину (Сумцовъ. Культ. переж. Кіев. Стар. 1889 г., III., 668), и отразился здѣсь только въ названіи мелюзинами пѣвицъ, полуженщинъ, полурыбъ (Чуб, т. I., в. 1., 209). Но если романъ о Мелюзинѣ не имѣетъ ничего общаго съ повѣрьями о русалкахъ, то по своему основному мотиву онъ представляетъ нѣкоторое сходство со сказками о дѣвицѣ и женѣ змѣяхъ, являющихся, какъ и Мелюзина, до поры до времени, т, е. до указанія на ихъ змѣиную природу, существами благодѣтельными. Такъ, въ сказкѣ, записанной мною въ Лубенскомъ у., вокругъ шеи соннаго мальчика обвилась змѣя, превратившаяся въ царевну изъ окаменѣлаго царства. Она помогала потомъ всю жизнь своему любимцу,

между прочимъ, подаривъ рубашку изъ змѣиной силы. Болѣе подробный и лучшій варіантъ этой сказки приведенъ у Чубинскаго (т. II, № 135, стр. 432—445). Въ сборникѣ же Аѳанасьева „Рус. нар. сказки" змѣя—дѣвица входитъ лишь эпизодически въ двѣ сказки о волшебномъ кольцѣ. Въ первомъ варіантѣ дѣвица, окруженная огнемъ и спасенная крестьяниномъ, обращается въ змѣю (т. I, стр. 319)., во второмъ (стр. 324) наоборотъ—змѣя на кострѣ послѣ спасенія обращается въ дѣвицу. Еще ближе къ главному мотиву преданій о Мелюзинѣ другая сказка, также записанная въ Лубенскомъ у. Въ ней парень поджегъ копну, гдѣ скрывалась змѣя. Змѣя, вылѣзши, обратилась въ дѣвицу, вышла замужъ за парня и жила съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назвалъ ее гадиной. Съ этой минуты она удаляется навсегда, дѣти обращаются: сынъ въ соловья, дочь—въ жабу. Первая половина сказки у Чуб. (т. II., № 2, 12) такая же: змѣя обращается подъ вѣнцомъ въ женщину, живетъ съ мужемъ и удаляется отъ него навсегда послѣ упоминанія о ея змѣиной природѣ.—Такимъ образомъ, русалки отличаются отъ всѣхъ перечисленныхъ фантастическихъ существъ тѣмъ, что въ природѣ ихъ нѣтъ ничего двойственнаго. Онѣ, по Соловьеву, Аѳанасьеву и Кавелину, души умершихъ молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей (Кавелинъ. Сочиненія. Москва. 1859 г., IV, 205). Русалки—утонувшія дѣвицы (Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II., 215. Чуб. т. I, 207), или дѣвицы, умершія на зеленыхъ праздникахъ (Nowos. Lud. Ukraińs., I, 78, 79). Русалки, дѣвушки и женщины утопленницы дѣлаются женами водяныхъ (Ивановъ. Народн. разск. о домов., лѣш., водян. и русалкахъ. Хар. 1893 г., 48). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, русалки—также утопленицы женщины; онѣ щекочутъ людей, поймавшись служатъ человѣку до года и выполняютъ разныя работы; питаются паромъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. Витебскъ 1891 г., IV., 139, 140, 216). Но такое представленіе о русалкахъ, какъ о взрослыхъ дѣвушкахъ и женщинахъ, встрѣчается только въ искусственной поэзіи, въ литературѣ и живописи, народу же, по крайней мѣрѣ въ центральной Малороссіи, оно совершенно чуждо. Здѣсь нѣтъ никакихъ ска-

зокъ, пѣсенъ, повѣрій или обрядовъ о такихъ русалкахъ. Народъ знаетъ только русалокъ дѣтей. Онѣ мертворожденныя, приспанныя матерями, вообще некрещенныя дѣти. (Бантышъ-Каменскій. Истор. Малор. III. 197, 198., Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II, 215, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1873 г. V., 410, 411. Ивановъ. Нар. разск. о домов. 45). Къ русалкамъ принадлежатъ и дѣти, убитыя матерями при рожденіи (Шевченко. Кобзарь. 1883. Русалка. 225). По повѣрьямъ Подольской губ., потерча или поторочa превращается только по прошествіи семи лѣтъ въ русалку-мавку или малку (Шейковскій. Бытъ под., в. II, 6).

Пребываніе русалокъ за гробомъ изображается народомъ въ такихъ краскахъ: Русавкамъ на тимъ свити темно. Іи душечка такъ лита, якъ птыця по дереву, ій прыстановыща нема. И плачется вона на свою матирь, шо маты іи не зберегла. У четверъ на клечальныхъ святкахъ Богъ избира до миста, тоди имъ трошкы выдненько, а то имъ усе темно. Такимъ образомъ, русалки появляются на свѣтъ только на зеленыхъ святкахъ, что подтверждается и печатными матеріалами. Недѣля до Троицына дня называлась въ Россіи XII в. русальною. Русалки могутъ являться на свѣтъ только въ день св. Духа и Троицынъ. Дѣвки и женщины запасаются зорей или любысткомъ, чтобы ихъ не защекотали русалки [1]). (Бантышъ-Каменскій. III, 197, 198). Русальчынъ, мавскій велыкдень бываетъ въ четвергъ на зеленой недѣлѣ. Въ этотъ день не работаютъ, чтобы не обидѣть русалокъ, и всю недѣлю не купаются въ одиночку (Богдановичъ. Свѣдѣнія о Полт. губ. 195, 234. Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. 17). На русальчынъ велыкдень женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собираютъ дѣтей съ околодка, или какихъ попадется, и угощаютъ ихъ варениками, паляницами, пирожками, бубликами (мои Обр. и пѣсни Луб. у. 171). На русальной недѣлѣ въ Бѣлоруссіи дѣвки, качаясь на вѣтвяхъ, зазываютъ русалокъ. Дѣтей не пускаютъ купаться. (Зап. Рус. Геогр. Общ.

---

[1]) Lychnis chalcedonia. L., Levisticum officinale. L. Особенно предохраняетъ полынь, Artemisia Absinthium.

V. 410, 411). Русальчынъ велыкдень называютъ еще „сухый четверъ, такъ якъ тоди тилько росавкы просыхають, ато усе имъ мокро". Въ эти только дни и можно сдѣлать наблюденія надъ управленіемъ русалками, мѣстами ихъ пребыванія, наружностью, ихъ превращеніями. Управляетъ русалками особая старшая или игуменья, а по другимъ повѣрьямъ—дидъ или святой. Подъ такимъ надзоромъ, или и безъ него, русалки пасутся, какъ гуси, на островахъ, болотахъ, поляхъ и лѣсахъ. Они встрѣчаются въ копцахъ, но не могутъ переходить межъ. (Романовъ. IV, 216). Чаще всего онѣ бываютъ у воды; здѣсь онѣ купаются, бѣгаютъ, кричатъ, какъ кошки. (Б. Каменскій. III, 197, 198). Любятъ больше стоячую воду и мелкія, не быстрыя рѣчки, „шобъ не занесла вода". Русалки представляются смѣющимися, хлопающими въ ладоши дѣтьми, кричащими: „гупъ! а де вы?", а также поющими. Тѣло у нихъ голубоватое, синеватое или темное. „Голи скризь, зъ осокы косы" (Шевченко, 27 стр.). Часто одѣты въ красномъ. Изрѣдка появляются онѣ въ видѣ кошекъ (Зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ. 1874 г., II, 357), лягушекъ (Ивановъ. Нар. разск. о дом., 45) или мелкими животными изъ породы грызуновъ. „Родъ крысы, полове, хвистъ длынный, уха въ гору, на лапахъ по пьяты пальчыкивъ, йе нёхти. Собака не займала" (отъ Николая Ивахненка, м. Снѣтина). Къ русальчыному велыкодню относятся и слѣдующіе разсказы: „Йшовъ дидъ на охоту, переходывъ болото. Русалкы угналысь за дидомъ. Винъ добигъ до дуба, излизъ, а воны й соби дерутся та хихочуть. Дидъ выстрелывъ, воны тоди одбиглы одъ дуба у копанку, тай купаются; и купалысь до дванацяты часивъ. Плыгають и кажуть: ухъ, ухъ! соломьяный духъ. Маленьки диты, швыдки, сыненьки, або голубеньки (отъ Д. Бугаевой, с. Литвяковъ).

Спиваютъ и такои:

Не бый нога объ ногу,
Не сій борошна на дижу,
Ухъ, ухъ! мене маты нехрещену вродыла,
На камени садыла.

(отъ А. Гетмановой, м. Снѣтина).

Пишлы дивчата на поле рвать квитокъ на русальчынъ велыкдень. Прыйшла одна до балкы, колы плыгають дитки манюни. А вона помахала на другу нышкомъ. Якъ прыбигла та друга та въ крыкъ, та въ голосъ, та давай тикать. Прыбиглы додому, заболилы и вмерлы (отъ Е. Павликовой, с. Литвяковъ).

Ишла жинка у село, колы выходять чотыри росалки, маленьки, у червонихъ сорочкахъ, въ лодони плещуть:

Мене маты вродыла
Та въ хрестъ не вводыла.

Узяла жинка соломыну и усихъ перехрестыла (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ).

Подобный случай передается въ Оверпской сказкѣ. На разсвѣтѣ дѣти въ бѣломъ окружили проѣзжаго и требовали у него крещенія (P. Sébillot. Contes. № 32. Les enfants des limbes).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русалки, не имѣя въ природѣ своей ничего стихійнаго и двойственнаго, составляютъ лишь разновидность мертвецовъ.

В. Милорадовичъ.

САВА ЧАЛЫЙ.

Трагедія въ 5 діяхъ и 7-ми картынахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Потоцькій, коронный гетманъ

Шмигельскій Жезницкій Яворскій Качинска Кася, іи дочка	шляхта.

Зося Курчинска, потимъ жона Чалого

Сава Чалый

Гнатъ Голый, его побратымъ

1 2 3	запорожци.

Медвидь Грыва	спершу селяне, потимъ гайдамакы.

1 2 3	чоловикы.

Гайдамака

1 2	бабы.
Нянька, биля дытыны Чалого	
Кульбаба Кравчына Яквъ Молочай Мыкыта	гайдамакы.

ДІЯ I.

Середына пусткы. Лавы. Стилъ на трехъ ногахъ. Пичь напоповыну розвалена. На стини высыть жыдивськый халатъ. На сцени нема никого.

Ява 1.

Медвидь и Грыва (*входять*).

Грыва (*Зъ косою направець въ рукахъ. Зъ дверей*). А хто тутъ е, озовыся!

Медвидь. Нема ще никого—рано!

Грыва. А тутъ безпечно, справди.

Медвидь. Эге! Нихто зъ сипакъ дворовыхъ не загляне; а на сели, то такъ скризь и зорять, щобъ не збиралыся на раду.

Грыва. Сюда нихто и носа не наверне! Одно—далеко видъ двора, та ще й въ яру глыбокимъ, а друге—пустка, то побоятся, щобъ часомъ бува, не здыбавъ тутъ ихъ Сава Чалый.

Медвидь. Паны тутъ вси навколо лышъ Савы Чалого бояться, а нашъ братъ ихъ ни крапли не страшыть—такъ вже прывыклы всихъ вважать за быдло! А ты жъ куды прямуешъ?

Грыва. У лисъ до Савы.

Медвидь. Винъ буде тутъ сегодня. Обищавъ прыйты на раду.

Грыва. Отъ и гараздъ. А Сава мытець!

Медвидь. Запорожець, та й запорожець бра не кожный зъ нымъ зривняется. Винъ вченый сыльно; учывся, кажуть въ

Кыиви, у братстви. Его й на сичи поважають, тамъ и батько его старый, въ повази бувъ.

Грыва. Выгодувавъ Чалый сына Саву, козакамъ на славу.

Медвидь. Кошовымъ хотилы Саву обибрать, такъ щось не тее... Старшына знать протывъ него.

Грыва. Кажуть, Сава не згожуется зъ тымъ, що завелось теперъ на сичи. Винъ хоче людей и виру боронытъ, а старшына бильшъ тягне за панивъ.

Медвидь. Такъ отъ винъ и кынувъ сичъ! Побратавсь зъ Гнатомъ Голымъ и скризь по Украини панивъ лякають въ двохъ.

Грыва. У двохъ? Ото сказавъ! У двохъ никого не злякаешъ. У ныхъ ватага е велыка, та все таки завзятци, що й чортъ имъ самъ не братъ!

Медвидь. Якъ бы такихъ побильше, то лекше-бъ намъ жылось... Глянь!

Грыва. А що ты тутъ побачывъ?

Медвидь. Тилько лапцардакъ зоставсь.

Грыва. Жыдивськый?!

Медвидь. Эге... У цій корчми жыдъ арендарь сыдивъ немылосердный. Тилько хто пысне бувало протывъ него, заразъ у двиръ; а у двори за жыдомъ тягнуть, якъ за братомъ, бо винъ вси переправы, вси попасы державъ и мыто бравъ... Обдыравъ людей на панську и свою корысть. Дознавсь про цее Сава и прыстращавъ орендаря. Орендарь сторожею корчму обставывъ, и ще гирше почавъ грабуваты. Тоди Гнатъ Голый сторожу розигнавъ и всихъ жыдивъ поризавъ.

Грыва. И це давно було?

Медвидь. Та на тимъ тыжни.

Грыва. Дыво.

Медвидь. Яке?

Грыва. Та таке, що новихъ жыдивъ орендаривъ и доси тутъ нема.

Медвидь. Боятся.

Грыва. Ницо ихъ не страшыть, колы пожыву чують! Не вспіе кровъ засохнуть тымъ, що вчора вбыто, дывы—вже нови орендари въ корчми сыдять!

Медвидь. Вирни панськы слугы.

Грыма. А людськи пьявкы.

Медвидь. Якъ бы не орендари, зъ панами лекше-бъ було жыты.

Грыва. Якъ бы не паны, то й орендаривъ-бы не було.

Медвидь. И то правда. И скажы на мылость: ну будемъ казать панъ; хочъ винъ и католыкъ, такъ хрестъ же въ насъ одынъ; а жыдъ—невира... Чому-жъ не зъ намы, а зъ жыдамы паны жывуть такъ, якъ браты? И звидкиля воно це взялося? Невже такъ съ поконъ вику?

Грыва. Ни. Дидъ мій сто двадцать литъ прожывъ на свити, такъ винъ казавъ, що межъ людомъ и панамы була братерська згода и всимъ тоди жылося якъ въ раю.

Медвидь. А зъ чого сталося усе?

Грыва. Якъ зачепылы попы ихъ нашу виру, а паны имъ сталы потурать, такъ прогнивылы Бога—и пишло и пишло! Такъ отъ звидкиль та ненависть иде; а теперъ вже до жывого допекло! Чуешъ?... Гупотыть?! (*Бере косу въ рукы*).

Медвидь. Це певно наши. (*Прыслухается*). А якъ сипакы панськи—козакы прымитылы, то заберуть оттутъ якъ тихъ курей на сидали.

Грыва. (*Трясе косою.*) Я не здамся.

Медвидь. (*Показуе кинецъ палыци, на которій спысъ*). Та й въ мене е; але що-жъ мы зробымъ протывъ сылы?

На двори голосъ. Гей, а хто тутъ е—озовыся!

Другый голосъ. Певно ще нема никого; а може й не прыйдуть, побоятся!

Медвидь. Наши!

Грыва. Ще не вчени. И якого бисоваго батька гомонять. Що за необачный народъ—тилько зибралысь въ купу, такъ и гвалтъ.

Медвидь. Заходьте въ хату—не крычить!

Ява II.

Ти-жъ и багато людей.

Медвидь. Та тутъ и половыны ще нема громады.

Гаврыло. Такъ змовылысь: щобъ не прымитывъ двиръ, не всимъ збиратыся на раду.

Медвидь. И це дило.

Гаврыло. А хто-жъ оце чужый межъ намы?

Грыва. Чужый я тилько на облычча, а бида у насъ одна. Тикаю зъ слободы у лисъ.

Гаврыло. Щаслывый, що не піймалы; а въ насъ зъ собакамы вышукують и ловлять всихъ утикачивъ. Здается й не въ тюрми, а скризь сторожа панськая чатуе.

Медвидь. Иды, Мыкыто, на двиръ и стань лышь ты на варти. Тилько чатуй добре.

Мыкыта. Очи вытрищу, якъ сова, а вуха наставлю, якъ лысыця. (*Выйшовъ*).

Медвидь. Ну, що-жъ паны братья: чи будемъ панщыну робыть, чи будемо тикаты?

Гаврыло. Куды-жъ его втичешъ видъ панськихъ козакивъ?

Медвидь. Сава обищавъ видъ погони оборонять.

1 Чоловикъ. А де-жъ Сава? Колы-бъ видъ него раду намъ почуть!

Медвидь. Сегодня буде тутъ. Казавъ, що въ двиръ загляне, бо хлиба и пшона въ нихъ обмаль, а брать зъ людей харчи его товарышъ Гнатъ не хоче.

Гаврыло. То пидождемъ Саву.

Медвидь. А покы Сава прыйде, треба намъ обмиркувать. Не одынъ же чоловикъ, а цила, мовлявъ, громада. Треба, що-бъ змовытысь, що-бъ думка була одна у всихъ, а то якъ прыйде Сава, то въ насъ тоди почнется суперечка.

Вси. Такъ такъ!

Гаврыло. Треба погодытысь.

Медвидь. И знайте вси, що тры дни тому пазадъ, ото якъ мы чыншу платыть не захотилы, лыстъ пишовъ до Канева, що мы бунтуемъ! То глядить, що самъ Потоцькый наскочыть на село зъ волохамы своимы и шкуру спустыть зъ насъ.

Гаврыло. Трекляте жыття! Зъ кожнымъ днемъ росте и чыншъ, и панщына, й податкы—не сыла намъ ихъ одбувать.

1 Чоловикъ. Насъ заманылы всихъ на слободы и якъ селылысь тутъ, то обищалы намъ, що по два злоты въ рикъ чыншу мы будемо платыть у панськую казну на вичнисть, а теперъ...

Гаврыло. По-малу, по-малу набавлялы, та вже дійшло до никуды.

Медвидь. Звидкиль ты визьмешъ заплатыть у панськую казну видъ кожного тягла 46 злотыхъ и 68 грошей?

1 чоловикъ. Та щей й десятыну дай: видъ пасыны, выходыть очкового, 2 куркы, 20 яець, двадцять пасомъ прядыва.

Грыва. А осепъ жыта, та вивса; чи може у васъ того нема?

Медвидь. Йе. А подорожчына? Всего й не зличышъ, бо кожный день выгадують нове: то шарваркы, то за аркы, то оборкы, закоскы, обкоскы, зажынкы, загрибкы, огребкы....

Грыва. А у насъ ще не въ зачетъ скилько: садыть капусту, мочыть лёнъ, готовыть его до пряжи, полоть просо, пшеныцю, давать по черзи варту: и на тикъ, и въ двиръ, и въ корчму!

Медвидь. Такъ, якъ и у насъ! Скризь однаково.

Вси. Хочъ здыхай!

1 Чоловикъ. Або тикай, або здыхай, або роды що дня на панську казну.

Медвидь. А оце вчора загадалы нову панщыну.

Гаврыло. Яку? Я ще не чувъ!

Медвидь. Одынъ день за березову кору, одынъ день за рыжыкы, одынъ день за опенькы; и ще—це вже прямо на смихъ—одынъ день панщыны за ти квитки биленьки, круглі, якъ горохъ, що на провесни ростуть у лиси.

Грыва. За просеренкы бъ то?

Медвидь. Може ще й за просеренкы загадають, а то квиточкы таки пахучи весняни, забувъ якъ ихъ называлы, лыбонь-чы ландышы, чы що?

Грыва. Пахучи, кажешъ?

Медвидь. Эге, таки биленьки.

Грыва. Ага! Що-бъ и квитокъ не нюхалы даремно. Ну въ насъ до цего ще не додумалысь.

Медвидь. Додумаются! Одынъ у другого повчаются! Я певенъ, що ще за сонце и за мисяць будемо панщыну робыть, бо воны-жъ свитять даремно тилько панамъ (*вси сміются*).

Гаврыло. Отъ и розсмишывъ насъ Медвидь.

1 чоловикъ. Що-жъ его робыть?

Вси. Тикать!

Гаврыло. Куды?

Грыва. Тикають люде звидсиль: одни до гайдамакивъ прыстають, други —шукають новихъ слобидъ.

1 чоловикъ. Та йты самому въ лисъ не штука, а отъ якъ жинку, дитокъ безпомошныхъ покынуть тутъ,—на ныхъ же упаде и помста й кара.

Гаврыло. Нема кому дать всимъ пораду добру.

Медвидь. Такъ отъ-же Сава обищавъ усихъ насъ вывесты звидсиль.

Вси. Такъ будемо тикать!

Ява III.

Тижъ и Мыкыта вбига.

Мыкыта. Видъ лису йде велыкый гоминъ, багато десь людей зибралось. Брязкъ такый, неначе військо.

Грыва. Може це Чалый зибравсь обчыстыть панськи коморы.

Медвидь. А ну лышъ, цытьте! (*Прыслухае биля викна; тыша*). Эге, чутно вже клекитъ. Колы йдуть гучно, гомонять, то це не гайдамакы, а певне панське війско! Треба намъ выйты звид-

силя, бо якъ прыйде охота освитыть шлахъ, то корчму цю заразъ запалять. Перше я выйду. Сыдить тыхо. Та слухать: що звелю— робыть всимъ мытью! (*выйшовъ.*)

Ява IV.

Ти-жъ безъ Медведя.

Грыва. Зъ Медведя добрый бувъ бы ватажокъ.

1 Чоловикъ. Эге.

Гаврыло. Якъ скаже що, то заразъ и послухаешъ.

Грыва. Добре слухаемъ, звеливъ же сыдить тыхо, а мы гомонымо. (*Мовчать. Тыша якый часъ. Хтось кашлянувъ*). Не кашляй! (*Легкый смихъ*).

Ява V.

Ти-жъ и Медвидь.

Медвидь. Корчму мынулы. Та не мене насъ, братци, лыха годына! Це Потоцькый зъ волохамы своимы прыйшовъ провчыты насъ за те, що мы не хочемо платыты чыншъ.

Вси. Отъ и диждалы.

1 Чоловикъ. Пропащи мы!

Гаврыло. Закатуе.

Мыкыта. Я пиду назырци за нымы, колы що трапытся— дамъ звистку, а вы тутъ Саву дожыдайте!

Ява VI.

(*Ти-жъ и Сава Чалый, одягненый по запорожському, а зъ нымъ дви бабы одягнени бидно, замучени*).

Медвидь. И ждаты не прыйшлось.

Вси (*одынъ другому тыхо*). Сава, Сава, Сава!

Сава. Я, паны братья! (*Мыкыта выйшовъ*). Чи поховалыся сюды, якъ видъ шуликы горобци, а чи на раду вси зибралысь?

Медвидь. Зибралыся на раду, пане атамане, а тымъ часомъ и шулика въ село прылетила.

Чалый. Сюды прылетила, а звидциля може не полетыть. Теперъ тамъ биля двору мій побратымъ Гнатъ Голый зъ десяткомъ добрыхъ молодцивъ Потоцького чатуе, а завтра вже пошмалымъ крыла.

Медвидь. Колы-бъ же то!.. А це що за молодыци?

Чалый. Не знаю. Я тилько що зустривъ ихъ—ховалысь тутъ въ яру, и вспивъ дознатысь лышъ, що въ Лебедынъ зъ Немырова тикають. Ну розскажить, що робытся въ Немырови у васъ?

1 молодыця. Охъ, лебедыкы, бодай и не казать: нема у насъ въ Немырови ни права, ни суда, нема кому и пожалитысь: до пана вельможного, до самого гетмана Потоцького—не можна доступытысь, а шляхта урядова, особлыво панъ Жезницкый, робыть те, що самъ захочыть. Не буду вже розсказувать за другихъ, а лышъ скажу про себе: сына мого едынычку Гаврыла Гуску—це таке прозвыще у насъ—панъ Жезницкій повисывъ.

Вси Иродъ!

Чалый. Що-жъ сынъ твій зробывъ лыхого, що такъ покарано его?

1 молодыця. Винъ швець, сынъ мій Гаврыло, швець, лебедыку. Гарный швець, швець на весь Немыривъ; такого шевця нема нигде... Вже якъ пошые кому чоботы, то и скыдаючы, и надиваючы дякують. Эге. А панъ Жезницкій прызнавъ его за гайдамаку! Ты, каже, чоботы шыешъ гайдамакамъ! Чы винъ же знае, кому шые? Чы ксендзъ, мои лебедыкы, чы гайдамака, чы панъ, чы свынарь—ему усе одно: шые! Побый мене Богъ шые—и гарно шые: чи свынарь, чи панъ—шые однаково!

Чалый. Та якъ же такъ, ни зъ сего, ни зъ того—гайдамака!

1 молодыця. Ни, лебедыку, ни, мій голубчыку—и зъ сего и зъ того! Правду кажу, якъ передъ Богомъ—и зъ сего и зъ того! Панъ Жезницкій звеливъ пошыть соби чоботы, хороши чоботы, козлови. И пошывъ мій сынъ ему чоботы, настоящи козлови, хочъ бы й гетманови, таки гарни. И запросывъ мій сынъ

пьять злотыхъ за ти чоботы—козелъ и весь наборъ панивъ, а тилько дратва та ще пидковы, гвозди и шытво—и за все пьять злотыхъ. А панъ Жезницкій розгнивався, каже: ты за честь повыненъ мать, що мени чоботы пошывъ, а ты пьять злотыхъ, гайдамако, правышъ?—У тюрму его! Було-бъ уже виддать ему ти чоботы, а Гаврыло розгнивався, чобитъ не давъ и въ тюрму йты не захотивъ. Прыслалы козакивъ и взялы его. Я вже и чоботы носыла панови Жезницкому, и оддавала такъ, безъ грошей. Не взявъ. И Гаврыла повисывъ (*плаче*).

Медвидь. Такъ отъ яке жыття...

Чалый. И на очахъ у гетьмана самого. Куды жъ вы идете?

1 молодыця. Тикаемо у Лебедынскій манастырь.

Чалый. Вы мабуть сестры?

1 Молодыця. Одна бида людей една! Я, мій соколыку, перекупка. Торгувала въ Немырови такы, выбачайте, яйцямы, курьмы, молоко продавала и тымъ сама жыла и шестеро дитей годувала, бо чоловикъ давно подався десь въ свита, то я однымъ одна зосталась. И такъ соби торгую, и такъ соби бидую, и такъ соби дитокъ годую!.. Що-жъ бы вы думалы, мои соколыкы? Той самый панъ Жезницкій та ще Яворскій панъ беруть та й беруть у мене въ боргъ: и яйця, выбачайте, и всяку жывнисть, выбачайте, а грошей не дають: имъ все дурнычкою. Воны попрывыкалы такъ: жыды дають имъ все дурнычкою. Такъ же жыды мають и видъ ныхъ корысть: чы поскаржытся тамъ на хрыстіянына, чи кого одурыть, то за него заступлятся. А за що жъ я ихъ буду дурно годувать. Я въ казну чиншъ платю. И почала я зъ ныхъ гроши правыть и пры инчихъ панахъ, и такъ, де зустрину... Такъ панъ Жезницкій веливъ мени, щобъ я зъ своеи батькивскои хаты выбиралась. Твій чоловикъ, каже, гайдамака, и его хата пиде въ казну. Я не хотила, сперечалася... Тоди панъ Жезницкій вытягъ мене и дитей изъ хаты, а хату запалывъ, и вона згорила. Отъ я и зосталася зъ торбамы. Трое дитей померло, а старшеньки пишли у наймы, а я зъ кумою иду у Лебедынъ—може хочъ помремо спокійно.

Вси (*тяжко зитхаючы*). Горе въ свити, горе въ свити!

Чалый. Одведить ихъ хто у першу хату, нехай дадуть прытулокъ, а завтра я спровадю ихъ у Лебедынъ,—нехай тамъ молятся за насъ.

Медвидь. Проведы ихъ, Панько, до мене.

Панько. Ходимъ.

1 и 2 молодыци. Спасыби, добри люде, за ласку (*выходять*).

Ява VII.

Ти-жъ безъ Панька и молодыць.

Медвидь. Ну, пане Саво, будь нашымъ атаманомъ. Порадь, порятуй, покы ще й насъ не повишалы, та не попалылы.

Вси. Заступысь!

Чалый. Абы слухалы.

Медвидь. Що ты звелышъ, все зробымо.

Вси. Все, прыказуй!

Чалый. Гараздъ. Тилько перше всего вы знать повынни й наши думы, и наши сылы, щобъ зважыть все, на що йдете, та щобъ не ремствувалы потимъ, колы намъ буде неудача—бо ждаты всего треба...

Вси. Слухаемъ, слухаемъ!

Чалый. У Чорнимъ лиси, въ яру глыбокимъ, въ гущавыни такій, що тилько вужъ пролизе, мы кошемъ оташувалысь. Позадъ коша глыбокее провалля, а спереду и зъ двохъ бокивъ ровы глыбоки покопалы и, порубавшы столитнiи дубы, одынъ на другого звалылы. Війська маемъ мы всего двисти чоловикъ и одну гармату. Це наши сылы, це нашъ замокъ, куды въ прыгоди мы можемъ заховатысь! У цёму мисти, не то що панъ Потоцькій, а вси украинськи паны нехай зберутся, насъ не добудуть, абы харчи булы.

Грыва. Я прыстаю до вашого коша! И покы смерть мене не скосыть, косыты буду самъ!

Медвидь. И я прыстану.

Чалый. Теперъ, колы вы знаете, яки въ насъ сылы, послухайте и наши думы.

Вси. Слухаемъ, слухаемъ (*слухаютъ вытягнувшы головы*).

Чалый. Я всю Украину объиздывъ и серцемъ всимъ переконався, що жыты тутъ немае сылы: отакъ, якъ вамъ, отакъ, якъ цимъ немыровськымъ бабамъ, отакъ усюды-всимъ! Паны зъ жыдами, вирными своими слугамы, у-купи знущаются надъ всимъ поспильствомъ и знову зневажають виру православну, заводячы скризь унію свою. Немае инчого рятунку: стару Украину покынуть треба всимъ и заснуваты нову на вильныхъ козацькыхъ степахъ: биля Лугу Велыкого, за порогамы по-надъ Днипромъ. Нехай зостанутся мостывіи паны самы въ своихъ маетностяхъ велыкыхъ и нюхають ти весняни квиткы, за котри панщыну робыты заставляють! Скажить же вси: чи згодни вы зо мною?

Вси. Згода, згода!

Медвидь. Веды насъ, Саво, куды знаешъ.

Вси. Вси пидемо.

Грыва. Зъ тобою, Саво, и на смерть не страшно.

Гаврыло. Якъ умирать, то й умирать.

1 чоловикъ. Таке треклятее жыття, що жалкувать его не вартъ.

Медвидь. Мы вси наважылысь уже тикать; та тилько якъ же воно буде, колы не пустять, колы зъ пути зновъ за чупрыны всихъ насъ прыведуть назадъ?...

Вси. Эге... якъ же воно буде?

Чалый. Завтра вси будьте готови покынуты село. Улягома, колы въ двори погасять свитло, мы запалымъ оцю хату. Це буде гасло. Рушайте вси тоди зъ худобою, жинкамы и дитьмы до нашого коша, дорогу вамъ покажуть; мы-жъ нападемъ на двиръ и разомъ зъ тымъ пидпалымъ всю оселю. Ночна доба, пожежа, пальба зъ мушкетивъ и гарматы перелякае такъ усихъ панивъ и слугъ ихъ вирныхъ, що воны мовъ вивци очмаріють и вси розбижатся въ ростичъ!.

Ява VIII.

Вбигае Мыкыта. Ти-жъ и Мыкыта.

Мыкыта. Ой паны братья, страшно и розсказувать не то дывытыся, що заразъ робытся въ двори...

Вси. А що тамъ?

Мыкыта. Зигналы все село до двору.

Чалый. Ну?

Мыкыта. Все дворыще освичено смоляными бочкамы. Волохы сталы у дви лавы, а помежъ лавъ стоить народъ. Позадъ людей волохы кинни, и нахылывшы гостри спысы до людей, на ныхъ вси наступають. Народъ иде по лави, а тутъ волохы зъ двохъ бокивъ бьють всихъ, по чимъ попало, батогамы! Колы дійдуть вси до кинця лавы, то зновъ женуть людей въ другый кинець и знову бьють всихъ батогамы... Гвалтъ стоить страшенный. Старый Харько лежыть вже мертвый!

Медвидь. Прокляти! Прокляти! Батька вбылы!.. (*хватае себе за волося*).

Вси. О—о—о!

Мыкыта. На ганку самъ сыдыть Потоцькій, и на его очахъ волохы роблять осудовысько зъ жинкамы и дивкамы!

Вси. Веды насъ, Саво!

Медвидь. Зъ дрючкамы, зъ косамы—мы будемъ бороныты ридныхъ!

Вси. Помремо вси разомъ!

Медвидь. Запалымъ заразъ все село и двиръ.

Вси. Запалымо! Саво, веды насъ!

Чалый. Не можу я на страту всихъ весты васъ безоружныхъ! Я самъ тремтю увесь видъ злобы, а мушу здержаты себе!.. Онъ якъ озвирюють наши сердця! Та краще жыть зъ вовкамы въ лиси, а нижъ зъ мостывымы панамы на слободахъ!

Ява IX.

Ти-жъ и Гнатъ

Гнатъ (*на нему куртка и штаны зъ телячои шкуры, на ногахъ постолы, сорочка обмочена въ деготь; пры боци шабля, въ рукахъ мушкетъ*). Сава тутъ?

Чалый. Тутъ! Все знаю, брате, я—и стою, якъ левъ прыкованый на ланцюзи; безсылля гнитыть душу, а злисть и помста палять серце!

Гнатъ. И злисть, и помсту мы заразъ вдовольнымъ! Отъ слухай. Якъ тилько запалылы смоляни бочкы и почалы знущатысь надъ людьмы волохы, мы въ мыть одну уси бочкы кыреямы накрылы и воны погаслы. На двори темно стало такъ, мовъ хусткою всимъ очи завъязало. Волохы очмарилы и вси стоялы нерухомо; а мы тымъ часомъ конямъ ихъ, що у коновьязи стоялы, розпорювалы жывоты. Не вспилы ще до розуму прыйты волохы, якъ крыкнулы страшенно мы: Сава Чалый! Волохы кынулысь тоди до коней. Мы плюнулы имъ въ вичи зъ десяты мушкетивъ и понеслысь на своихъ коняхъ въ степъ!

Чалый. Орле мій, брате мій (*обнима Гната*).

Гнатъ. Теперъ же отъ що: тикайте вси до хатъ своихъ.

Вси. Ведить насъ на волохивъ!

Чалый. Идить, прывчайтесь слухать! (*выходять*).

Медвидь (*на выходи*). Ой, горыть душа! (*выйшовъ*).

Грыва. Эхъ жаль, що тутъ немае хочъ поганенькои якои шкапы, вже-бъ я видъ васъ тежъ не видставъ, а коса у мене добра й довга (*выйшовъ*).

Ява X.

Сава и Гнатъ.

Гнатъ. Колы погоня буде, воны роздилятся на тры шматкы. Своихъ поставывъ я въ засаду. Мы кынемось на ныхъ зъ обохъ бокивъ и зъ заду, пальнувшы перше изъ мушкетивъ; прочыстымо ряды шаблямы—а потимъ вси у ростичъ!

Чалый. А кони наши де?

Гнатъ. Тутъ биля дуба у яру (*вбига Медвидь*).

Медвидь. Летять волохы мовъ скажени и шляхъ освичують верхови смолянымы лыхтарямы.

Гнатъ. Видъ такого свитла далеко не побачышъ! Ходимъ! Покы воны пиднимутся на гору, мы яромъ будемъ биля нашихъ!

Чалый. О, колы-бъ я мавъ теперъ сто рукъ и въ кожній змигъ трыматы десять шабель, щобъ заплатыть гордыни и по-

карать іи пыху, то и тоди-бъ, здается, ще не вдовольнывсь. Ну, брате, або дома не буты, або славы добуты!

Зависа.

ДІЯ II.

Палацъ. По пидняттю зависй на сцени пусто.

Ява I.

Входыть Шмигельскій, за нымъ Жезницкій.

Жезницкій. Ха! То пану такъ здается; я-жъ запевняю, що новый цей ватажокъ—есть справжній Сава Чалый.

Шмигельскій. Панъ Жезницкій готовъ всимъ посполитымъ дать одно имя „Сава Чалый“ и разомъ всихъ на палю посадыть!

Жезницкій. Панъ Янъ щось противъ мене мае, бо скилько разъ траплялось, що панъ мени все робыть и говорыть навпакы!

Шмигельскій. Не по души мени кривава праця! А панъ Чеславъ купается що дня зъ хлопськїй крови и кожный день шукае новыхъ жертвъ для того лышъ, щобъ вдовольныть свою жадобу крови.

Жезницкій. Помылка то велыка! Я хлопивъ непокирныхъ на корысть краеви караю..... Важкый це обовьязокъ, правда; тымъ бильша честь тому, хто его выповняе.

Шмигельскій. Честь?! Фи! Мучыть безоружныхъ хлопивъ, втынать имъ головы, садыть на палю—це не шляхетське дило: для того е волохъ, татарынъ, нимецъ...

Жезницкій. Я-бъ пана Яна зъ охотою на палю посадывъ за таки речи.

Шмигельскій. Нехай панъ Чеславъ стережется, щобъ часомъ справжній Сава его не злапавъ и не утнувъ ему языкъ.

Жезницкій. Сава сыдыть у мене тутъ въ тюрми—а пана Яна жде тюрма и кара за те, що винъ спріяе хлопамъ!

Ява II.

Ти-жъ и Потоцькій зъ гайдукамы и козачкамы.

Жезницкій и Шмигельскій кланяются.

Потоцькій (*до Жезницкого*). Ну, що твій Сава?

Жезницкій. Мовчыть.

Потоцькій. Допытувать не вміешъ!

Жезницкій. Кисткы вси потрощывъ; діяволъ-бы, здается, вже забалакавъ, а винъ—немовъ глузуе: знай, усмихаючысь, мовчыть. Я певенъ въ тимъ, що цей шакалъ не хто другый, якъ Сава Чалый!

Потоцькій. Мы двохъ вже Савъ на палю посадылы—одного вслидъ за другымъ; а черезъ день піймався третій гайдамака, и Савою себе винъ тежъ назвавъ! Теперъ мовчыть, якъ кажешъ, и мы не знаемъ—хто винъ?!

Жезницкій. Сава Чалый, прысягаю! Перши два—то булы прости хлопы, бо не выдержувавъ тортуръ зъ нихъ ни одынъ—прынаймни хочъ крычалы, а цей діяволъ очыма тилько свитыть и мовчыть—це Сава, прысягаю!

Шмигельскій. Такый самый Сава, я чувъ, сыдыть въ тюрми у Билій церкви, за те, що ограбывъ московськыхъ крамаривъ... Савъ теперъ багато по Украини...

Потоцькій. Повись его, то меньше буде Савъ.

Жезницкій. Щобъ страху хлопамъ більшъ нагнать и заспокоить шляхту, его жывымъ розризать на шматкы и розислать на ярмаркы; а голову на майдани, въ Немырови, поставыть, щобъ зналы вси, що Саву вже піймалы й тяжко покаралы!

Потоцькій. Такъ и зробы.

Жезницкій. Може панъ Янъ прыйде подывыться на операцію?

Шмигельскій. Колы панъ Чеславъ зъ людського мяса буде йисты бигусъ, тоди прыйду и я на звиря подывытысь!

Потоцькій (*встае*). Що за речи?.. Жезницкій выповняе мои наказы, то й я выходыть звирь такый же, якъ и винъ?

Прошу думать перше, а потимъ говорыть. (*Жезницкій, потыраючи рукы, выйшовъ*). Якъ бы я не любывъ пана Шмигельского за его розумъ оригинальный, то за слова таки Жезницкому я давъ бы право побалакать зъ паномъ Яномъ за стиною!

Шмигельскій. Ничого дывного у тимъ бы не було! Тыгры и шакалы теперъ бильшъ въ цини, нижъ люде зъ серцемъ и характеромъ шляхетнымъ!

Потоцькій (*сидае*). Панъ Янъ, побувшы при двори Щенсного, набрався хымерныхъ поглядивъ на хлопа; соціянство збыло пана зъ пантелыку, и тимъ самымъ винъ зопсувавъ рыцарскій характеръ—ставъ баба!.. Щенсный есть ворогъ Украины, винъ мылосердіемъ своимъ надъ хлопомъ помигъ тому, що купы гайдамацьки скризь росплодылысь и все псують и нищать край, що ледве змигъ ожыть писля руины.

Шмигельскій. Ясновельможный пане! Навищо-жъ такъ багато мукъ и крови? Кары кровави й мукы зроблять хлопа нашого шакаломъ; шакалови-жъ лышъ мясо пахне всюду!

Потоцькій (*гнивно*). Хлопъ бувъ шакаломъ, есть и буде! Паля и шыбеныця—отъ мій девизъ!

Шмигельскій. Ясновельможный пане, прошу ласкаво звернуть увагу на мои речи. Прошу не гниватысь и дать вельможне слово, що я ричамы своимы не одверну видъ себе ласку панську.

Потоцькій. Тилько для того, що панъ Шмигельскій оригиналъ—я буду слухать.

Шмигельскій. Бида у тимъ, що вельможне панство не зна и знать не хоче, якъ хлопъ жыве! А хлопови далеко гиршь жывется, нижъ панськымъ конямъ та собакамъ!

Потоцькій. Ну, що-жъ бы ты хотивъ? Щобъ я поставывъ усихъ хлопивъ замисцъ коней на стани, дававъ вивса имъ, нигти имъ обтынавъ, чесавъ ихъ кудлы—чи якъ? Або щобъ въ палаци моимъ, замисть собакъ, лежалы на дыванахъ хлопы? Ха—ха, тоди прыйшось-бы викна вси повыбывать, бо й

самъ бы чортъ не высыдивъ у кимнати, колы зъ десятокъ хлопивъ тамъ покласты!

Шмигельскій. Я не для того просывъ дозволу говорыть и ласкы панськои мене послухать, щобъ панъ вельможный пожартувавъ надъ тымъ, що я давно хотивъ сказать, видъ чого въ мене серце кровью окыпае.

Потоцькій. Чого-жъ ты хочешъ? Щобъ я бувъ хлопамъ хлопъ?

Шмигельскій. Ни. Ясновельможный панъ, монархъ народови своему, пидъ власною рукою винъ мае двисти тысячъ— винъ мусыть знать народъ свій, и якъ народъ его жыве, а винъ того не знае...

Потоцькій. А сто діяволивъ! Ты гнивъ ворушышъ въ серцеви моему! Видкиль же хлопа знаешъ ты?

Шмигельскій. Я жывъ середъ народа, я братавсь зъ нымъ, зъ однои мыскы йивъ и рядомъ спавъ!

Потоцькій. Фи! мени здается, що у пана Шмигельского и теперъ въ сорочци кузкы лазять!

Шмигельскій. Але то не заважае мени знать, що скризь велыки податкы ныщать хлопа, и хлопъ не мае права пыснуть, бо караты его мае право усякый челядынець панській. Николыбъ смутъ цихъ не було, и мы-бъ про гайдамакъ не чулы, якъбы въ видносыны до хлопивъ заложени булы: справедлывисть, любовъ вселюдська, бо хлопъ украинскій зъ прыроды добрый...

Потоцькій. Розбещеный и злый зъ прыроды! Не знае самъ, чого винъ хоче, и радъ бы свитъ весь запалыть и самому згорить въ тому вогни! Кыдае працю, иде въ лиса, жыве грабункомъ, а за помичью такихъ харцызивъ, якъ Сава Чалый збирается у купы и напада не тилько на дворы, але й на замкы, и лье ричкамы кровъ шляхетську! Такъ що-жъ: чы не звелыть намъ панъ сыдить згорнувшы рукы и ждать, покы усихъ насъ не поражуть хлопы?

Шмигельскій. Ясновельможный пане, прошу не гниватысь, я ще своихъ думокъ не высловывъ цилкомъ! Я не кажу, щобъ намъ сыдить згорнувшы рукы.... И судъ, и кара мусять

робыты свое дило; я лышъ хотивъ, щобъ панъ вельможный зауважывъ прычыны ти, зъ якыхъ пиднявся гайдамацькій рухъ, щобъ власною рукою й правомъ вельможный панъ, якъ монархъ, прычыны ти на викы знисъ зо всеи Украины; щобъ справжній судъ, и лышъ по кодексу, судывъ и всихъ однаково каравъ! Тоди не буде миста для шыбеныць, тортуръ и паль, бо кровъ, колы іи якъ воду точуть, ту мае сылу, що не страшыть и не прыдержуе учинкы, за котри, ниби, льется; але, якъ масло те въ огонь, ще бильше пидлыва въ запекли людськи души жадобы крови! Покы-жъ на Украини будуть крывды протывъ посполыльства, якымы-бъ мукамы народъ мы не каралы, не диждутся спокою не тилько наши диты, але й онукы наши! Я скинчывъ!

Потоцькій. Ха-ха-ха! Оригиналъ! Панъ Шмигельскій есть знаменитый оригиналъ! Винъ протывъ всіеи шляхты йде, протывъ законивъ Речи Посполитой, заступается за бунты, що хочуть потоптать пидъ ногы навить власть короны! Оригиналъ! За все, що панъ сказавъ, звеливъ бы заразъ я его повисыть, але тоди не буде во всій Речи Посполитой ни одного оригинала!.. Твою оригинальнисть я циню й прощаю тоби твои безъумни речи! Я не сердюся на пана такъ само, якъ ни одынъ король не сердывсь на шута за его прыкри речи!

Шмигельскій. То есть образа, ясновельможный пане; я...

Потоцькій (*схопывся*). Ну! Оригиналы сердыться не мають права, колы до ихъ хымеръ прыхыльни и слухають ихъ короли! Воны повынни мать соби за честь таке поваження за пани-брата! (*Пауза. Сида. Козачокъ подае ему люльку. Говоре спокійно*) Бунты вси кровію пидплывалы зъ поконъ вику, и гайдамацькій бунтъ потоне, а чи погасне у хлопскій крови. Це законъ... Пане Яворскій!

Яворскій (*пидбига*). Слухаю пана!

Потоцькій. Пиды заразъ....

Яворскій. Слухаю пана (*бижыть до дверей*).

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*вертается*). Слухаю пана!

Потоцькій. Куды-жъ панъ? я-жъ ще ничого не сказавъ.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій (*курыть и мовчыть. Яворскій не встоить на мисти*). Въ великій сали зибралась шляхта околычна.

Яворскій. Такъ.

Потоцькій. Нехай панъ пиде и запросыть....

Яворскій. Слухаю пана (*бижыть*).

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*хутко вертается*). Слухаю пана.

Потоцькій. Потапъ! Дай кухоль воды! (*Потапъ дае*). Прошу пана напытысь!

Яворскій. Бардзо дзинькую! Я ничого не ивъ.

Потоцкій. Прошу, прошу выпыть. (*Яворскій пье*). Теперъ панъ спокійнище мене буде слухаты до краю.

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцкій. Запросы шляхту сюда, тилько не всихъ разомъ—перше двохъ-трехъ.

Яворскій. Слухаю пана. (*Бижыть, але одъ дверей хутко вертается такъ, нибы его зновъ Потоцькій клыкавъ*). Слухаю пана!

Потоцкій. Панъ все вже выслухавъ. Прошу иты тыхо до сали, бо панъ такъ прудко литае, що забува мои прыказы часто.

Яворскій. Слухаю пана (*пишовъ тыхо. Потоцькій сміется. Входе Жезницкій*).

Ява III.

Ти-жъ и Жезницкій.

Жезницкій. Четвертувавъ и розиславъ скризь шматкы видъ падла Савы Чалого.

Потоцкій. Колы-бъ той Сава та не воскресъ. Ты рижешъ ихъ, якъ тихъ курчатъ, а воны плодятся, якъ пацюкы.

Жезницкій. То мени соромъ. Я ще никого не зарizавъ, а смерти предаю харцызивъ по закону,

Потоцькій. Що е нового?

Жезницкій. Колы мы голову Савы, настромывшы на палю, ставылы на майдани, я запрымитывъ двадцять запорожцивъ.

Потоцькій. Ну?!

Шмигельскій (*про себе*). Нови жертвы.

Жезницкій. Або-жъ воны хотилы Саву вызволыть, або розглядають замокъ, щобъ зненацька напасты.

Шмигельскій. Ясновельможный! Запорожцы ци тутъ третій день—воны купують кони для коша.

Жезницкій. То хытристь козацька; це гайдамакы; я ихъ добре знаю: пыкы страшни, замурзани, очи якъ у вовкивъ, и ни одынъ не уклонывся мени, и ни одынъ, побачывшы, якъ мы стромляемъ палю, не сказавъ—Боже поможы!

Потоцькій. Чого ты захотивъ! Велы ихъ всихъ захопыть, допытайся—звидкиля, чого?

Шмигельскій. Коней купують—запевняю!

Потоцькій. Обережнисть не вадыть!

Жезницкій. То я ихъ заразъ захоплю и посадю въ тюрму (*выйшовъ*).

Ява IV.

Яворскій, пани Качинска зъ дочкою; воны кланяются, Потоцькій сыдыть, чуть кывнувшы головою.

Качинска (*держыть молоденьку дочку за руку*). Качинска; а це моя дорога едына цурка, едына утиха! (*до дочкы*) Кланяйся! (*дочка прысидае*). Яка я рада и щаслыва есть, що можу бачыть ясновельможного пана (*до дочкы*). Кланяйся! (*дочка прысидае*). Я третій день чекаю щастя бачыты нашого заступныка, добродія нашого (*до дочкы*). Кланяйся! (*дочка присыдае*).

Потоцькій. То я паню добре знаю. Чого-жъ хоче пани?

Ка́чинска. Коханый мій мужъ, царство ему небесне бувъ вирнымъ слугою панськимъ. Кохала я его, якъ свою душу, але панъ Бугъ розлучывъ насъ, и я зосталася вдовою зъ дочечкою своею сыриткою—Касею звуть (*до дочкы*). Кланяйся! (*Кася*

прысида.) Зъ панськои ласкы маю пьять хлопивъ зъ хлопкамы и ти не слухають: яець не несуть, курей не дають, сунычокъ и орихивъ не збирають въ лиси, прядива сами не мають, та ще и Чалымъ Савою лякають. Одынъ бестія утикъ. Я сама мушу соби йисты варыть, а Кася моя — (*до дочкы*) кланяйся! — сама, выбачайте, сорочкы стырае. Воны мене въ гробъ вженуть своею непокирностью, а Касю мою (*до неи*) кланяйся! такъ настращалы, що бидне дытя не спыть, та цилу ничъ зитхае (*до дочки*) кланяйся! Нема у насъ заступныка, нема мого коханого малжонка Яся; за другого-жъ выйты не можу, бо такъ кохаю свого покійнычка, якъ свою душу!...

Потоцькій. Пани мени вже обрыдла своимы скаргамы на хлопивъ! Пане Яворскій! (*Яворскій пидбига*).

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Я бъ хотивъ...

Яворскій. Слухаю пана. (*хоче иты*).

Потоцькій. Прошу-жъ слухать до кинця, а ни, то може пану дать воды?

Яворскій. Ни, бардзо дзинькую, я сегодня ничого солоного не йивъ.

Потоцькій. Зробы мени велыку ласку.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Женыся, я буду твоимъ сватомъ....

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Пани Качинска! отъ я даю пьять тысячъ злотыхъ прыданого панни Каси и хочу, щобъ вона заразъ повинчалась зъ паномъ Яворскимъ; тоди буде у васъ заступныкъ, и вы мене зоставыте въ спокои!

Качинска. Ясновельможный пане! Доня моя... (*до Каси*) Кланяйся! (*Кася прысида*) Доня моя занадто молода, вона про шлюбъ зовсимъ не дума, ій ще треба пидождаты пары; а колы вже ласка панськая для бидной вдовы—то краще я повинчаюся зъ паномъ Яворскимъ.

Потоцькій. Пане Яворскій!

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцькій. (*Показуе на стару Качинску*). Отъ пану наречена. Сегодня хочу и весилля справыть.

Яворскій. Слухаю пана!

Потоцькій. Пане Яворскій—поцилуй свою наречену!

Яворскій. Слухаю пана. (*Иде до Качинскои*).

Качинска. Пры людяхъ соромно. Нехай уже по шлюби, ясновельможный пане!

Потоцькій. Пане Яворскій! Прошу до шлюбу заразъ. (*Яворскій подае руку Качинскій. Кася прысида Потоцькому. Зъ дорогы Качинска повертается*).

Качинска. А колы-жъ ясновельможный панъ дозволыть взять пьять тысячъ злотыхъ.

Потоцькій. По шлюби.

Яворскій. Слухаю пана! (*Выйшлы*).

Ява V.

Ти-жъ безъ Яворскаго, Качинскои и Каси, а потимъ Жезницкій и Гайдукъ.

Потоцькій. Ха-ха! Середъ такыхъ тяжкыхъ обставынъ, для розвагы, прыятна комбинація! Потапъ! Писля шлюбу заклыкать Яворскаго до мене—я его не пустю до Качинскои, буде зъ неи пьять тысячъ злотыхъ! Ха-ха! (*входе Гайдукъ зъ лыстомъ, за нымъ Жезницкій*).

Гайдукъ. (*Подае лыстъ*). Видъ хорунжого, пана Ревы лыстъ.

Жезницкій. (*Потырае рукы*). А пры нему скованого гайдамаку прывелы.

Потоцькій. (*Чытае*). „Вчора, биля Очеретного, я наскочывъ на гайдамацькую ватагу, роспудывъ хлопивъ, порубавъ, а ватажка іи—Саву Чалого на судъ ясновельможнаго пана посылаю!“ (*говоре.*) Знову Сава! Четвертый Сава! Подле имя, колы его почуешъ, або въ слухъ вымовышъ, то мовъ гадюка въ пазуси ворушытся й сычыть! (*чытае*) „Теперъ околыця вся наша видъ страху спочыне, бо цей харцызъ Сава такъ настращавъ усихъ, що ридко хто не схоплюется въ сни и не крычыть це подле имя! Уси зъизжалысь до мене, колы почулы що гайда-

мака Сава Чалый—у мене въ рукахъ. Вже вся шляхетна околыця знай радіе, що Саву піймалы, а хлопы похнюпылы носы и посмырнилы. Теперъ мы будемъ спать спокійно". (*Говоре*). Напрасно! (*до Жезницкого*). А прыведы сюда харцыза; побачымъ, що за птыця!

Жезницкій. А може-бъ перше пидпекты?

Потоцькій. Поспіешъ ще—давай сырого.

Жезницкій. Слухаю. Запорожци вси въ тюрми, а одынъ утикъ; колы-бъ не гайдамакы—чого ему тикать? Теперъ я прыдумавъ новый способъ допытуваты харцызивъ... (*пишовъ*).

Ява VI.

Ти-жъ безъ Жезницкого

Шмигельскій. Ясновельможный пане! Колы вже я оригиналъ, то дозволяю соби все, що думаю, говорыты прямо.

Потоцькій. Черезъ шлюбъ Яворского я въ гумори. Говоры.

Шмигельскій. Нехай Жезницкій не спишыть допытуваты запорожцивъ; можна-жъ певни видомосты мать видъ коша.

Потоцькій. Покрыють, гадюкы.

Шмигельскій. Не треба звиря дратувать! видомо пану, колы украинська партія въ Лысянци безъ всякого суда 40 запорожцивъ смертію скарала, якимы мукамы жыдамъ и шляхти заплатылы ихъ товарыши?

Потоцькій. А мы поквытаемось!

Ява VII.

Ти-жъ и Гайдамака скованый и звязаный, биля него козакы зъ спысамы.

Потоцькій (*довго дывытся на гайдамаку*). Ты знаешъ, хто я?

Гайдамака. (*довго дывытся на Потоцького*). Може знаю, а може й ни!

Потоцькій. И смерть твоя й жытя—у моихъ рукахъ!

Гайдамака. Може въ твоихъ, а може й ни!

Жезницкій. Гадюко! Зъ тобою панъ Потоцькій розмовляе!

Гайдамака. Може Потоцькій, а може й ни.

Жезницкій. Я зъ тебе жывого здеру шкуру за таки слова!

Гайдамака. Може здерешъ, а може й ни.

Потоцькій. Стривай! Хто ты? Скажы по правди—я тебе заразъ одпустю.

Гайдамака. Може одпустышъ, а може й ни.

Потоцькій. Прызнайся, я тоби сто злотыхъ дамъ, ты Сава Чалый?

Гайдамака. Може Сава, а може й ни.

Потоцькій (*выхопляе пистоль и цилыть въ гайдамаку*). Убью, якъ собаку! Говоры: ты Чалый?

Гайдамака. Може убьешъ, а може й ни. (*Потоцькій стриляе; осикается пистоль*). А бачъ не вбывъ!

Потоцькій. На палю его заразъ!

Гайдамака. (*На выходи*). Це той Потоцькій, що розумъ въ него жиноцькій.

Потоцькій. Посады его въ бочку и задавы дымомъ видъ сиркы. (*Гайдамаку выводять*). Ну, пане Шмигельскій, що зъ такымъ народомъ зробышъ?

Шмигельскій. Зъ такымъ народомъ можно весь свитъ покорыть!

Потоцькій. Ты мене дратуешъ не меншъ, нижъ цей діяволъ; стережысь!

Шмигельскій. Я шутъ—оригиналъ; мени ясновельможный панъ дозволывъ говорыты все, а въ пана слово королевське, и я зновъ смило говорю. Велы, ясновельможный пане, замисць мукъ и кары—роскувать его, нагодувать его гарненько, дай ему добрый кухоль горилкы, и винъ тоби роскаже все, а мукамы и страхомъ ничого ты видъ него не добудешъ!

Потоцькій. Ха-ха-ха! Гайдамаку витать, якъ дорогого гостя!? Оригинально! Гукны Жезницкаго!

Шмыгельскій. (*Въ дверы*). Поклычъ пана Жезницкого.

Потоцькій. Чудово, чудово!.. Почнемъ харцызивъ частуваты: музыка буде граты имъ, нехай танцюють пьяни бестіи, а писля танцивъ и на палю!.. Нехай оригинально умирають... Ха-ха-ха! (*Входе Жезницкій*). Роскувать гайдамаку, дать ему добре йисты, поить горилкою три дни, щобъ кожный день бувъ пьяный, якъ на весилли, а Лейба нехай грае ему на цымбалахъ веселу—до танцивъ! Ха-ха-ха! Нова кара! Ну, чого стоишъ? Ты мяса хочешъ? Буде мясо! На третій день, колы ничого намъ харцызъ не скаже, посады его на палю; Лейба буде грать ему веселу, а винъ нехай канае бестія пидъ танець.

Ява VIII.

Ти-жъ и Гайдукъ зъ лыстомъ.

Гайдукъ. Ясновельможному видъ хорунжого Ревы лыстъ (*выйшовъ*).

Потоцькій. (*Читае*) Сава Чалый!.. (*говоре*) Діяволъ! Знову це гадюче имя!.. (*Читае.*) Сава Чалый насъ обманывъ. Навмысне винъ пославъ малый загонъ, его посиклы мы и ватажка піймалы, а той сказавъ, що нибы Чалый винъ. Его пославъ я вашій мости. Тымъ часомъ, справжній Сава, на другу ничь, зъ загономъ чоловикъ у двисти, напавъ на Очеретну, забравъ зъ коморъ пшоно, сало, весь хлибъ, всихъ коней, 40 паръ воливъ, дочку пидстаросты Курчинского, прекрасну Зосю, взявъ и счезъ, якъ дымъ въ повитри! (*Говоре*) Діяволъ! Діяволъ! Діяволъ! (*Чытае*). Въ погоню пишла хоругвъ Ружицкого. (*Говоре*). О, колы-бъ его піймалы, я мисяць-бы его горилкою поивъ, покы-бъ збожеволивъ винъ, а потимъ на цепу водывъ бы по всій Украини. Ни, це не чоловикъ, це певно чортъ назвався Чалымъ!

Шмигельскій. Це мифъ ясновельможный пане. Певно кожный ватажокъ навмысне Чалымъ себе зве.

Потоцькій. Ни, ни!... Це надзвычайный чоловикъ, це не мифъ; а тилько такъ его вси фыгли цинять гайдамакы, що кожному-бъ изъ ныхъ хотилось Чалымъ буть!... Але то все мизерія!.. Сава спражній бувъ въ Карапышахъ. Винъ, на очахъ

Мыколы Потоцького и трехъ-сотъ его волохивъ, погасывъ бочкы смоляни такъ легко, якъ свичкы; пальнувъ у вичи всимъ зъ мушкетивъ, счезъ якъ витеръ, потимъ побывъ погоню, и братъ Мыкыта зъ волохамы своимы мусывъ свитомъ рушыть; бо думавъ винъ, що сыла Савы переважыть его сылу; а Сава въ той самый день спалывъ всю слободу и вывивъ хлопивъ всихъ въ степы далеки! Га?... Це страшный, це надзвычайный, це цикавый чоловикъ! Пане Шмигельскій! Ты говорывъ, що знаешъ народъ, що жывъ ты довго середъ него, тоби видоми всяки фыгли, бо ты й вояка добрый... Йидь, иды, що хочъ робы, найды и прыведы мени ты Чалого! Винъ не дае мени спокою, не буду йисты й спать, покы его я не побачу! Я его помылую, я его хочу побачыть... Пообищай ему маентности велыки, сто тысячъ злотыхъ, видъ короля шляхетство, и все то я, клянусь—добуду, дамъ—тилько нехай прыстане на мою руку и поможе мени гайдамакивъ всихъ переловыть!... Це имя—Чалый—сыла! Це та сыла, що прыворожуе людей до себе! Рады краю, рады спокою одшукай и прыведы мени Чалого, бо колы до себе мы его не переманымъ, то гайдамаччына хмельныщыною стане! Тоби жъ я обищаю усе зробыты—чого захочешъ!

Шмигельскій. Я згоденъ и пиду шукаты Чалого, хочъ заразъ и жывъ не буду, а знайду его, колы винъ справди е! И колы мене до себе винъ не переманыть, то я переманю его сюды. Але для поспиху у такимъ дили прошу ясновельможного я пана: напысать до Савы лыстъ и прыложыть свою печать гербову, бо Сава певно такъ не ввирытся мени, а въ тимъ лысти пообищай ему вильготы для поспильства, про яки я говорывъ вже его мосци!

Потоцькій. Умовы зъ хлопомъ? Хлопови лыстъ? Багато хочешъ ты!

Шмигельскій. Історія складается зъ помылокъ и колы ти, що на чоли стоять народу, свои помылкы поправляють бажаннямъ стать на певный шляхъ—воны достойныи сыны отчизны!

Потоцькій (*писля паузы*). Ходимъ! Я дамъ тоби до Савы лыстъ. И колы справди Сава йе и гайдамакивъ прыпыныть поможе, тоди я все зроблю и для поспильства, абы надали вже жыття спокійне забезпечыть Украини.

Шмигельскій. А колы ця думка золота та стане диломъ, вона всю Посполиту Ричъ и заспокоить, и прославыть!

Зависа.

ДІЯ Ш.

Картына I.

Лисъ. Въ глыбыни насыпано дви купы грошей; купы покрыти воловымы шкурамы. Биля купъ вартовый зъ спысомъ у руци.

Ява I.

Вартовый (*пройшовшысь*). Нема ще варты; а часъ бы вже й переминыть мене! (*Входыть пъять чоловикъ козакивъ. Чотыри одягнени въ чорныхъ свыткахъ при шабляхъ зъ мушкетамы за плечыма и спысамы въ рукахъ, а пъятый у запорожскому жупани*). А отъ и нова варта—даремно ремствувавъ. Пыльнуе добре старшына!

Запорожець. Панько! Ты будешъ на варти биля грошей.

1 Вартовый. Прыймай! Тутъ дви купы грошей: одна—срибни, друга—мидни! Нехай скарае того Богъ, хто визьме шагъ изъ грошей кошовыхъ.

2 Вартовый. Щобъ сонця я не вздривъ, колы я самъ визьму, або кому дозволю взять хочъ шагъ одынъ изъ грошей кошовыхъ.

Запорожець. Теперъ ходимо дали—зминяты вартовыхъ.

1 Вартовый. Я тутъ васъ пидожду.

Запорожець. Гараздъ (*зныкають*).

Ява II.

Ти-жъ безъ запорожця и варты.

1 Вартовый (*набываe люльку*) .Добре все заведено у насъ. Кожный чоловикъ знае свое дило. А все то Сава!

2 Вартовый. Кажуть, що колы-бъ Саву нашого та кошовымъ на сичи обибралы, то винъ бы объявывъ війну ляхамъ.

1 Вартовый. Пидожды, винъ и такъ выйде бытысь въ чысте поле; адже скризь розсыла лысты: прысоглаша до себе мали купы, збирае хлибъ, пшоно и сало. Вже и теперъ надбалы стилько, що стане намъ на цилый рикъ.

2 Вартовый. Гарматъ нема.

1 Вартовый. Сава достане... Розумно правыть и справедлыво!.. А за ту дивку, що въ Очеретній Клымъ захопывъ, якого всимъ нагнавъ и сорому, и страху! Що вы, каже, хочете, щобъ мене розбійныкомъ личылы и щобъ видъ мене одвернулысь люде наши? Хиба на те зибралысь мы, щобъ дивчатъ захоплювать въ полонъ? Смерти предамъ, хто таке вчыныть другый разъ!

2 Вартовый. И правда, хиба мы татары... А ты не чувъ, де ту дивку дилы?

1 Вартовый. Вызвавсь якыйсь митець, зъ новыхъ, и повизъ іи до дому.

2 Вартовый. То правда, що митець. Одвезты дивку назадъ до дому важче, нижъ выхопыть було іи изъ дому, бо то гуртомъ, а це одынъ. Не довезе іи винъ до Очеретного. Колы пидъизды панськіи піймають, то повисять, бо дивка ця—дочка значного въ тій околыци якогось пана... пидстаросты, здается!

Ява III.

Ти-жъ и запорожець зъ вартовымы.

Запорожець. Заразъ прыбуло изъ сичи 20 братчикивъ.

2 Вартовый. Ростемъ на сылахъ.

Запорожець. Лыста отъ кошового прывезлы.

1 Вартовый. Може й сичь до Савы нашого прыстане. Колы-бъ Богъ давъ, та щобъ мерщій у поле—помирятыся зъ ворогомъ, а то безъ дила сумно тутъ сыдить!

Запорожець. Голота сичова порывается до насъ, такъ старшына прыдержуе: вона поспильству не спріяе, бо и сама бъ по паньськи жыть хотила.

1 Вартовый. Дарма! Голота нышкомъ такы тика до насъ изъ сичи. Теперъ у насъ въ коши народу сыла.

Запорожець. Та й ще зъ поспильства прыбувають. Для того-жъ то й харчамы такъ запасается нашъ Сава.

1 Вартовый. Харчивъ нема куды й дивать: сто горловыхъ ямъ повнисеньки зерна. Вже потомылыся на жорнахъ хлибъ молоть.

Запорожець. Хлибъ перве дило. Звидциль насъ не добуде цило військо, абы харчи.

1 Вартовый. Та Сава зна, що ро́быть.

Запорожець. Розумный.

1 Вартовый. Та й побратымъ его Гнатъ Голый, бра, не згирше.

Запорожець. Запальный дуже.

1 Вартовый. Колы-бъ воны не посварылысь, бо Гнатъ частенько зъ гарячу на Саву гниватыся ставъ.

Запорожець. Воны браты, хрестамы обминялысь, то хочъ и скаже зъ гарячу що Гнатъ, ему всякъ часъ, якъ я прымитывъ, Сава выбачае.

1 Вартовый. Дай Боже, щобъ усе було гараздъ!

Запорожець. Ходимъ—почуемъ, що тамъ нового намъ братчыкы изъ сичи прывезлы.

2 Вартовый. Цикаво дуже! Шкода, що я не буду зъ зъ вамы.

Ява IV.

Ти-жъ Сава и Шмигельскій.

Чалый. Здорови паны-братья!

Запорожець, а за нымъ и други. Зъ поворотомъ, пане атамане!

Чалый. Спасыби! Що нового?

Запорожецъ. Двадцять братчыкивъ прыйихало изъ сичи и прывезлы лыста якогось.

Чалый. Цикаво, що за лыстъ! А мы горилкы десять бочонкивъ прывезлы, сушенои рыбы добулы и десять паръ воливъ... Нехай горилку Грыва на замокъ запре и варту тамъ поставыть—ричъ лакома... Рыбу нехай складуть у тому курени, де сало й силь, воливъ порізать на обидъ, а що зостанется, то посолыть и ти бочкы докласты, котри не повни ще. Оце й уси хозяйськи справы. Теперъ за військови прыймемся. Кличъ старшыну и запорожцивъ тихъ, що лыстъ изъ сичи прывезлы, нехай идуть и инчи, хто ма охоту слухать новыны. (*Запорожецъ и вся варта пишлы. 2 вартовый стоить въ глыбыни биля грошей нерухомо, спершысь на спысъ*).

Ява V.

Сава Чалый и Шмигельскій на передъ-кону.

Чалый. Теперъ зъ тобою побалакаемъ на самоти. Цикаво дуже знать, якъ ты довизъ до Очеретного панну Зосю? Тебе пославъ навмысне я, щобъ спробовать твою козацьку вдачу перше, а потимъ вже прыняты до коша. Ну, розсказуй, побачымо твій хыстъ.

Шмигельскій. Прекрасна панна Зося—дочка пидстаросты Курчинского, изъ Очеретного. Історію іи давно вже знае вся околыця. Такъ я и скорыстувався цымъ. До першого села Потоцького прывизъ насъ рудый орендарь. А тамъ, умовывшысь зъ панянкою, мы розсказалы цикаву байку, що нибы панну Зосю я видъ тебе выкравъ. Вси радилы и прыймалы насъ, якъ дорогыхъ гостей! А потимъ у кочи панськимъ, до самого Курчинского у Очеретне одвезлы. И я батькамъ виддавъ дочку, воны-жъ мени за те коня далы, якъ сокола прудкого.

Чалый. Розумно й хытро! Митецъ зъ тебе не послидній, и я тебе охоче прыймаю до коша.

Шмигельскій. Я онъ якый радый, що такъ сталось, що въ часъ короткый заслужывъ видъ тебе, пане атамане, щире слово и хвалу!

Чалый. Скажы-жъ мени тепера, хто ты?

Шмигельскій. Шляхтычъ Иванъ Шмигельскій.

Чалый. И католыкъ?

Шмигельскій. Ни, соціянынъ.

Чалый. Чувъ, що е й таки.

Шмигельскій. Служывъ пры панськихъ я дворахъ, але не змигъ дывытыся на тяжки людськи биды, такъ отъ и втикъ сюды.

Чалый. А ты праеду кажешъ?

Шмигельскій. Хиба у васъ тутъ солодко жыты, хиба не смерть тутъ кожного чека що дня: чи въ поли, чи на пали? То за яки бъ же ласощи хотивъ брехать тоби, мій батьку?

Чалый. Та й то правда. Видъ роскошивъ до гайдамацького коша не пидешъ!... Яки-жъ ты крывды таки бачывъ, що утикаты видъ панивъ тебе прымусылы воны.

Шмигельскій. Крывды? О, та хиба ихъ переличышъ? Найбильша-жъ крывда въ тимъ, що не однаковый для всихъ законъ, а справжнёго суда зовсимъ нема, и той, хто дужчый, чужее право зневажа..

Чалый. О, то ты розумный, бачу, въ батька сынъ, та й вченый не абы-якъ. А що-жъ бы ты хотивъ зробыть, щобъ крывды теи не було?

Шмигельскій. Занадто вже велыкую цину даешъ ты розуму моему.... Я-жъ самъ не знаю що робыть, а тилько те скажу: що не хотивъ бы бачыть крывды! Ты-жъ, пане атамане, народну волю чынышъ, ты на чоли стоишъ коша значного, обмиркувавъ усе давно и знаешъ певно, чого хочешъ и що робыты будешъ?... И отъ себе всёго я виддаю на твою волю, бо самъ лышъ знаю те, що жыты, такъ якъ мы теперъ жывемъ,—не сыла, що все скинчытся зновъ руиною, спокою жъ въ тимъ не буде.

Чалый. Ты наче серце й мозокъ маешъ мій и языкомъ моимъ говорышъ! Не маю я охоты кровъ безоружныхъ пролывать и плюндруваты край!... На бой чесный, на груды—груды, поклыкать хочу я панивъ. Для того сылы я сюды збираю. Або поляжемъ вси въ бою, або заставымо панивъ зменьшиты панщыну й податкы и ривный судъ всимъ дать! А тихъ, хто чуже право зневажае, караты смертію, хочъ бы то бувъ и панъ значный.

Шмигельскій. Зъ тобою поручъ я готовъ рубаты ворогивъ твоихъ думокъ, а за одну краплыну твоей крови, готовъ я выточыть усю свою!

Чалый. Я чую щыристь въ твоій мови; до тебе я душею лыну и дуже радъ тому, що шляхтычъ ты освиченый и поручъ станешъ зъ намы, щобъ бороныть народъ!... Будь моимъ прыятелемъ, а колы що, то и пораду добру дай.

Шмигельскій. За щастя, за велыке, я те маю, що ты мене прыятелемъ назвавъ, и всимъ жыттямъ своимъ тоби я дружбу докажу.

Чалый. Вирю. (*Помовчавъ*). Слухай, скажи мени: що Зося рада, щаслыва тымъ, що до батькивъ вернулась?

Шмигельскій. Ни.

Чалый. Дывно! Чого-жъ бы то?

Шмигельскій. Дивоче серце ты запалывъ коханнямъ!.. На̀ тоби ось видъ панны перстень. Прощаючись зо мною, панна Зося дала цей перстень и сказала: виддай Сави и скажы ему, що я его кохаю й кохаты буду все жыття, и рада-бъ бильшъ була зостатысь зъ нымъ, анижъ вертатыся до дому.

Чалый (*зитхнувши*). Жалкую й я, що сталось такъ. Ця дивчына межъ гарнымы була-бъ найкраща! Сказать по правди, іи краса опанувала мною те-жъ, а очи ясніи, якъ небо, вже другу ничъ мни спаты не дають! Прызнаюся тоби, що я хотивъ женытысь зъ нею, бо и вона на тее була згодна. На превелыку сылу я роздавывъ свое кохання, щобъ не пошкодыло воно моій мети й повстанню! И отъ теперь одвизъ іи до дому ты, а я що дня зитхаю и думаю про Зосю; хочъ не прыстало це мени, та

що-жъ робыть, колы ніякъ не можу серця вгамувать.... Але... забудется, пусте!

Ява V.

Ти-жъ и Гнатъ.

Чалый. Здоровъ, мій брате! А це той козарлюга вже вернувся, спровадывшы дивча, що я тоби розсказувавъ про него.... Але я бачу, брате, що ты сумный изнову? Що сталось?

Гнатъ. Нудно тутъ сыдить, згорнувшы рукы. Що дня мы чуемо, якъ въ Тульчыни, Немырови, Лысянци стынаютъ головы братамъ, що смилыво боронять право, а мы тутъ мовчкы ждемъ случного часу, хочъ насъ набралось стилько, що всю Брацлавщыну поставыты у верхъ ногамы можна! Пора и намъ почать зненацька нападать и ризать и палыть напасныкивъ!

Чалый. Брате! ты тилько мстыты хочешъ, а я прогнать вси крывды хочу зъ Украины, щобъ не було потимъ прычыны намъ кровъ братерську знову й знову пролывать! Про це не разъ уже тоби казавъ я... И отъ прыйдуть до насъ вси ти ватагы, якимъ лысты я розиславъ: и на Подоль, и на Волынь—и выступымъ тоди у поле справжнёю войною! Буде ще часъ и сылу, брате, и завзятисть показать!

Гнатъ. Покы тамъ що, а мы теперъ страху нагналы имъ и сала залылы за шкуру!

Чалый. Посціемъ ще, пожды, щобъ згарячу не зопсуваты дила—я жду людей, я жду гарматъ... А отъ почуемъ, що кошовый намъ пыше.

Ява VI.

Ти-жъ, запорожци и гайдамакы одягнени, якъ посполыти въ свыткахъ, пры шабляхъ. Де-яки въ однихъ сорочкахъ пры зброи.

1 Запорожецъ. Ось тоби лыстъ видъ кошового.

2 Запорожецъ. А насъ отъ двадцять, не вважаючи на те, що тамъ напысано въ лысти, прыйшлы тоби на помичь, батьку атамане!

Вси запорожци. Наши головы батькови Сави!

Чалый. Спасыби лыцари преславни! Що жъ тутъ въ лысти цикавого, побачымо. А ну лышъ, пане Иване, прочитай, будь намъ за пысаря, бо пысаря у насъ нема.

Шмигельскій. (*Чытае*). Ричъ посполыта. (*Вси загулы*). О-о-о!

Чалый. Слухайте паны братья, тыхо!

Шмигельскій. Ричь посполыта жалобу Московському урядови вчыняе, що запорожци, зъявляючись на Украини, пиднимають усе посплильство протывъ панивъ; що хлопы кыдають грунты й оселю, йдуть въ лисы й степы, и тамъ, при помочи сичовыкивъ, складаются въ загоны и мовъ татары нападають скризь на шляхту, на жыдивъ, навить на замкы; що край не мае спокою, що все кругомъ плюндрують гайдамакы, пожежою й грабункомъ ныщать Украину! А въ поводу цёго урядъ Московській прыказуе караты смертію тихъ сичовикивъ, котори до гайдамакъ прыстануть. Прыказъ цей объявляю и самъ наказую видъ себе всимъ: хто на Украини—вернутысь въ Сичъ, справляты службу військову, оберегать граныци, не потураты гайдамакамъ, розгонять ихъ, ловыть утикачивъ и виддавать на судъ військовый, щобъ смертію караты непокирныхъ. (*Вси мовчать*).

Чалый. Чулы, панове?

Гнатъ. Це такъ! Отъ и досыдилысь! (*Почынается гвалтъ; говорять вси разомъ. Середъ гвалту повынни скилько можна выдилятысь Гнатови слова*).

—

1 купа.

Гнатъ. Паны ляхы сами всему вынoю, воны знущаются надъ всимъ посполитствомъ, що оселылося на слободахъ, вважаючы на прывелеи!

Вси. Такъ, такъ...

Гнатъ. Зъ жыдамы, вирнымы своимы слугамы, у купи зневажають виру православну, заводять унію. А паны, замисць того щобъ прыпыныть себе и свою челядь, лютують на народъ.

Боятся, щобъ не повсталы вси та зъ страху самы себе розпалюють.

Вси. Правда, правда.

Гнатъ. Ощады не дають никому, и вишають, и на килкы садовлять всихъ, и вынуватыхъ и невынныхъ (*переходе въ третю купу*).

—

2 купа.

Гаврыло (*почына на реплику:* „*Отъ и досыдилысь*"). Хочъ не жывы на свити!

Медвидь. Хто-жъ за насъ заступытся, колы видъ насъ и запорожжя видсахнется.

Грыва. А запорожцивъ хиба мылують?

Медвидь. Де зустрилы—на палю!

1 Запорожецъ. Попустылы себе такъ. Перше не посмивъ бы нихто зъ братчыкамы росправляться!

Гаврыло. Вси жылы вильно на Вкраини.

—

3 купа.

2 чоловикъ. Якъ же его выдержышъ, колы таки податкы, що цилый рикъ треба робыть, щобъ хочъ видкупытысь.

Мыкыта. И на панщыну, и на варту, ще й грошi платы.

2 чоловикъ. Колы жъ робыть на себе?

Мыкыта. Теперъ вже ти й померлы, що йшлы на слободы и малы прывелеи, а мы за ныхъ робы!

2 Чоловикъ. А тилько пыснувъ хто, заразъ на ланцюгъ, яке-жъ це жыття? Хто его втерпыть?

Мыкыта. Не то на ланцюгъ, а й смерти вильно предать.

2 Чоловикъ. (*До запорожцивъ*). Просымо васъ, братчыкы, не кыдайте насъ!

Вси. Не покынемо!

Гнатъ. Послухайте мене!

Вси. Тыхо, тыхо! слухайте сюды. (*Все стыхае*).

Гнатъ. Колы покынуть насъ вси запорожци, то мы й сами! Паны атаманы и вся чесна громада! Не мы гвалтуемо противъ ляхивъ, але воны гвалтують противъ насъ! Воны сами людей усихъ безъ мылосердя смерти предають, абы попався, хочъ и невынуватый, а потимъ щей крычать на увесь свитъ, що мы харцызы, що мы плюндруемъ край. Теперъ у Сичъ онъ заклыкають всихъ за тымъ мабуть, щобъ бенькеты заводыть, садыты гопака, напывшись въ смакъ горилкы; або щобъ въ купи зъ кошовымъ мы посидалы надъ Днипромъ и удылы удкамы рыбу, тоди якъ тутъ неправда скрозь пануе и льется братня кровъ ричкамы!... По лыцарськи—ничого сказать! Чого жъ мовчышъ ты, Саво? Ты кошовый, ты намъ усимъ старшый, ты голова, скажы свое ты слово: що будемо робыть?

Вси. Кажы, батьку атамане!

Чалый. Треба покорытыся наказови.

Гнатъ. Якъ? Покынуть все и въ сичъ вернутысь, а посполитымъ панщыну почать?!

Чалый. Слухай.

Медвидь. Мовчы, Гнате! Слухаемъ!

Вси. Слухаемъ, слухаемъ!

Чалый. Посыдымо до часу случного мы тутъ, у цему мисти тыхо; зберемъ до себе вси ватагы; за гроши ти, що маемъ, прыдбаемо гарматъ, якъ можна бильше; тымъ часомъ затыхнуть трохы гвалтовніи лысты магнативъ, ослабне обережнисть въ замкахъ, у роскошахъ почнуть купатысь знову ворогы, московська варта видъ спокою засне, и вже тоди росправымъ крыла, та не загонамы малымы, а військомъ дужымъ, якъ батько нашъ Богданъ колысь, на замки ихъ безпечни нападемъ! Въ бою на груды—груды мы визьмемъ верхъ: я певенъ въ тимъ, бо наберется війско десять тысячъ—тоди усихъ панивъ заставымъ, поважаты нашу виру, дать судъ и пильгы посполытимъ!

Гнатъ. Покы сонце зійде, роса очи выйисть! Навколо скризь народъ катують безоружный, а мы тутъ будемо—мовчать и ждать?

Чалый. Готовъ и заразъ я виддаты голову свою за скрывженый нашъ людъ, але що-жъ выграе видъ того людъ той самый, колы я, якъ необачнее хлопья, у поле выскочу зъ малымы сыламы, а тамъ побьють запевне насъ и всихъ потроху переловлять! Не хочу я такъ умырать, якъ той баранъ, що у ризню его ввелы и тамъ звязавшы ему ногы, ножемъ блыскучимъ вже биля горла поѓелы, а винъ лежыть, та блымае очыма! Я хочу вмерты такъ, якъ лыцарь: зъ шаблею въ руци, въ бою чеснимъ, помирявшысь на сылахъ зъ ворогамы! Пождемо, панове! И ты, мій брате, не будь на цей часъ тымъ воломъ, що хочъ печы его, а винъ не встане колы ляже—и послухай мою раду!

Медвидь. Пождемо?

Де-хто. Пождемо...

Запорожци. (*Не охотно*). Якъ такъ, то й такъ...

Ява VII.

Ти-жъ; варта, зъ нею запорожець.

3 Запорожець. Ажъ ось де кишъ вы заснувалы? Ну й безпечно жъ тутъ! Далеко безпечнище, нижъ тамъ у насъ на Сичи... Колы-бъ мене Якивъ, що варту розводывъ, не пизнавъ и не гукнувъ на мене, то въ викъ бы вичный не догадався, що тутъ е кишъ такый велыкый и на Запорижжи славный своимы ватажкамы и фыглямы зъ панамы! Тутъ такъ усе—нибы у шапци невыдымци!

1 Запорожець. А ты звидкиль? Здается, ты на Украину пойихавъ коней купуваты для коша?

3 Запорожець. Пойихало насъ девьятнадцять, а тилько я одынъ утикъ.

1 Запорожець. А други-жъ де?

3 Запорожець. Повисылы, въ Немырови.

Грыва. За вищо?

3 Запорожець. За шыю!

Чалый. Та ты братъ не пустуй, а дило намъ скажы.

3 Запорожець. А що жъ тутъ говорыть? За гайдамакивъ всихъ ихъ полічылы, и якъ воны не одмовлялысь—не

помогло! Скарать же булы ради, бо зналы ще, що й гроши е,— то й гроши вси досталися сипакамъ! А я не бувъ на той часъ зъ нымы, такъ заховався у своихъ людей и думавъ я, що ихъ одпустять, а ихъ усихъ на пьятый день повисылы. Тоди я сивъ на свого коня, та такъ ушкварывъ, що й кинь здохъ черезъ суткы. Теперъ пишкомъ до Сичи прямувавъ, щобъ сповистыть прынаймни кошового, де дилысь братчыкы сичовыкы.

Вси запорожци. Гей, до помсты! Нападемъ на Немыривъ! Спалымъ!

Чалый. Пидождить, панове, до случного часу, не псуйте вы моихъ замиривъ, а тоди разомъ заплатымо за все; теперъ же мы ще не готови!

Гнатъ. А—а!.. Згынь все, що такъ вагается, якъ Сава! Не треба намъ такого кошового!

Запорожци. Не треба!!

Гнатъ. Згынь и вся пузата старшына на сичи, колы вона боится смерти глянуть въ вичи и насъ мовчать прымусюе у такый часъ, колы очыма й ухамы своимы мы бачымо и чуемо, яки страшенни крывды роблять намъ! Не хочу я такъ жыть, якъ тхиръ; не хочу я паскудыть свитъ! На вищо те життя мени здалося, колы що дня безчестямъ покрывають головы козачи? Краще смерть, нижъ тутъ сыдить намъ по кущахъ, покы не вытягнуть та не наткнуть усихъ на палю! Не треба мени моеи головы! Колы іи у поли я за правду не складу—нехай за правду катъ рубае! Хто-жъ смерты зъ васъ боится, кому жыття мылище честы, той на пичь нехай иде и тамъ сыдыть зъ дидамы! Гей, товарыши! Хто до помсты, той за мною!

Вси. Вси, до одного уси.

Запорожецъ. Не треба Чалого!

Вси. Не треба!

Запорожци. Винъ вагается!

2 запорожецъ. Нехай Гнатъ Голый буде нашымъ атаманомъ.

Вси. (*Гвалтовно.*) Гнатъ атаманомъ! (*чуть голоса „Чалый", имя Гната переважно, потимъ Чалого не чуть.*) Гнатъ, Гнатъ, Чалый! Гнатъ атаманомъ!

Запорожцы (*роблять биля Гната коло*). Веды насъ, Гнате, ты!

Гнатъ. На Тульчынъ, на Немыривъ, заплатымо за кровъ своихъ братывъ!

Вси. О—о! Заплатымо!

Зависа.

ДІЯ III.

Картына 2.

Середына куриня. Выдъ конуса; дерева пидризани и верхы ихъ зведени до купы, потимъ завъязани. Зверху навалено хворосту, травы, лыстя; замисть стола велыкый круглый пенёкъ, замисць стильцивъ, мали пенькы навколо. Въ глыбыни лижко зъ дровенякъ, заслано воловою шкурою, въ головахъ сидло.

Ява I.

Чалый и Шмигельскій.

Чалый. (*Сыдыть биля стола схылывши голову на рукы, Шмигельскій стоить. Мовчать*). Все пропало!.. Не мае згоды, не мае одностайносты межъ намы. Одна бида повынна-бъ всихъ еднать до купы, а мы йдемо у ростичъ!.. Ничому лыхо насъ не научыло!...

Шмигельскій. Бида, що кожный хоче старшымъ буты и керувать, а черезъ те одынъ—будуе, другый—руйнуе!

Чалый. И отъ усе зруйновано, усе пропало.

Шмигельскій. Ни, ще не все пропало, Саво!

Чалый. Все, все, все! (*встае*). Жалоба помсты въ ныхъ така велыка, що сдержаты іи, якъ здержать воду ту, що рынула кризь прорванную греблю—нема у чоловика сылы! И понесуть воны теперъ на Украину и смуту, и пожежу, и кровъ проліють рикамы, безъ жаднои корысты для народа, а потимъ и сами на паляхъ вси сконають.

Шмигельскій. Такъ будемъ рятувать Украину видъ гайдамацькои руины!

Чалый. Якъ же ты іи сердешну порятуешъ?

Шмигельскій. Пойидемо до гетмана Потоцького въ Немыривъ; винъ дасть усю мылыцію свою пидъ твою руку, и мы поможемо ему прогнаты гайдамацьки купы, що лышъ озвирюють панивъ протывъ людей, а людъ протывъ панивъ. Колыжъ настане мырнее жыття—тоди лышъ процвите нашъ край! Споглянь: пидъ панською рукою, за часъ короткый пустыня стала ожывать, жыття на ній въ громадськый станъ складатысь почало; не руйнувать же его намъ, а и самимъ спріять такій будивли треба.

Чалый. Це ты прыдумавъ гарну ричь: рятувать народъ видъ нього самого и помогать ляхамъ для себе лышъ жыття спокійне будуваты зъ кистокъ и людськой крови! Що то шляхтычъ! Заговорыла лядська кистка, проспувсь мостывый панъ и зубы показавъ.

Шмигельскій. Ни, Саво! Ты помыляешься! Я ляхъ лышъ черезъ те, що нымъ родывся; а серце, розумъ и душа—ведуть мене не тымъ шляхомъ, якымъ идуть уси ляхы, бо я бажаю: ривносты, спокою, щастя и добра—не шляхти лышъ одній, але усимъ людямъ!

Чалый. Ты солодко говорышъ такъ, що вирыть хочется тоби и боязко стае, щобъ ты медовымы ричамы не отруивъ души.

Шмигельскій. Колы ты выслухаешъ все, що я тоби повидаю, и колы въ чимъ побачышъ мою крывду, предай мене на судъ громади, спалы жывого на вогни, на палю посады, якъ схочешъ такъ и покарай: въ твоихъ рукахъ и смерть моя й мое жыття, тоби его безпечно доверяю; та й страху я не знавъ николы и не знаю, бо разъ-у разъ робывъ и говорывъ лышъ те, що правдою вважаю!

Чалый. Говоры, послухаю, що хочешъ ты сказать—цикаво.

Шмигельскій. Послидній часъ я у Потоцького, у гетмана, въ Немырови служывъ и винъ послався мене шукаты Саву

Чалого, щобъ прывернуть его на панську руку, якъ лыцаря, для помочи, щобъ ладъ дать на Вкраини и вгамуваты гайдамайцькій рухъ!

Чалый. Такъ ты прыставъ до мене, зробывсь прыятелемъ моимъ, züлизъ у саму душу для того, щобъ струить іи?

Шмигельскій. Свидчусь Богомъ, ничого я не мавъ лыхого на мети; а щиро те робывъ, що за добро личывъ! Ты не дытя, тебе не поведешъ туды, куды ты самъ не схочешъ; переконання-жъ ричъ свята! Слухай! Я бачывъ, якъ бачу и теперъ, що гайдамацькій рухъ лышь край руйнуе, безъ жодной корысты для народа—це й самъ ты заразъ тутъ сказавъ,—и взявъ на себе я порученнисть Потоцького въ надіи тій, що чесно я тебе умовлю: покынуть гайдамакивъ, щобъ рятувать край нашъ видъ руины! Колы-жъ я зрозумивъ твій лыцарскій замиръ добуть народови права справжнею війною, и самъ побачывъ власнымы очима, що ты готуешъ певнее повстання, що ты непростый ватажокъ, якихъ чимало, а лыцарь, воевода,—я серцемъ и душею ставъ певнымъ другомъ твого дила, бо видаю, що сылою лышъ те одняты можна, що сылою у тебе однялы! Я залышывъ Потоцькаго замиръ и, все жыття свое зламавшы, въ думкахъ я вже съ магнатствомъ воювавъ и ждавъ тіи хвылыны, колы на дили змигъ бы показать, що вирный сынъ я Украины! И що-жъ? Замиръ велыкый твій, якъ дымъ въ повитри розлетився! Замисць війны—безладный рухъ пиднявся знову; биля стерна ставъ Гнатъ Голый, чоловикъ безъ жодной освиты, и поведе бративъ на страту, а край на певну гыбель! Теперъ зосталося одно: прыстать до гетмана Потоцького, и я тоби це прямо говорю!

Чалый. Ты щыро кажешъ—чую серцемъ! И правда те, що все пропало; для мене жъ шляхъ другый зоставсь: подамсь въ Гетманщыну, на той бикъ Украины, и тамъ пожду случного часу! Жалкую я, що бранну Зосю одпустывъ... Теперъ бы одружывся зъ нею и вси вояцькіи замиры кынувъ. Іи хороша врода, іи станъ гнучкый, и чорни бровы и русая до пояса коса, и очи мовъ неба чыстого блакитъ—стоять и день и ничь передо

мною. Вона-бъ теперъ своимъ коханнямъ мои вси раны заличила и повернувъ бы я свое жыття на мырне, тыхе господарство.

Шмигельскій. Тамъ, биля Немырова, жыве й вона...

Чалый. Теперъ не пара мы. Тутъ мы булы вильни й ривни; а тамъ насъ роздиля глыбокее провалля: шляхтянка— й гайдамака-хлопъ!

Шмигельскій. Гетманъ самъ вельможный посватае за тебе Зосю и не посміють іи батькы на тее не згодыться, колы вона тебе кохае! Тамъ заведемъ мы господарство и зажывемъ, якъ слидъ людямъ; годи намъ хыжымы вовкамы тынятысь по лисахъ!

Чалый. Думка хороша и прынадна, але діявольска спокуса въ ній сыдыть! За вси оци прынады повыненъ буду я товарышивъ своихъ ловыть и виддаваты ихъ на пали!

Шмигельскій. Чого-жъ на пали? Це й видъ тебе й видъ умовъ залежыть.

Чалый. Умовы?! Ха-ха! Яки зъ панамы тамъ умовы? Я знаю добре ти умовы й самъ! Прыставшы до панивъ, я мушу й серцемъ и душею такымъ же паномъ буть, якъ и уси. Безъ мылосердія и жалю до хлопа, повыненъ зрадыть вири й уніи спріять зо всеи сылы!

Шмигельскій. Нехай тебе бороныть Богъ видъ цего! Я самъ зъ прызырствомъ одвернусь тоди видъ тебе! Зостанься вирнымъ ты народови своему; нихто тебе не сылуе ему зражать, а лышъ корысты его рады, мыръ и спокій насады, прогнавшы гайдамацьки купы! А потимъ, ставшы ривнымъ шляхтычамъ усимъ на Украини, ты гнатымешъ и унію й злочынну шляхту такъ само, якъ гайдамакивъ зъ Украины и тымъ народни биды поменьшышъ. Тай самъ зъ коханою дружыною ты заснуешъ свое гниздо и поведешъ свій ридъ на щастя и добро усёго краю.

Чалый. Думкы твои летять, мовъ ластивка: легенько й прудко, немовъ бы й справди легко такъ все те зробыть, про що такъ гарно ты говорышъ!.. О колы-бъ я певнисть мавъ, що

полегчу народни биды и що умовыны мои паны додержать, то не вагаючысь прыставъ бы до Потоцького я заразъ.

Шмигельскій. Скажы, яки твои умовы?

Чалый. Щобъ грецька вира благочесна на Украини лышъ цвила, а унія щобъ и не пахла; щобъ замисть панщыны, платылы люде чыншъ такый, якый умовылысь платыть на слободы идучи, и судъ щобъ ривный бувъ для всихъ!

Шмигельскій. Таки умовыны я самъ Потоцькому поставывъ, колы згодывсь тебе до нёго клыкать. И ось ты маешъ лыстъ видъ гетмана самого, въ котримъ умовы ци винъ власною скрипля рукою. А кримъ того сто тысячъ злотыхъ винъ тоби дае, маентками значнымы надиляе и обища шляхетство видъ короля. На̀ лыстъ—чытай!

Чалый (*чытае*). Такъ... лыстъ зъ печатію гербовою.... Правда, лыстъ обищае те, що кажешъ ты!.. Що-жъ це зо мною? Мени здается, що я на матиръ руку пиднимаю! страшно мени стало, а лыстъ цей пече мою руку!.. На́—визьмы его назадъ!

Шмигельскій (*бере лыстъ*). Тоби дають таки умовы, якихъ-бы ты й війною певно не добувъ, и ты вагаешся? Не хочешъ край обороныты видъ руины, не хочешъ самъ зъ коханою дружыною своею извыть гниздо, не хочешъ ридъ свій повесты на щастя и добро усему краю?!... Ну, такъ скажы-жъ, чого ты хочешъ? Я твій, куды мене ты поведешъ,—я за тобою скризь пиду; и тутъ и тамъ—я вирный твій слуга! Веды мене ты самъ, куды ты хочешъ!

Чалый. Не знаю, не знаю, не знаю! И тамъ, и тамъ проваллял Немае ривно шляху, якымъ прывыкъ ходыть я!... О, ненько, моя ридна Украино! Невже-жъ тоби судылося весь викъ топыть своихъ сынивъ у братній крови, палыть и ныщыть все вогнемъ за тымъ, щобъ, утопывшысь и потерявшы дитокъ славныхъ, ты надивала зновъ ярмо и тяжко зновъ пидъ нымъ щобъ ты стогнала?... Чы я-жъ того хотивъ, що сталось?... Я керувавъ стерномъ, до певнои меты мій човенъ плывъ, а хвыля нависна стерно те выррвала изъ рукъ моихъ и понесла на скели гостри човенъ мій, розибье на трискы его и всихъ братывъ потопыть!..

Що-жъ мени теперъ робыть?... Чи и мени сыдить на човни, щобъ разомъ зъ другымы втопытысь, а чы боротысь зъ хвылею и власнымы рукамы достаты берега другого?... Боротысь! Боротысь!... Колы стерно изъ рукъ моихъ однято и другому до рукъ оддано и бачу я, що човенъ поведуть на немынучу гыбель—я кыдаю свій човенъ и выплыву на другый берегъ самъ! Такъ, такъ! На берегъ, на другый берегъ! И тамъ мы будемъ рятуваты: виру, народъ и край видъ новои руины! Давай сюда Потоцького умовы! Я... иду! (*бере лыстъ*). Тамъ кохання, тамъ слава мене жде!.. Просты мене, моя Украино, колы я помыляюсь, а помыляючысь тоби печаль и горе нове прынесу! Що хочу я народови бездольному послужыты—я въ тимъ клянусь; колы-жъ помылку самъ свою побачу, до тебе, нене, я вернуся такымъ-же щирымъ сыномъ, якъ и бувъ, и вси грихы спокутую я кровію своею!..

Зависа.

ДІЯ Ш.

Картына 3.

Палацъ. Жезницкій и Яворскій.

Жезницкій. Ну, якъ же панъ жыве въ малжонстви? Шлюбъ е прысмака, кажуть, до жыття?

Яворскій. Не вирь, мій пане! Шлюбъ е така прысмака, писля котрои потеряешъ смакъ до самого жыття!

Жезницкій. О, колы-бъ панови досталась Кася въ жоны, то певно винъ не те бъ сказавъ?

Яворскій. Нехай бороныть Богъ! Видъ старои Качинскои—я тикаю въ двиръ, а молода—сама-бъ сюды тикала, бо тутъ кавалеривъ, якъ горобцивъ у старій стриси.

Жезницкій. То панъ кобитъ зна дуже добре.

Яворскій. О, пане! Надывывся пры дворахъ, бо я тутъ зъ молодощивъ.

Жезницкій. То на що-жъ панъ женывся?

Яворскій. А, пане, я женывся въ розсчотомъ: пани Качинська кобита литня, іи кавалеры вже обмынають, якъ хлопъ порожню корчму, то я соби маю святый спокій, бо моя пани упада тилько за мною.

Жезницкій. Але то нудно!

Яворскій. За те безпечно.

Жезницкій. То въ кавалерскимъ стани, якъ я бачу, найбезпечнійше.

Яворскій. Такъ... Кобиты люблять вси мужчинъ лышъ у кавалерскимъ стани, бо для кобиты кожный кавалеръ е, пане, сырота, котрого треба жалить и ласкаво ему у вичи заглядать.

Жезницкій. А писля шлюбу що?

Яворскій. Кобиты зновъ шукають сироту.

Жезницкій. Ха-ха-ха! То краще я зостанусь сыротою.

Яворскій. А хиба панъ шлюбъ хотивъ узяты?

Жезницкій. Хотивъ було...

Яворскій. А зъ кымъ, цикаво?

Жезницкій. Зъ прекрасною Зосею, изъ Очеретной, колы панъ зна, та на мое щастя, гайдамака Чалый іи вкравъ,

Яворскій. То щастя панське вже мынуло, бо Чалый Зосю ту назадъ вернувъ до дому.

Жезницкій. Невже?

Яворскій. То панъ не зна? Вона тепера тутъ у замку прыйихала сегодня, гостюе у своихъ и всимъ розсказуе немале дыво; колы почуе панъ, то певенъ я—чупрына стане догоры!

Жезницкій. Що, що таке? Панъ наважывся стращать мене!...

Яворскій. Зосю прывизъ до дому нашъ панъ Шмигельскій.

Жезницкій. Що?! Шмигельскій видъ Чалого прывизъ Зосю?

Яворскій. Такъ, такъ, пане, я самъ чувъ!

Жезницкій. Ага, ага! Такъ бачъ, де панъ Шмигельскій опынывся? До гайдамакивъ бестія прыставъ! Стривай же, попадешся ты мени. Насамперёдъ обрижу языка, якъ швайку, якъ

жало, нехай замисть речей, зрадлыво-солодкихъ, сычыть мовъ гадюка!

Ява II.

Ти-жъ и Потоцькій зъ гайдукамы и козачкамы. Всн ему кланяются нызько, винъ иде до кресла и сида.

Потоцькій. (*Дывытся на Жезницкого*). Ну, ну—говоры. Я бачу вже по очахъ, що панъ Жезницкій зна якусь цикаву новыну.

Жезницкій. Ясновельможный пане, е така новына, що боязко про неи говорыть

Потоцькій. Ото! Зъ гайдамакамы панъ смилыво росправы чыныть, а новына якась его лякае... Що тамъ?

Жезницкій. Панъ Шмигельскій....

Потоцькій. Ну?

Жезницкій. До гайдамакъ прыставъ.

Потоцькій. О-о?!

Жезницкій. Винъ теперъ у Чалого въ коши.

Потоцькій. А-а?! Такъ Чалый ще жывый?

Жезницкій. Певно.

Потоцькій. Може певно, а може й ни!... Звидкиль же панъ то знае?

Жезницкій. Курчинська Зося...

Потоцькій. Втикла видъ гайдамакивъ?

Жезницкій. Ни. Іи видъ Чалого прывизъ до дому панъ Шмигельскій.

Потоцькій. Цикава, справди, новына. Щожъ дали?

Жезницкій. Ничого бильшъ не знаю.

Потоцькій. Це не цикаво... А хто-жъ знае?

Жезницкій. Панъ Яворскій.

Потоцкій. Пане Яворскій!

Яворскій. (*Пидбига*) Слухаю пана.

Потоцкій. Я слухаю, а панъ нехай говорыть, що винъ зна?

Яворскій. То моя жона мени казала...

Потоцькій. Ага!.. Ну, то поклычъ сюда...

Яворскій. (*Побигъ*) Слухаю пана.

Потоцькій. Пане Яворскій!

Яворскій. (*Вернувшысь*) Слухаю пана.

Потоцькій. Кого жъ панъ буде клыкать?

Яворскій. Жону.

Потоцькій. Такъ! На цей разъ угадавъ! А якъ я бачу, панъ Яворскій дуже щаслывый въ малжонстви и хотивъ бы щохвыли бачыть тутъ свою жону?

Яворскій. Такъ, ясновельможный пане, кожна хвылына безъ моеи жоны мени здается викомъ!

Потоцькій. Выходыть пани Качинська теперъ щаслыва, бо я бачывъ іи заразъ въ прыемному покои, то певно що нудытся дома за малжонкомъ и тутъ его чекае.... Поклычъ, почуемо, що зна вона про цю цикаву справу.

Яворскій. Слухаю пана! (*пишовъ*).

Жезницкій. Найкраще ясновельможный пане поклыкаты сюда саму панну Зосю!

Потоцькій. То довго ждать, покы вона прыбуде зъ Очеретного.

Жезницкій. Ни, ясновельможный пане, вона тутъ у насъ у замку, заразъ прыйихала й гостюе у своихъ.

Потоцькій. То чомъ же ты цего не скажешъ? Клычъ заразъ панну Зосю! (*Жезныцькій пишовъ*). Це есть найкращій свидокъ гайдамацького жыття и певно знае Чалого, якъ себе саму.

Ява III.

Ти-жъ, Яворскій и Качинська.

Качинська (*черезъ слезы*). Падамъ до ногъ!

Потоцькій. Чого-жъ то пани такъ стревожена?

Качинська. Мій пане ясный, мій батыку, заступысь за мене бидну.

Потоцькій. У пани е теперъ заступныкъ.

Качинська. Охъ, ясновельможный пане, заступысь за мене и обороны мене видъ мого заступныка.

Потоцкій. Це инша новына, нижъ та, яку я ждавъ! Панъ Яворскій кохае паню такъ, що и хвылына безъ неи ему викомъ здается! На вищо-жъ пани скаржытся?

Качинська. Ясновельможный пане! Мій покійный мужъ, царство ему небесне, любывъ мене и я его кохала, души въ соби не чула и плакалы тры дни якъ винъ померъ.... Жылы мы соби якъ голубивъ пара! Колы-жъ бувало въ чимъ и провынюся передъ нымъ, покійнычокъ, нехай надъ нымъ земля перомъ, бывъ мене легенько—трійчаткою тонкою, бо й винъ мене кохавъ, души не чувъ, то и жаливъ, якъ свое тило; а панъ Яворскій бье канчукомъ! Змылуйся, ясновельможный пане, звелы ему, щобъ винъ трійчатку завивъ тоненьку.

Потоцькій. Пане Яворскій.

Яворскій (*пидходе*). Слухаю пана.

Потоцькій. Ай, ай-ай! Якъ пану не соромъ жону свою быть канчукомъ?

Яворскій. Ей, ей, ясновельможный пане, не канчукомъ, а канчучкомъ.... тонюсенькый: зъ серыци вчетверо сплетеный.

Качинська. Я не прывыкла, ясновельможный, мій покійный мужъ...

Потоцькій. Пане Яворскій, прошу завесты для домашнего обихода одностеблыкъ.

Яворскій. Слухаю пана.

Потоцькій. Пани задовольнена?

Качинска. Дзинькую.

Потоцькій. Ну, а теперъ повидай намъ, що знаешъ ты про панну Зосю? (*Входе Зося и Жезницкій*) А отъ певно й сама панна (*до Качинскои*). То пани бильше мени не потрибна!

Качинська (*до Яворского*). Мій дорогый Ясю, я вже не буду ревнувать—не зачипай ты тилько Касю (*бере его пидъ руку*).

Яворскій. Слухаю паню! (*выйшлы*).

Ява IV.

Зося, Жезницкій и Потоцькій.

Потоцькій. О, яка панна прехороша. Подлый хлопъ—смакъ добрый ма! (*встае*). Панна есть Зося Курчинська?

Зося. Такъ, ясновельможный пане.

Потоцькій. Була въ полони и изъ полону повернулась? Хто-жъ панну выкупывъ зъ неволи? Прошу повидать все мени, бо Чалымъ я й гисторіею панны занадто цикавлюсь.

Зося. Якъ мене зъ дому выхопылы ясновельможному пану певно бильшъ видомо нижъ мени, бо я зъ страху зомлила. Тилько въ поли у ночи прыйшла до памьяты видъ боли гострои, яку я чула у всимъ тили, бо ременемъ прывьязана була спыною до спыны гайдамакы. Я чула, якъ гайдамакы жартувалы надъ тымъ, що визъ мене, и раилы ему покынуты мене у поли, покы атаманъ не дизнавсь... Ничь була темна и я не бачыла въ лыце никого, а боль така була въ боку, що ледве я могла здержуваты плачъ! Колы це раптомъ сталы и я почула гоминъ: атаманъ, атаманъ!.. Въ цей ментъ ременння розвязалось и я себе почула на земли. Атаманъ крыкнувъ гризно: хто дивку захопывъ? Уси мовчалы. Винъ гнивну ричь до всихъ державъ, корывъ и смертію стращавъ того, хто цей зробывъ учынокъ! Але уси мовчалы. Потимъ звеливъ двомъ козакамъ, що ихалы пры нему, мене у корчму одвезты и гайдамакы рушылы въ одынъ бикъ, а мене на сплетенныхъ верёвкахъ, мовъ у колысци, межъ двома киньмы—помчалы въ другый бикъ! Мы ихалы лисамы, ярамы глыбокымы ще цилый день! Гайдамакы мене годувалы хлибомъ сухымъ и такъ поводылысь, якъ зъ панною то слидъ. У вечери мене до корчмы прывезлы и, наказавшы жыдови рудому видъ атамана свого Савы, щобъ винъ беригъ мене, якъ ока, тамъ покынулы, и сами вернулысь.

Потоцькій. Бидна бранка! Ну и що-жъ потимъ, панно моя хороша?

Зося. Жыды, що вечера мени казалы: сегодня буде певно Сава! И я тры ночи видъ страху не спала, бо кожный стукъ,

маленькій трискъ, чи шумъ одъ витру, будывъ мене и я тремтила, сыдячы на лижку.

Потоцькій. Ну, ну?

Зося. Жыды мени служылы й догождалы, а байкамы про Саву такъ зацикавылы мене, що я нарешти вже сама его безъ стражу ждала и бачыты хотила страшного всимъ на Украини гайдамаку.

Потоцькій. И щожъ такы диждалась?

Зося (*зитхнула*). Диждалась....

Потоцькій. И гайдамака скрывдывъ панну!!

Зося. О, ни, ясновельможный пане. Сава чесный лыцарь!

Потоцкій. Чого жъ панянка такъ зитнула?

Зося. Такъ.

Потоцкій. Ну-ну-дали!...

Зося. Разъ у ночи, мы тилько що лягли и погасылы свитло—жыдивка у ванкирекъ, де я мешкання мала... мени прошептала: прыихавъ!... Я одяглась мершій и выйшла на зустричь! Передо мною стоявъ лыцарь: кращого й межъ шляхтою не бачыла николы и, усьмихаючысь, и лагидно и мыло промовывъ: не бійся мене, панно, я тоби лыха не зроблю! Дозволь посыдиты зъ тобою, побалакать и тымъ розважыты мое сумне гайдамацьке жыття!.. И мы балакалы всю ничъ: про скрывдженный народъ винъ говорывъ, про панськіи неправды, потимъ спивавъ мени чаривни писни и зворушывъ мене до слизъ... Два разы ще я бачыла его, а потимъ одвезлы мене до дому.

Потоцькій. Якый же дурынь Сава! Таке золото одипхнувъ видъ себе. А хто-жъ панну прывизъ до дому?

Зося. Панъ Шмигельскій.

Потоцькій. Такъ пань Шмигельскій гайдамакою вже ставъ?

Зося. Певно. Винъ называвъ себе Иваномъ Найдою. Колы жъ до него я прызналась, веливъ мени про це мовчать и у дорози скризь звать Найдою.

Потоцькій (*до Жезницкого*). Га? Пане Жезницкій! А що колы и справди нашъ Шмигельскій до Чалого прыставъ?

Жезницкій. То найпевнища ричь, ясновельможный пане! У бестія! Колы-бъ винъ мени теперъ достався въ рукы!

Ява V.

Ти-жъ и Гайдукъ подае лыстъ. А потимъ Шмигельскій и Чалый.

Потоцькій (*прочытавшы вставъ и заходывъ по хати, потимъ сивъ*). Стань коло мене, панно! Клычь! Ну, пане Жезницкій готуй найтяжчіи туртуры (*входе Шмигельскій и Чалый*). Що ты на цее скажышъ?

Жезницкій. Я ни жывый, ни мертвый! Дозволь мени, ясновельможный пане, на самый передъ одризать языка Шмигельскому, бо языкомъ своимъ брехлывымъ винъ обморочыть всихъ и выправдытся передъ ясновельможнымъ!

Шмигельскій. Саво, глянь!

Чалый. Зося!

Зося (*до Потоцького*). Це винъ, ясновельможный пане! Глянь, якый орелъ. Не вже его скараешъ? Ясновельможный пане, пожалій его рады того, що пожаливъ мене винъ, молю, бо смерть его—и моя смерть!

Потоцькій. Що-жъ це, пане Шмигельскій, ты до гайдамакъ прыставъ?

Шмигельскій. Согришывъ, але покаявся и отъ моя покута: мы въ двохъ прыйихалы служыть тоби, ясновельможный пане! Це—Сава Чалый!

Жезницкій (*до Потоцького*). На шыбеныцю ихъ обохъ мерщій, ясновельможный пане! Воны задумалы якусь нову зраду; а панъ Шмигельскій обморочыть—не слухай его.

Потоцькій. (*До Чалого*). Ты хто?

Чалый. Сава Чалый!

Жезницкій. (*Про себе скризь зубы*) Падло, падло!

Потоцькій. Гайдамацкій атаманъ?

Чалый. Бувъ кошовымъ. Ныни слуга ясновельможнаго пана!

Потоцькій. Може слуга, а може й ни!.. Якъ вовка не прыдержышъ, винъ въ лисъ втиче пры першій нагоди...

Чалый. Колы добре та ласково поводытыся зъ нымъ, то не покыне винъ двора.

Потоцькій. А все жъ такы на ланцюгу его держать не вадыть...

Чалый. Безпечнище! Тилько ланцюгъ такый треба прыдумать, щобъ шыи винъ не мулявъ, а черезъ те, щобъ вовче серце не злобою, але прыхильностью до пана все бильше й бильше налывалось!

Жезницкій. И въ цего бестіи языкъ медовый!

Потоцькій. Та е у мене и ланцюгъ такый и певенъ я, що той ланцюгъ надине Сава охоче.

Чалый. Не знаю.

Потоцькій. Ты панну Зосю пизнаешъ?

Чалый. О, ясновельможный пане! хто сонця не пизнае, колы воно зъ-за хмаръ проминнямъ яснымъ и тепломъ освитыть и огріе бидну душу? Ця панна мое сонце й проминня іи очей мене сюды маныло бильше, нижъ ти умовы, яки вельможный панъ черезъ Шмигельского мени прыславъ.

Потоцкій. Хочь рижныця межъ панною й тобою такажъ велыка, якъ межъ небомъ и землею, але я рижныцю ту згодомъ зглажу. Теперь же для корысты краю цымъ блыскучымъ ланцюгомъ я прыкую тебе до Речи Посполытій!

Чалый. О, якъ бы усихъ невольныкивъ такымъ кувалы ланцюгомъ, тоди-бъ неволи не було на свити, а лышь рай!

Жезницкій. Ясновельможный пане! Чымъ же я заслужывъ таку образу? Панну Зосю я хотивъ сватать и вельможный панъ давъ мени слово, що буде моимъ сватомъ, а теперъ свата панну за гайдамаку.

Потоцькій. Правда, правда. Добре, що ты згадавъ! Але я сылувать не буду панну красну... Панно Зосю! За кого хочешъ замижъ выйты: чы за шляхтыча пана Чеслава Жезницкаго, чы за оцего гайдамаку—Саву Чалого?

Зося. За гайдамаку!

Потоцькій. Ну, то що жъ я можу зробыть, колы пану пиднеслы гарбуза?

Жезницкій. Трыста діяволивъ!

Потоцькій. Панно Зосю! стань рядомъ зъ Савою.

Зося. (*Пидходячи до Савы, тыхо*). Орле мій!

Сава. (*Бере іи за руку*). Доле моя, зоре моя!

Потоцькій. Ни, пане Жезницкій, ты не пидійдешъ такъ пидъ пару панни Зоси, якъ отъ Сава. Глянь! Замисть батькивъ, я васъ благословляю!

Сава и Зося стають передъ Потоцькымъ навколюшки и цилують его въ руки.

Потоцкій. Такъ завтра й шлюбъ. Въ прыдане маете видъ мене: села Рубань и Степашки, а на обиходъ завтра визьмешъ изъ коморы—сто тысячъ злотыхъ. Чуешъ Саво? Я все зробывъ; теперъ, пане Саво, покажы мени, що зробышъ ты для мене и для краю.

Чалый. Черезъ два дни зруйную найстрашнійшій кишъ свій, що въ чорнимъ лиси самъ я заснувавъ. Розжену бильшъ двохъ тысячъ гайдамакивъ, що тамъ зибралысь и думають ударыты на Тульчынъ и Немыривъ. Очыстю всю Украину видъ менчыхъ я загонивъ и лышь одно прошу: полекшыть долю посполитыхъ, якъ то ясновельможный панъ въ лысти своимъ пысавъ!

Потоцькій. Обищаю!

Зависа.

И. Карпенко-Карый.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ!

(Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянинѣ": Вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галиціи).

Наши двѣ статьи по вопросу о литературномъ языкѣ въ Малороссіи и Галичинѣ [1]) вызвали рядъ статей на ту-же тему въ газетѣ „Кіевлянинъ" (№№ 137, 141, 148 и 168-й), въ которыхъ авторъ, возражая противъ нѣкоторыхъ нашихъ положеній, высказываетъ мысль не только о возможности, но и о необходимости въ Галиціи бросить стремленія создать свой книжный языкъ, а цѣликомъ примкнуть къ богатому обще-русскому литературному языку. Мы очень благодарны автору этихъ статей какъ за то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ нашимъ замѣткамъ, такъ еще болѣе за то, что онъ желалъ разсмотрѣть этотъ жгучій вопросъ въ галицкой жизни серьезно, а не исключительно методомъ вышучиванія, какъ это часто дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ. Въ виду этого, мы охотно беремся за перо, чтобы продолжить нашъ споръ, надѣясь, что спокойное обсужденіе подобныхъ вопросовъ въ текущей прессѣ можетъ повести и къ болѣе благимъ результатамъ въ самой жизни. Кромѣ указанныхъ статей въ „Кіевлянинѣ", отозвался по поводу

---

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 1 „Книжная рѣчь у Малороссовъ и Русиновъ"; Кіевск. Стар. 1899 г. № 3 „Ревнители русскаго языка въ Галиціи."

нашихъ замѣтокъ нѣкто *Л. Т.* въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 100), но отвѣчать на подобныя писанія мы не считаемъ достойнымъ научнаго спора.

Основныя положенія въ нашихъ статьяхъ слѣдующія:

1) Рѣшать вопросъ о книжномъ языкѣ въ данной народности, опираясь только на то, *языкомъ* или *нарѣчіемъ*, съ точки зрѣнія филологической, признается та рѣчь, на которой говоритъ эта народность,—едва-ли основательно, такъ какъ въ этомъ случаѣ играютъ значительно большую роль соображенія *политическія, соціальныя*, а не исключительно *научно-филологическія*.

2) Мы рѣзко разграничиваемъ вопросъ о значеніи книжнаго языка въ той или иной формѣ для Малороссовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, и для Малороссовъ, находящихся въ другихъ государствахъ, по преимуществу въ Австріи.

3) Для Галицкой Руси нѣтъ другого болѣе благопріятнаго исхода, какъ созданіе своего малорусскаго книжнаго языка, при отсутствіи котораго, ей пришлось-бы пользоваться чужими книжными языками, такъ какъ условія галицкой жизни пока что не позволяютъ сдѣлать, подобно тому какъ у насъ, *русскій книжный языкъ* достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества, не говоря уже о простомъ народѣ, даже и у насъ далекомъ отъ обладанія книжной русской рѣчью.

4) Попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ изъ культурнаго класса распространить путемъ литературы (но не школы, т. к. въ Австріи этого не позволятъ) русскій книжный языкъ и сдѣлать его языкомъ своей книжности—мы считаемъ, во 1-хъ, никогда неудававшимися, неудающимися и теперь, а во 2-хъ, не только *не полезными*, но *прямо вредящими ходу развитія малорусскаго національнаго дѣла въ Австріи*.

5) Изученіе русскаго книжнаго языка въ Галиціи необходимо, не только потому, что это ближайшій родственный языкъ, но и потому, что такое изученіе поможетъ галичанамъ поставить свою культурную рѣчь на надлежащую высоту, опираясь

на двухвѣковую работу русскихъ писателей, много потрудившихся для усовершенствованія своего литературнаго языка.

Въ статьяхъ „Кіевлянина“ первое наше положеніе совсѣмъ не затрогивается, и мы готовы думать, что автору статей чужды мысли, такъ часто служащія исходной точкой въ этомъ спорѣ, будто книжнаго малорусскаго языка не должно быть, потому-де, что это не *языкъ*, а *нарѣчіе*. Въ виду этого мы тоже оставимъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи языковъ и нарѣчій, тѣмъ болѣе, что въ этой-же книжкѣ журнала читатели прочтутъ обширную статью К. Михальчука, рѣшающаго съ филологической точки зрѣнія, какъ надо смотрѣть на малорусскую рѣчь. Что-же касается остальныхъ нашихъ положеній, то, кромѣ послѣдняго, съ которымъ, конечно, „Кіевлянинъ“ не можетъ не согласиться, они авторомъ статей рѣшительно никакими доводами не опровергаются, а только указывается имъ на одинъ фактъ, что *руссофильская* партія въ Галиціи можетъ указать галичанамъ богатую русскую литературу, а *украинофильская*—бѣдную малорусскую; что языкъ первой вполнѣ разработанъ, а языкъ второй—очень еще слабо культивированъ, и при томъ культивируется неудачно современными писателями. Изъ этого видно, что намъ предстоитъ отвѣчать по поводу 2-го, 3-го и 4-го нашего положенія, при чемъ вопросъ о степени достоинства малорусской литературы и языка мы откладываемъ подъ конецъ, а теперь хотимъ выяснить сначала существо дѣла.

Авторъ статей въ „Кіевлянинѣ“ очевидно считаетъ, что положеніе культурныхъ классовъ въ Галиціи совершенно однородно съ положеніемъ ихъ въ Малороссіи, и слѣдовательно—видя фактъ распространенія книжной русской рѣчи у насъ среди культурныхъ малороссіянъ по происхожденію, онъ находитъ возможнымъ такое-же распространеніе этой рѣчи и тамъ. Думаемъ, что авторъ самъ малороссъ (по крайней мѣрѣ онъ берется судить о малорусскомъ языкѣ, какъ знатокъ его; насколько основательно

—увидимъ ниже), а если такъ, то мы напомнимъ ему общую для насъ всѣхъ картинку нашей жизни съ дѣтства. Выростали мы въ семьяхъ, гдѣ очень часто русская книжная рѣчь была обиходной, гдѣ изъ устъ родителей и знакомыхъ ихъ намъ постоянно приходилось слышать эту рѣчь и самимъ воспитываться на ней; правда, въ переднихъ, на кухняхъ, на дворѣ мы слыхали отъ прислуги рѣчь малорусскую, но относились къ ней, какъ къ рѣчи мужицкой, и дальше сотни-другой словъ, самыхъ заурядныхъ, обыденныхъ, мы не шли, а между тѣмъ это впослѣдствіи давало намъ право считать себя *знатоками* малорусскаго языка. Далѣе пошло наше книжное ученіе—въ низшей, средней и высшей школѣ, гдѣ о малорусской рѣчи даже не упоминалось. Въ этотъ весь періодъ и устанавливается у насъ окончательно то чутье книжной рѣчи, безъ котораго никакими иными изученіями нельзя сдѣлать языкъ полной своей собственностью. Спрашивается теперь, находятся-ли въ такихъ же условіяхъ галичане? Могутъ-ли они слышать въ семьѣ, въ обществѣ русскую книжную рѣчь? А главное—могутъ-ли они, при теперешнемъ своемъ политическомъ строѣ, пройти школу—низшую, среднюю и высшую, построенную на основѣ книжной русской рѣчи? Опять повторимъ то-же, что сказали мы и въ первой нашей статьѣ: за отвѣтомъ на эти вопросы надо обратиться къ австрійскому правительству. Намъ могутъ возразить, что было время и въ Малороссіи, когда русскаго книжнаго языка въ обиходѣ культурныхъ малороссовъ не существовало, а между тѣмъ постепенно вошелъ онъ въ употребленіе,—такъ будетъ и въ Галиціи. Мы отвѣтимъ на это, что это дѣло дѣлала, съ одной стороны, школа, а съ другой—государственное начало съ государственнымъ языкомъ. Вѣдь очень хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, какъ языкъ государственный, языкъ высшихъ слоевъ его, манитъ къ себѣ всѣ сословія, а особенно высшія. Не далеко то время, когда въ югозападной Руси такимъ манящимъ къ себѣ началомъ была польская культура, и польскій языкъ былъ обиходнымъ среди малорусской интеллигенціи, даже среди духовенства; не далеко то время, когда въ Чехіи стыдно было говорить на своемъ

языкѣ, т. к. языкомъ государственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурнымъ, считался языкъ нѣмецкій. Вотъ теперь и рѣшайте вопросъ, что естественнѣе было галичанамъ, сознавшимъ свое національное *я*: обратиться-ли къ русскому книжному языку, для котораго—повторяемъ—въ государствѣ ихъ почвы нѣтъ, или приступить къ созданію своего книжнаго языка, которымъ можно установить тѣсную связь между народомъ и высшими классами общества и на которомъ и простой народъ будетъ читать доступныя его разумѣнію книги? Правъ-ли послѣ этого авторъ статей въ «Кіевлянинѣ», говоря съ упрекомъ, что галичане „принялись создавать своеобразный литературный языкъ, весьма далекій не только отъ литературнаго русскаго, но и отъ малорусскаго языка, и настолько успѣли въ его культивированіи, что образованный малороссъ, уроженецъ Полтавской или Кіевской губерніи, вполнѣ владѣющій малорусской народной рѣчью и языкомъ Шевченка, долженъ спеціально обучаться галицкому литературному языку?“ Повторяю опять: о степени достоинства вырабатываемаго книжнаго малорусскаго языка я буду говорить ниже; что-же касается того, что языкъ литературный галичанъ не понятенъ образованному малороссу, уроженцу Полтавской или Кіевской губерніи, то прежде всего надо условиться въ томъ, какого образованнаго малоросса мы имѣемъ въ виду. Если такого, который даже имѣетъ докторскую степень, но никогда спеціально не занимался сюжетами малорусскаго книжнаго языка и литературы, то, конечно, онъ многаго не пойметъ, какъ не пойметъ онъ и многихъ чисто народныхъ и вполнѣ употребительныхъ словъ малорусскихъ, перечитывая этнографическіе сборники, потому-что онъ не обладаетъ ни знаніемъ, ни еще болѣе—чутьемъ языка. Но всѣ галичане, а равно и многіе изъ насъ малороссовъ, слѣдящіе за галицкой письменностью, поймутъ все,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Можно много, можетъ быть, указать недостатковъ въ этомъ языкѣ, но отрицать необходимость его—это, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительный шагъ. Допустимъ на минуту, что всѣ культурные галичане, идя по стопамъ г. Мончаловскаго и К°, рѣшили-бы

употреблять въ литературѣ книжную русскую рѣчь; получили-бы мы фактъ извращенія и коверканья этой рѣчи на письмѣ, въ школѣ появилась-бы опять исключительно польская и нѣмецкая рѣчь, а въ жизненномъ обиходѣ національное русское начало постепенно стало-бы ослабѣвать, и простой народъ оказался бы оторваннымъ отъ культурныхъ классовъ, благодаря чему общая культуроспособность націи значительно понизилась бы. О такой-ли перспективѣ для страны мечтаетъ авторъ статей въ „Кіевлянинѣ?“.

Главный пунктъ возраженій автора сводится къ тому, что самими галичанами вырабатывается очень плохой литературный языкъ, а въ помощь имъ идутъ и многіе изъ нашихъ малорусскихъ авторовъ, такъ-же плохо культивирующихъ свою книжную рѣчь. Если бы этимъ все дѣло ограничивалось, если-бы авторъ только указывалъ фактъ недостатковъ въ разрабатываемомъ языкѣ,—мы, пожалуй, и не возражали-бы, потому-что всякая критика полезна для критикуемаго; но «Кіевлянинъ» дѣлаетъ изъ этого факта тотъ выводъ, что если авторы пишутъ плохо, то не нуженъ совсѣмъ и тотъ языкъ, на которомъ они пишутъ. Наше-же положеніе такое: если авторы разрабатываютъ свою книжную рѣчь плохо, то надо критиковать ихъ серьезно и тѣмъ помогать имъ совершенствоваться. Посмотримъ-же теперь, въ чемъ „Кіевлянинъ“ усматриваетъ недостатки галицкихъ и малорусскихъ писателей. Но прежде нѣсколько словъ о методѣ критики, особенно что касается языка.

Въ обыкновенныхъ гимназическихъ учебникахъ, когда идетъ рѣчь о *критикѣ*, какъ объ особомъ отдѣлѣ сочиненій, ставится такое основное положеніе: критика въ собственномъ смыслѣ этого слова очень трудна, т. к. критикъ долженъ быть знакомъ съ предметомъ, если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше того, кого онъ критикуетъ. Что-же касается критики языка, то кромѣ знанія его, нужно обладать еще и значительнымъ чутьемъ, такъ какъ живой языкъ не есть нѣчто неподвижное, а напротивъ того—постоянно находящееся въ процессѣ своего созданія; вотъ этотъ-то творческій процессъ въ языкѣ и постигается при помощи

развитого чутья языка. Между тѣмъ, очень часто приходится и читать, и еще болѣе слышать отзывы о языкѣ, опирающіеся исключительно на субъективныя ощущенія, основаніемъ для которыхъ служатъ слуховыя впечатлѣнія, получаемыя отъ языка, непривычнаго для уха. Каждый языкъ имѣетъ свою звуковую гармонію, усваиваемую нами совершенно незамѣтно, и если мы, слыша рѣчь чью нибудь на этомъ языкѣ, находимъ ее хорошей, то значитъ—гармонія въ ней не идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему приспособился нашъ слухъ. Но въ томъ-то и дѣло, что весьма часто, слыша рѣчь, чуждую намъ, мы прилагаемъ къ ней мѣрку той-же гармоніи, которая существуетъ для языка нашего. Не разъ приходилось слышать отзывъ о польской, чешской рѣчи, какъ о чемъ-то негармоничномъ, на томъ основаніи, что мѣрка гармоніи польской и чешской рѣчи не сходятся съ нашей. Особенно характеренъ въ этомъ случаѣ отзывъ нашего украинскаго простолюдина, который, услышавъ чуждую ему рѣчь, всегда скажетъ: „та винъ чудно якось лопоче". Но что прилично простолюдину, то не должно быть удѣломъ литературнаго критика. Вотъ почему, говоря о языкѣ книжномъ малорусскомъ, мы постараемся для оцѣнки его примѣнить не обычную ежедневную мѣрку, а научно-критическую.

Въ первой нашей статьѣ мы сказали, что насъ далеко не удовлетворяетъ качество современной малорусской книжной рѣчи, а особенно у галичанъ. Мы не будемъ теперь останавливаться на подробномъ выясненіи этого вопроса, т. к. данный случай нашего отвѣта автору статей въ „Кіевлянинѣ" не требуетъ того, а надѣемся въ скоромъ времени поговорить объ этомъ спеціально. Скажемъ пока, что недостатокъ этой рѣчи обнаруживается по нашему мнѣнію, не столько въ неудачной ковкѣ словъ, сколько въ отсутствіи у авторовъ поэтическаго языковаго чутья въ примѣненіи готовыхъ уже словъ, иногда чисто народныхъ. Между тѣмъ авторъ статей въ „Кіевлянинѣ" всю силу своихъ доказательствъ негодности малорусской книжной рѣчи основалъ на цѣломъ рядѣ словъ и выраженій, взятыхъ имъ изъ одной драматической піесы М. П. Старицкаго, и, называя ихъ

кованными, сопровождаетъ справками отъ себя, что онъ *не можетъ ихъ понять*. Въ томъ, что авторъ ихъ не понимаетъ, я нисколько не сомнѣваюсь и даже нимало этому не удивляюсь, т. к. много-ли у насъ малороссовъ по происхожденію, которые знаютъ свой языкъ? Меня больше удивляетъ то, какъ авторъ, желающій, повидимому, серьезно трактовать о малорусскомъ языкѣ, рискнулъ съ такими слабыми познаніями аргументировать въ литературномъ спорѣ свои положенія, не сдѣлавши предварительныхъ справокъ. По этому поводу была уже помѣщена въ газетѣ „Волынь" (№ 38) замѣтка г. *Ив. Стешенка*, гдѣ были указаны и промахи автора; мы-же, повторяя отчасти указанія г. Стешенка, прослѣдимъ наиболѣе важныя изъ инкриминируемыхъ авторомъ мѣстъ и укажемъ первоисточникъ ихъ.

„Кіевлянинъ" считаетъ слово *вдача* выдуманнымъ, а не народнымъ, и только какъ-бы догадывается, что выраженіе „зализнои вдачи" значитъ *жельзный характеръ*. Мы дадимъ слѣдующую справку: 1) въ сборникѣ народныхъ пословицъ *Номиса* (очень извѣстное изданіе)—„Лучше пъятакъ передачи, абы до *вдачи*"; „така вже *вдача* собача"; 2) слово это употреблялось уже давно малорусскими писателями—„чы таку *вдачу* ёму Богъ давъ" (Марко-Вовчокъ).

Лытъ сотныка „Кіевлянинъ" поясняетъ: вѣроятно—*типъ* сотника; должны мы сказать по этому поводу, что едва-ли годится въ серьезныхъ статьяхъ допускать фальсификаціи, т. к. это слово напечатано въ „Кіевской Старинѣ" *литъ* сотныка, т. е. возраста такого-же, какъ и сотникъ.

Слова *бадёрый* (баба бадера) „Кіевлянинъ" говоритъ, что не понимаетъ, а между тѣмъ слово это, съ развѣтвленіями его, извѣстно въ словарѣ Шейковскаго, въ формѣ *бадёрыстый*—у Стороженка: „самъ бувъ такый *бадёрыстый*, а въ видѣ глагола *бадёрытыся*—у Шевченка: „мовъ та чапля мижъ птахамы скаче, *бадёрытся*". Истинный малороссъ сразу скажетъ, что это слово значитъ бойкій, лихой, молодецкій.

Слова *кволый* тоже „Кіевлянинъ“ не понимаетъ, а между тѣмъ оно употребляется въ видѣ глагола *кволиты*, напр.: въ сборн. Метлинскаго.

„Буде росты не болиты,
На серденько не *кволиты*;

см. о немъ также въ словарѣ Левченка.

Слово *гедзъ* тоже оказывается непонятнымъ, а между тѣмъ оно въ устахъ народа на каждомъ шагу, чаще всего съ произношеніемъ *дедзъ* (*кгедзъ*), и означаетъ прежде всего особаго рода муху, отъ укушенія которой скотъ бѣснуется, откуда и глаголъ *гедзатысь* или *гедзгатысь*, встрѣчающійся и въ „Энеидѣ“ Котляревскаго. Выраженіе-же „гедзъ напавъ“ въ смыслѣ „капризы одолѣли“ есть слишкомъ обиходная форма нашей рѣчи.

Но если указанныя до сихъ поръ слова свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ автора съ народной малорусской рѣчью, то слова *сурмачъ*, *сурмы засурмлять* показываютъ, что онъ не бòльшій знатокъ и въ малорусской исторіи. Вотъ для образца дума про Серпягу:

А вси дзвоны задзвоныли,
А вси *сурмы засурмылы*,
Якъ Серпягу молодого
Та у Каневи положылы.

Слово *сурмачъ* употребляется у Стороженка; трубы *сурмлять*—у Котляревскаго.

Слова *бовваниты* тоже авторъ не понимаетъ, а между тѣмъ оно въ значеніи *виднѣться* употребляется и въ слѣдующемъ стихѣ, не помню откуда мною взятомъ:

Тильки сокоръ *бовваніе*
Побиля крыныци,

и у Гребенки (Полтава): мовъ хмары, косы *бовваніють*. Есть оно и въ формѣ *бовванячыты*: дывысь щось *бовванячыть* пидъ селомъ.

Слово *цвянуе* неправильно приведено авторомъ: у насъ напечатано *цвяхуе* отъ чисто народнаго глагола *цвяховаты* (см. Думу о Самійлѣ Кошкѣ: галера *цвяхована*), а не выдуманнаго какъ увѣряетъ „Кіевлянинъ".

Слово *проклёны* тоже авторъ считаетъ выдуманнымъ, а между тѣмъ оно въ имен. пад. ед. ч. употребляется въ пословицѣ: „батькова та матчына молытва изъ моря выймае, а *проклинъ* у калюжи топыть (Номисъ).

Слово *помста* авторъ считаетъ польскимъ и. конечно, въ этомъ не ошибается, но надо принять во вниманіе, что корень этотъ, и въ такомъ именно образованіи изъ него слова, есть и въ малорусскомъ языкѣ, напр.: глаголъ *помстытыся*: „винъ за те *помстывся*" (Труды этногр.-стат. экспедиціи); существ. *помстныкъ*: рука Господня *помстныкивъ* карае (Снипъ—Корсуна), а сущ. *помста* употр., напримѣръ, Нечуй-Левицкимъ.

Лементъ тоже оказывается подъ сомнѣніемъ, и авторъ глубокомысленно догадывается, что это взято отъ lamentation. Къ чему эти догадки, когда у Номиса можно прочесть народную пословицу: „*лементъ* такый, що хочъ тура гоны", а какъ это слово попало въ народный обиходъ, не думаемъ, чтобы нужно было его сопоставлять съ французскимъ.

Бентежутся, *бентежный*—излюбленныя выраженія г. Старицкаго, говоритъ авторъ и, значитъ, сомнѣвается въ народности ихъ, прибавляя, что, *кажется*, они должны обозначать: волноваться, взволнованный. Нѣтъ ни времени, ни охоты рыться повсюду для приведенія примѣровъ употребленія каждаго слова; укажу только, что у Гребенки есть выраженіе: „на що мени *бентежыть* славу"; у Котляревскаго: „*збентежыла* ся ричъ Латына".

Глаголъ *басуваты* въ выраженіи *коныки забасують*, заставилъ даже автора въ нетерпѣніи вскрикнуть: ничего не понимаемъ! Вхожу въ положеніе автора, которому приходится, ничего не понимая, не только читать, но еще и что-то написать; но для успокоенія его нервовъ долженъ сказать, что слово это употребляется въ народной рѣчи постоянно (*баскый кинь*), а

также у Котляревскаго (пойихала *баскимы* конямы, якъ звиръ) и у Шевченка (кинь *басуе*... отъ-отъ ричку, отъ-отъ перескочыть).

По поводу слова *гасають* „Кіевлянинъ“ дѣлаетъ замѣтку: должно быть съ татарскаго. Не вдаваясь въ исторію происхожденія этого слова, напомнимъ только, что оно употреблялось еще Котляревскимъ, котораго авторъ ставитъ въ образецъ невыдуманнаго и истинно-малорусскаго языка (*гаса*, фынтыть своимъ зикратымъ).

До сихъ поръ мы перебирали по порядку всѣ слова, отмѣченныя „Кіевляниномъ,“ какъ выдуманныя, и находимъ, что совершенно излишне будетъ утомлять читателя продолженіемъ нашихъ справокъ; но смѣемъ увѣрить, что все заподозрѣнное авторомъ статей мы беремся опровергнуть цѣлымъ рядомъ фактовъ, заимствованныхъ изъ народной рѣчи и изъ писателей, въ авторитетѣ которыхъ до сихъ подъ не высказывалось никакихъ сомнѣній. Ограничимся теперь бѣглымъ указаніемъ на нѣсколько словъ, которыя подтверждаются исключительно народнымъ матеріаломъ.

Охвировала: царю й Богу тее *охвирують*. (Труды этн.-стат. экспед.).

Нехтують: вона грошима *нехтуе*. (Борз. у., Черн. губ.).

Заныштнуты: гомонилы, гомонилы, а дали й *заныштлы* (Черк. у., Кіев. губ.).

Велетень: *велетень* у громади, якъ правда въ поради (Номисъ).

Левенець: ой казаченьку-*левенче*, не скажу я тоби, серце (Труды этн.-стат. экспед.).

Навантажыты: хура *навантажена* бочкамы зъ дегтемъ (Балт. у.).

Керуваты: чоловикъ мыслыть, а Богъ *керуе* (Номисъ).

Вырій: зажурылась перепелочка; бидна моя та головочка, що я рано изъ *вырія* вылетила (Народн. пѣсни, Метлинск.). Это же слово употреблено было еще въ поученіи Владиміра Мономаха.

Итакъ, теперь мы имѣемъ право прежде всего спросить автора статей въ „Кіевлянинѣ“: считаетъ-ли онъ, послѣ приведенныхъ нами фактовъ, что языкъ книжный малорусскій выдумывается, не будучи ни на чемъ основанъ? Думаемъ, что добросовѣстность его подскажетъ ему отвѣтъ. А если такъ, то является и второй нашъ вопросъ: считаетъ-ли онъ, что этотъ книжный языкъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при нормальномъ ходѣ событій, можетъ вполнѣ сослужить свою національную службу, а въ особенности для галичанъ, которые безъ него очутятся въ Австріи въ положеніи забитой и забытой русской народности, охранить которую должно быть заботой всякаго истиннаго, а не оффиціальнаго только, славянскаго патріота? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, думаемъ, готовъ у каждаго безпристрастнаго читателя.

В. Науменко

Документы, извѣстія и замѣтки.

Неизданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Помѣщаемое въ настоящей книгѣ «Кіевской Старины» не изданное еще стихотвореніе гр. Алексѣя Константиновича Толстого написано, какъ видно изъ подлинника, въ м. Погорѣльцахъ, Черниговской губ., Сосницкаго уѣзда, имѣніи его дяди Алексѣя Алексѣевича Перовскаго-Погорѣльскаго, у котораго жилъ и воспитанъ былъ поэтъ. (См. «Кіевскую Старину» 1888 г. кн. 4, ст. г. В. Горленка «А. А. Перовскій») Когда написано стихотвореніе, неизвѣстно, но, вѣроятно, вскорѣ послѣ воспѣтаго въ немъ событія, т. е. восшествія на престолъ покойнаго государя (Императора) Александра II Николаевича. Имя государя не названо въ стихотвореніи ни разу, но сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть никакого, судя по даннымъ содержанія пьесы.

Подлинникъ переписанъ, повидимому, писарской рукою; почеркомъ А. К. Толстого написана лишь его подпись и названіе села Погорѣльцы. Подлинникъ этотъ полученъ нами отъ г. З. И. Конопли, завѣдывающаго Иченскимъ 2-хъ классныиъ училищемъ М. Н. Просвѣщенія, а имъ въ свою очередь отъ тестя его Коренаки, которому досталась бумага отъ г. Лаврендова, б. управляющимъ въ с. Погорѣльцахъ.

А. Степовичъ.

Свершилось!... Вновь блеститъ корона!
Въ сіяньи радостномъ алтарь;
На бархатѣ прадѣдова трона,
Подъ гулъ торжественнаго звона,
Восходитъ новый Русскій Царь!

И гулъ по всей землѣ несется.
Шумя, народъ ликуетъ вновь;
Повсюду радость, счастье льется,
Съ ступеней трона раздается
Прощенье милость и любовь...
Въ страну снѣговъ и запустѣнья,
Въ страну изгнанья и скорбей
Достигло слово всепрощенья,
Звучитъ залогомъ избавленія
Отъ мукъ, страданій и цѣпей.
И всюду кликъ благодаренья,
Все блещетъ, движется, живетъ,
И въ храмъ молиться съ умиленьемъ
За жизнь царя, въ живомъ волненьи,
Стремится радостный народъ.

***

И мы съ душою преклоненной
Къ тебѣ, Богъ истины и силъ,
Несемъ слова мольбы усердной,
Чтобъ Ты хранилъ защитой вѣрной
Того, кто правду возлюбилъ,
Кто міру миръ далъ и свободу,
Кто свѣтъ науки оживилъ.

. . . .

И вновь объятія народу
Съ любовью отческой открылъ.
О пусть цвѣтетъ страна родная!
Храни царя! храни народъ!
Пусть слава чистая святая
Пройдетъ отъ края и до края,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ!

Гр. Ал. Толстой.

Погорѣльцы.

Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ кіевской губ. Въ половинѣ октября 1823 г. помѣщики и дворяне кіевской губерніи, по приглашенію тогдашняго кіевскаго губернскаго

предводителя дворянства графа Густава Филипповича Олизара, съѣхались въ Кіевъ для выбора изъ своей среды должностныхъ лицъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Выборамъ ихъ предшествовала присяга и молебствіе, совершенное 19 числа тогоже октября въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ. По случаю столь важнаго событія митрополитъ Евгеній, по окончаніи молебствія, сказалъ помѣщикамъ и дворянамъ весьма назидательное слово на текстъ св. писанія: *изберите себѣ мужи мудры и умѣтельны и смысленны въ племенѣхъ вашихъ, и поставлю ихъ надъ вами старѣйшины вамъ* (Второз. гл. 1, ст. 13).

Въ словѣ своемъ, первоначально указавши на причину выбора старѣйшинъ Израильскихъ, во времена пророка Моисея, и за тѣмъ на особенное благоволеніе и довѣріе Государя Императора къ дворянамъ въ предоставленіи имъ права избирать изъ своей среды должностныхъ лицъ въ присутственныя учрежденія, архипастырь остановилъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, которыми должны отличаться избираемыя ими лица. «*Изберите себѣ*, говорилъ святитель дворянамъ, *мужей мудрыхъ*, то-есть просвѣщенныхъ познаніями судейской должности, *мужей умѣтельныхъ*, то-есть имѣющихъ при познаніяхъ своихъ еще опытное искусство; *мужей смысленыхъ въ племенѣхъ*, то-есть извѣстныхъ добрымъ поведеніемъ и знающимъ дѣла и нужды тѣхъ, кого они судить должны». Необходимость избранія лицъ съ такими качествами онъ основывалъ не только на священномъ писаніи, но и на требованіяхъ житейской практики. И святительское слово его оказало столь благотворное дѣйствіе на дворянъ, что они, по возвращеніи изъ храма въ залъ дворянскаго собранія, уполномочили уѣздныхъ предводителей дворянства составить и чрезъ графа Олизара приподнести митрополиту Евгенію нижеслѣдующій актъ признательности и всеобщаго безпредѣльнаго почтенія къ нему.

«Его сіятельству, кіевскому губернскому предводителю дворянства графу Густаву Олизару».

«Помѣщики и дворяне подвѣдомственныхъ намъ уѣздовъ возложили на насъ обязанность предложить Вашему Сіятельству, чтобы вы изволили, отъ имени цѣлой губерніи, изъявить Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Евгенію: 1) признательность и особенное почтеніе, къ которымъ побудили насъ всѣхъ его необыкновенныя дарованія и высокія Архипастырскія достоинства, а въ 2-хъ, чтобы, отдавъ

ему эту дань всеобщаго безпредѣльнаго почтенія, просили его о дозволеніи помѣстить въ дворянскихъ актахъ, для вѣчной памяти, рѣчь, которою этотъ достойный архипастырь привѣтствовалъ собравшихся на дворянскіе выборы. Если, съ одной стороны, онъ возвысилъ наши души, припомнивши намъ священныя обязанности нашей спасительной религіи, то съ другой—мы бы желали, чтобы настоящій актъ признательности дворянскаго сословія былъ вознагражденіемъ трудовъ и пастырскаго сердца его».

Сей актъ подписали уѣздные предводители: кіевскій—Шимановскій; радомысльскій—Глембоцкій: васильковскій—Проскура; сквирскій—Рыльскій; махновскій—Абрамовичъ; исправляющій должность липовецкаго—подкоморій таращанскаго и липовецкаго уѣздовъ Ипполитъ Рогозинскій; таращанскій—Флоріанъ Езерскій; уманскій—Янъ Марковскій; звенигородскій—Росцишевскій; богуславскій—Ячевскій; чигиринскій—Давидовъ. 20 октября 1823 г. Кіевъ». [1])

Копія этого акта хранится въ архивѣ канцеляріи кіевскаго губернскаго предводителя дворянства въ связкѣ дѣла № 36 за 1823 г., а подлинникъ его препровожденъ митрополиту Евгенію графомъ Олизаромъ 20 октября того же года за № 359 при слѣдующемъ письмѣ:

«Высокопреосвященнѣйшему Евгенію, митрополиту кіевскому и галицкому, члену Святѣйшаго Синода, архимандриту Кіево-Печерской Лавры и разныхъ орденовъ кавалеру. Представляя Вашему Высокопреосвященству въ подлинникѣ отзывъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства, доставленный ко мнѣ отъ имени всѣхъ помѣщиковъ и дворянъ, считаю себя счастливѣйшимъ, что, при исполненіи обязанностей моей должности, я уполномоченъ дворянствомъ заявить Вамъ нашу всеобщую признательность и уваженіе; а присовокупляя къ просьбѣ всѣхъ помѣщиковъ и дворянъ и личную свою просьбу, съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать исполненій оной. Дворянскій губернскій предводитель графъ Олизаръ».

Графу Олизару, а въ лицѣ его и всѣмъ помѣщикамъ и дворянамъ, митрополитъ Евгеній отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь, графъ Густавъ Филиповичъ»!

«Почтенное отношеніе Вашего Сіятельства отъ 20 октября имѣлъ я честь получить 21 числа съ чувствомъ искреннѣйшей бла-

---

[1]) И подлинникъ, и копія сего акта написаны на польскомъ языкѣ.

годарности Вашему Сіятельству и всему почтенному кіевскому дворянству за благорасположительное ко мнѣ вниманіе, изъясненное въ сообщенномъ мнѣ отъ Васъ письменномъ ихъ актѣ. Посему покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство объявить имъ и мою чувствительнѣйшую признательность; а въ удовлетвореніе ихъ желаній, при семъ препровождая списокъ моего поученія, говореннаго 19 октября въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Галицкій».

Переданное графу Олизару Слово, по переводѣ на польскій языкъ, напечатано отдѣльными брошюрами и вручено каждому изъ помѣщиковъ Кіевской губерніи, а подлинникъ его хранится въ архивѣ Канцеляріи Кіевскаго Губернскаго Предводителя дворянства.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

Историческія вирши по рукописи начала XVIII в. Въ старинныхъ сборникахъ виршъ и кантовъ, наряду съ покаянными, праздничными встрѣчаются и такія, которыя болѣе или менѣе имѣютъ историческій характеръ. Нѣкоторые изъ виршъ историческаго содержанія изданы во второй части «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова (Кіевъ, 1875, стр. 127—141), въ «Исторіи Кіевской Духовной Академіи» С. Голубева (Кіевъ, 1886) и др. Но кое что еще остается въ рукописяхъ, которыми, къ слову сказать, богаты почти всѣ библіотеки: это сборники виршъ, составленные любителями поэзіи и пѣнія. Многія изъ виршъ въ этихъ сборникахъ, даже писанныхъ въ Великой Россіи и великоруссами—ведутъ происхожденіе изъ Малороссіи, на что указываютъ порой проскользывающія особенности малорусскаго нарѣчія и полонизмы.

Ниже предлагаю нѣсколько виршъ, извлеченныхъ мною изъ рукописнаго сборника Императ. Публ. Библ. въ СПБ., Q, XIV, № 25, писаннаго полууставомъ начала XVIII в. (по каталогу—XVII - XVIII в.) Всѣ вирши, помѣщенныя здѣсь, имѣютъ и напѣвы: вверху страницы двѣ строки нотъ, ниже—текстъ.

Судя по содержанію, ниже предлагаемыя вниманію читателя вирши относятся къ эпохѣ польско-русскихъ войнъ XVII и XVIII в.

Правописанія не сохраняемъ, раскрывая титла и опуская подстрочные знаки.

—

I.

Первая вирша изъ интересующихъ насъ находится на л. 16 об.—17 названнаго сборника. Заглавіе вирши, писанное на полѣ л. 16 об. слѣдующее:

„Глѣтъ Полща о бывшей храбрости и плененіи своемъ и о покореніи ко благочестивѣйшему царю и великому князю Алексію Михайловичю“.

Въ жалости днесь зѣло обомираю,
Слезы точащи чадъ моихъ рыдаю.
Азъ мати, лютѣ опечаленная
И всѣхъ радостей изовлеченная.
Бѣхъ бо нѣкогда тако украшенна,
Яко надъ страны славно вознесенна;
Копіе мое на вразѣхъ бывало
И сердца силныхъ въ бранѣхъ ужасало.
Но нынѣ мечи и щиты державны
Во мнѣ крѣпчайшихъ чадъ всѣхъ надсмѣявный; [1])
Вои велики худыми бываютъ,
От скиѳскихъ языкъ на земли падаютъ,
Сами бо въ себѣ мечь свой угрязиша
И мене матерь свою уязвиша.
Юношъ прекрасныхъ и дѣвицъ удобренныхъ
Полны всѣ страны нынѣ суть плененныхъ.
Азъ плачю Полща, плачю неутѣшно,
Рыдаю въ слезахъ и кровію смѣсно.
Чада во мнѣ вси вкупѣ пребывали,
Всюду страхъ лютъ, гдѣ ся обращали.
Вѣнецъ мой златый въ Полщѣ положенный
Въ тріехъ ми чадѣхъ словно уплѣшенный:
Ляхи, Русь, Литва—то суть чада моя;
Два возгордѣша, взяша мечи своя,
Юнаго брата убити совѣщаша,
А мене матерь зѣло обругаша.

---

[1]) Рукоп. подсмѣянный.

Юный языковъ себѣ умоляетъ
И гордыню ихъ низложь покоряетъ.
Азъ мати молихъ симъ паки згодити,
Но не хотѣша съ собою смирити.
Смиряше юныи (они) не хотяху
Мя матерь свою зѣло умерщвляху.
Красоту мою лютѣ увядиша,
И до срачицы даже обнажиша.
На брата щиты съ мечи наступаютъ,
Низложить его вскорѣ усиляютъ;
Юный такожде на ихъ ополчися [1])
Въ мужествѣ своемъ в нихъ возвеличися,
Положиша трупы горъ превысочае
И, низложивъ ихъ, самъ паки смиряе.
Много нань тыя, много наступаху,
В руцѣ его вси крѣпцы падаху
Градове, села въ конецъ раскопаша,
Мужіе, жены скифомъ вси предаша.
Азъ же мати зѣло возрыдала,
Златыя власы исторгала
И молихъ [2]) сына моего малаго
Ужалитися отечества своего.
Послуша мене мой не единою,
Показа милость надъ родителною.
Но паки тые братія восташа
И мене матерь свою обругаша.
Азъ же повелѣхъ тому уступити,
Благовѣрному царю покорити,
Но паки самъ вскорѣ сіе сотвори
И великому цареви покори.
Сама же его рада ожидати
И власти его хощу дати
Гряди о царю чадъ моихъ смиряя
Ни единому бо есть мнѣ ся покаряя.
Да паки мою наготу покрыешь (2)
Когда моихъ чадъ ярость всю сокрыешь. (2)

---

[1]) Рукоп. ополчиша; [2]) Рукоп. молишъ.

Польша изображается здѣсь въ видѣ матери, терзаемой, обижаемой своими же дѣтьми. Сравнимъ тотъ же пріемъ въ знаменитомъ Θρῆνος'ѣ Мелетія Смотрицкаго (Θеофила Ортолога) [1]. Но, конечно, „плачь" православной церкви—матери о своемъ паденіи и обнищаніи и поступкахъ бывшихъ чадъ ея—гораздо поэтичнѣе и богаче образами, чѣмъ „плачь Польши" въ нашихъ виршахъ.

II.

На л. 73 об.—74 того же сборника находится вирша, также съ нотами.

Ѡ горды и гнѣвливы ляха, како гордостїю хотѣша Росїєю обладати и православїє въ єресь низложити.

Кто хощетъ пріиди и узри,
Очима своима возри,
Что въ мирѣ ся дѣетъ,
Что въ насъ самыхъ спѣетъ.
Брани днесь умножишася
И мечи изострішася,
Братъ брата убиваетъ,
Кровь отца проливаетъ.
Ненависть междусобная
Изрещи неудобная,
Точитъ кровемъ токи,
Падаютъ отроки,
Юноши млады и дѣвы,
Матери бываютъ вдовы.
Охъ, охъ вездѣ се слышимъ,
Пріидите сія внушимъ:
Нѣкогда страна славная
И врагомъ всѣмъ ужасная,
Паде, паде мечемъ,
Междусобнымъ сѣчемъ.
Окрестъ вси врази ликуютъ,
Веселятъ и торжествуютъ,
Зря сію обнаженну
И в конецъ спустошенну.

---

[1] Ср. л. 1—2 об. Lamenta. О немъ см. выписки у *Голубева* Петръ Могила т. I, прилож. стр. 187 и слѣд.

Силніи вси и княжата
Ведутъ, яко отрочата,
По рукахъ связанны
Во скиоскія страны.
Подолье стонетъ рыдаетъ,
Волынь плачетъ воздыхая
Чадъ своихъ заколенныхъ
И вездѣ избіенныхъ.
Тысящи и тмы падоша,
Враны во плѣнъ отвѣдоша,
Земля стала пуста,
Пред тымъ сущи густа.
Грады бо вси суть сожжени,
Живущеи внутрь сотрени.
Горе горе оставшимъ,
Блюдутъ ихъ къ бѣдамъ вящшимъ.
О гордость, что твое дѣло,
Иже отечество не цѣло:
Се тя богъ смиряетъ,
Гордыхъ низлагаетъ.
Господьствомъ бо вознесосте,
Къ смиреннымъ лукъ налякосте (?)
Рѣсте бо: ихъ погубимъ,
И радостно вострубимъ.
На Бога брань поднесосте,
В хулахъ уста отверзосте.
Ересь умножисте,
Вѣрныхъ оскорбисте.
На вѣру ополчистеся,
Клятвами утвердистеся:
Погубимъ православныхъ
Всегда намъ сопротивныхъ.
Но Богъ совѣтъ вашъ преврати
И гордыхъ нынѣ укроти.
Ровъ бо ископасте—
Сами в онь впадосте.
Но вѣрныхъ Богъ сохраняетъ
Въ едино ихъ сочетаетъ.

Не къ тому ихъ имѣйте,
Едини погибайте.
О ляхи гордѣливыя,
Ярыя и гнѣвливыя,
Русь васъ не боится:
Вѣрою щитится.
Есть бо въ нихъ царь православный,
Благій, кроткій и смиренный:
Той ваши главы сотретъ
И вѣру вашу потретъ.
Помози, господи, царю
Великому государю
Враговъ низложити,
Силныхъ покорити,
Его же самъ избралъ еси,
Того рогъ славно вознеси,
Да вси тя восхваляемъ
И въ пѣснехъ величаемъ.

III.

Л. 148 об. 149.

О велицѣй Россіи и о сопротивіи съ ляхи
и о градѣ *Кіевѣ*.

Слышите люди и внушите,
Господа Бога благодарите
И пойте пѣснями славословяще его;
Елико творитъ чюдесъ преславныхъ
В царствіяхъ, земляхъ многодержавныхъ,
Силою крѣпости своею премногою
Силніи въ мирѣ вси имъ храбруютъ,
Царіе князи мирно мирують,
Его же бо и моря, земля же и небо.
Россія древле сущіи преславна,
Въ храбрыхъ воинѣхъ слыне издавна
Славою многою, тезоименитою.
От Рюрика князя великаго
И Игоря всенарочитаго
До нынѣ въ Украйнѣ Россійской непремѣнне

Плодъ прорастаетъ боголюбивый,
Во вѣрѣ его непозыблемый,
Изящный, премощный и всеблагомощный
Владимеръ вѣры есть насадитель,
Врагомъ окрестнымъ преборитель,
Богови угодилъ, сугубыхъ врагъ побѣдилъ.
По немъ Ярославль въ Кіевѣ градѣ
По отцѣ своемъ на столцѣ сѣде,
Софію сотворили и во славѣ разширили.
По семъ въ Россіи грѣхъ умножился,
Гнѣвъ отъ Господа нань изліяся:
От скиѳовъ плененна и зѣло опустѣнна.
Оттолѣ ляхи на ня восташа,
Государство свое распространиша
Кіевъ градъ премогли и надъ ними возмогли;
И Русь на двое злѣ раздѣлиша,
Многое время въ ней воцариша,
И яко своими овластвовами всѣми.
Великая Русь отъ низу вземше,
Милость Господню паки пріемше
И крѣпко распростре, даже до моря простре.
Цари вѣрніи въ ней восіяша,
Ляхомъ и Литвѣ сопротивиша,
Но мало успѣху, несогласни бо бяху.
Но Богъ гордыню мудрѣ укроти,
Мечь междусобный на Литву пусти.
Малыми смиряетъ и ляхи покорнетъ.
Россь бо малая обиждаема,
Отъ ляха въ лютыхъ утѣсняема,
Ко Богу возопи, въ крови мечь свой утопи.
На ляховъ гордыхъ ихъ Богъ возстави
В крѣпости своей зѣло прослави:
Силніи и князи в сѣни [1]) смертней угрязли.
Россія паки совокупляется
И всѣхъ ужасна врагомъ бываетъ:
Царь бо въ ней царствуетъ, иже въ вѣрѣ красуетъ

[1]) Позже *н* переправленъ на *т*.

Но Кіевъ градъ многожды плененный,
Отъ враговъ окрестныхъ опустошенный,
Радостно ликуетъ и поя торжествуетъ,
Помози Боже нашему царю,
Благовѣрному днесь государю,
Противныхъ смирити и славно воцарити.

IV.

Слѣдующіе стихи того же сборника являются образцомъ классическаго направленія, имѣющаго начало въ польско-малорусской литературѣ XVI вѣка.

Л. 145 об.—146.

Радосны слузи (?) при густой купинѣ
Гдѣ Днепръ распростертыи плыветъ въ ширинѣ.
Зрю нѣчто ходитъ и козу внимаю.
Зближи—госпожу оружную знаю.
Азъ же помысли, да то есть белена (Bellona)
Въ крови оружіе, сама окровавленна,
Знать, яко въ малѣ часѣ з Марсомъ
Щитъ и мечь острый въ бранѣ держала.
И азъ стекохся зѣлнѣ расмотряя,
Въ густой купинѣ ближе приступая
И вижу лучши нѣкая царице
Въ слезъ кровосмѣсныхъ глава, глася сице.
Кровными слезы чадъ моихъ рыдаю
Яко Генупа, [1]) Рахиль вздыхаю,
Яко лагата придицкой шедше
ѡ адо и иде плачь твой проповѣдшѣ
И яко мати свое си Перпины [2])
Плакася вземше въ темныя глубины.
И моя вѣжда такъ неусыхаетъ
Преиди летейскихъ слезы проливаетъ.
Згубы моея обредить не могу
Жаль о господствіи радостей дорогу
Азъ сыновъ моихъ отечество воспитахъ
Прославихся въ нихъ и мати имъ прозвахъ.

Сообщ. **В. Н. Перетцъ.**

---

[1]) Гекуба; [2]) Прозерпина.

Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. Отецъ мой простой крестьянинъ—маляръ. Малярному ремеслу онъ былъ обученъ по приказанію помѣщика М. который и держалъ его при своемъ дворѣ для исполненія различныхъ малярныхъ работъ. Находясь при малярахъ изъ интеллигентовъ, отецъ мой самоучкою выучился читать, а также началъ и писать «по друкованому», (т. е. по печатному) не скорописью, а вязью. Онъ былъ единственнымъ грамотѣемъ изъ мужиковъ въ своемъ родномъ селѣ С., и когда крѣпостное иго миновалось, то отецъ въ свои записки внесъ много памятныхъ эпизодовъ изъ временъ крѣпостничества, которыхъ онъ былъ очевидцемъ; къ сожалѣнію, записки эти сгорѣли, и я не могу припомнить всего, что въ нихъ заключалось; помню только отдѣльные эпизоды, одинъ изъ которыхъ и постараюсь воспроизвести въ такомъ-же видѣ, въ какомъ я находилъ ихъ въ запискахъ отца...

«Былъ у насъ Соловьевкѣ коммисаръ» (управляющій) панъ Мутусевичъ, который *о невозможномъ* всегда высказывался съ ироніею, говоря простымъ хохлацкимъ языкомъ: «ну, лышень, скажы мени, що то таке за *«не можна»*?.. Хотивъ бы я знаты, якее воно тее «не можна»?.. Колыбъ мени ёго побачыты»!.. Чтобы испытать *возможность невозможнаго*, панъ Мутусевичъ заставляетъ «осавулу» [1]) чтобы сѣкъ «хлопа» розгами за то, что не вышелъ на барщину еще до восхода солнца (это лѣтомъ то, когда солнце восходитъ въ 4 часа); причемъ отдаетъ приказъ, чтобы сѣченный самъ считалъ удары розокъ и не выкатывался изъ черты, проведенной паномъ Мутусевичемъ по песку вокругъ его несчастнаго тѣла.

— Ой панычыку! Та це жъ такъ не можна! взмолится бѣдный «хлопъ», напередъ зная, что если его не попридержатъ, такъ онъ не вынесетъ адской боли и выкатится изъ проклятой черты такъ-же, какъ выкатывались изъ таковой Игнатъ, Семенъ, Терешко и многіе другіе. А выкатится онъ изъ черты, то и позабудетъ счетъ ударовъ розгами, которыхъ назначено ему цѣлыхъ сто; а коли позабудетъ счетъ или же выкатится изъ черты, то полученные имъ удары не пойдутъ въ счетъ, а вновь начнется сѣченье и пойдетъ новый счетъ ударовъ.

— Не можна,—кажешъ ты?... А ну, ну, побачымъ, що то за не можна?!... замѣчаетъ панъ Мутусевичъ съ ироніею на мольбы «хлопа» и велитъ «осавулѣ» начинать сѣченіе.

---

[1]) Осавула—досмотрщикъ при экономическихъ работахъ. *Авт.*

Боясь, какъ бы не потерять счета ударовъ и не выкатиться изъ черты, бѣдный «хлопъ» грызетъ зубами землю и дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не пошелохнуться подъ ударами розогъ. Тѣло «хлопа» только судорожно вздрагиваетъ, но не движется, сдерживаемое крѣпкою волею страдальца; подъ мученикомъ образовывается лужа его собственной крови, которая заливаетъ даже проклятую черту, сдѣланную суковатою палкою пана Мутусевича, но истязуемый лежитъ безмолвно: ни криковъ, ни вздоховъ не услышитъ палачъ изъ устъ этого *мученика барства*; удары розогъ несчастный считаетъ мысленно, съ невыразимою твердостію и терпѣніемъ перенося жестокую пытку сквозь свистъ розогъ. Вдругъ до слуха страдальца долетаетъ возгласъ пана Мутусевича, обращенный къ «осавули»: а ну-но зачекай трошечкы! Истязаніе прерывается.

— А ну, лышень, скажы: скилькы вже разъ осавула махнувъ ризкою?—спрашиваетъ панъ Мутусевичъ у своей жертвы.

—Девятдесятъ ще й симъ!—слѣдуетъ хладнокровный отвѣтъ сѣченнаго.

— Вгадавъ!... Вирно!...

— Ну, Терешку, дай ёму ще тры ризкы, да й годи...,—приказываетъ панъ Мутусевичъ «осавули», закуривая «гаванскую цыгару».

Получивъ остальные три удара, «хлопъ» встаетъ, приводитъ себя въ порядокъ, и затѣмъ кланяется пану Мутусевичу до земли и благодаритъ «за науку».

— Выбачай, мій голубе, мало за що!...—слѣдуетъ отвѣтъ пана Мутусевича; при чемъ онъ не забываетъ сказать: «А бачъ, ты жъ казавъ що «не можна», а отъ же й можна!... Я не знаю що то таке за «не можна», яке то воно? Колы бъ мени ёго побачыты»...

—

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ подобной звѣрской расправы пана Мутусевича; раздался наконецъ вожделѣнный для крестьянъ голосъ царскаго манифеста: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ»... Для крестьянъ настали дни радостей, миновалъ страхъ передъ панами. Въ былое время крѣпостничества крестьянинъ далеко еще снималъ шапку передъ всякимъ паномъ и шляхтичемъ, съ чувствомъ страха и уваженія снималъ онъ таковую и долго держалъ ее въ рукахъ, пока не удалится отъ него панъ или шляхтичъ; съ наступленіемъ же дней свободы, онъ пересталъ снимать шапку передъ паномъ, пересталъ ему кланяться, началъ даже при немъ

курить свою глиняную трубку. При видѣ такой перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ бывшимъ властелинамъ, панъ Мутусевичъ воскликнулъ:

— Ну, ажъ теперъ я знаю що то за «не можна»!... Колы вже й передо мною не скыдають шапкы, то значыть: «не можна»!...

И сказавши это, панъ Матусевичъ поникъ головою и прошепталъ: Przepadla Polska!... Причемъ въ умѣ у него отразился отзвукъ «хлопской пѣсни», въ которой поется про то, какъ мужикъ сталъ учить чванливую шляхту тому, что нужно уважать въ человѣкѣ человѣка, кто бы онъ ни былъ...

Йихавъ ляшокъ изъ Варшàвы,
Надúвъ сыни шаровары
И шабéльку у бока,
Не боиться мужика.
Йихавъ ляшокъ по-надъ лугомъ,
Ажъ тамъ оре мужикъ плугомъ;
Ляшокъ шапкы не здыймавъ,
«Помогай-Богъ» не сказавъ.
Мужыкъ ёго прывитавъ,
За чупрыну похытавъ.
— Та беры ты, хлопче, пýгу,
Та научы ляшугу,
Якъ шапочку здыймаТы
Помогай Богъ казаты...
Йиде ляшохъ дорогою,
Ажъ такъ плыве гусь водою—
— «Помогай Богъ», била гусь!
Навчыла мя здѣшня Русь
Якъ шапочку здыйматы,
«Помогай Богъ» казаты...

И. Савченко.

Харьковскіе художники первой половины нынѣшняго столѣтія. В. П. Карповъ печатаетъ въ газ. «Южный Край» свои замѣтки «Изъ воспоминаній старожила». Воспоминанія эти захватываютъ между прочимъ 40-ые года нынѣшняго столѣтія и даютъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ позабытыхъ теперь художникахъ харьковскихъ того времени.

Въ Харьковѣ въ тѣ годы, говоритъ авторъ, былъ иконописецъ, малороссіянинъ Хмара. Все свободное отъ занятій иконописью время онъ употреблялъ на то, чтобы съ натуры изображать природу Малороссіи и семейный бытъ ея обитателей:

«И ставокъ,
И млынокъ,
И вышневый садокъ».

И его картины, небольшихъ размѣровъ, раскупались за недорогую цѣну охотно.

Среди харьковскихъ художниковъ находился въ то время живописецъ вывѣсокъ и гербовъ, Иванъ Козьмичъ Хамло-Сокира. Въ юношескіе годы Сокира пользовался расположеніемъ извѣстнаго писателя Г. Ѳ. (Грицько Основьяненко), который любилъ Хамла-Сокиру за его несомнѣнный и выдающійся талантъ. Поддерживая его матеріальными пособіями, какъ человѣка совсѣмъ бѣднаго, Квитка готовилъ его въ академію и давалъ ему средства на пріобрѣтеніе средняго образованія. И казалось, у Халма-Сокиры все шло хорошо. Онъ былъ нелѣнивъ и послѣ трехлѣтнихъ занятій съ двумя студентами сдѣлался неузнаваемъ въ манерахъ, въ обращеніи и въ своихъ сужденіяхъ. Но неожиданно его благодѣтель умеръ. Это такъ поразило Ивана Козьмича, что онъ на семнадцатомъ году, почти готовый къ поступленію въ академію, началъ пить, опустился и скоро умеръ.

Онъ съ большой любовью иллюстрировалъ масляными красками повѣсти и разсказы Григорія Квитки. Я видѣлъ двѣ его картины: «Козырь-Дивка» и «Солдатскій Патретъ». По композиціи и силѣ экспрессіи онѣ были полны задатковъ крупнаго таланта. Однажды, возвращаясь въ морозный вечеръ съ Журавлевки со своими художественными принадлежностями, Халмо-Сокира настолько увлекся закатомъ солнца, превратившаго снѣжную долину въ перламутровую сплошную пластину (что нерѣдко бываетъ), что, недолго думая, нашелъ у какого то безконечнаго плетня безлюдный тихій уголокъ и усѣлся набрасыватъ съ натуры эскизъ. А чтобы морозъ не мѣшалъ ему, онъ поставилъ возлѣ себя бутылку «дешевки». Долго ли рисовалъ онъ, неизвѣстно. Его нашли замерзшимъ въ сидячемъ положеніи. На колѣняхъ его стояла шкатулка съ картономъ и красками, а о бокъ его— пустая бутылка изъ подъ «дешевки».

Былъ еще въ Харьковѣ иконописецъ Павелъ Кудряшевъ, который долгое время жилъ мастеромъ у иконописца Куликовскаго. Онъ

имѣлъ страсть писать картинки юмористическаго характера, преимущественно изъ еврейскаго быта. Копія одной изъ такихъ картинъ долгое время циркулировала въ Харьковѣ среди публики. Картина изображала «Какъ свинья съѣла жида».

Князь А. В. Дабижа. (*Некрологъ*). Шестнадцатаго іюня скончался въ Царскомъ Селѣ, близъ Петербурга, князь Александръ Васильевичъ Дабижа, принимавшій участіе въ «Кіевской Старинѣ» нѣсколькими статьями и замѣтками по исторіи Лѣвобережья и Петровской эпохи. Упорная, не поддававшаяся никакому лѣченію чахотка свела въ могилу молодую жизнь, представлявшую всѣ задатки для полезной дѣятельности и будущаго. Ал. Вас. воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Пробывъ нѣсколько времени въ канцеляріи министерства, онъ назначенъ былъ былъ младшимъ секретаремъ нашей миссіи въ Мадридѣ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего перешелъ, также секретаремъ посольства, въ Каиръ. Въ это время обнаружились признаки роковой болѣзни. Онъ долженъ былъ оставить Египетъ, климатъ котораго былъ ему невыносимъ и, въ ожиданіи возстановленія силъ, состоялъ причисленнымъ къ министерству. Болѣзнь шла однако своимъ путемъ, больше и больше лишая его возможности работать. Онъ жилъ въ санаторіяхъ, то въ Германіи, близъ Франкфурта, то въ Швейцаріи, въ Давосѣ и другихъ, пока наконецъ, потерявъ надежду на выздоровленіе, не вернулся въ Россію съ ужаснымъ сознаніемъ скорой кончины.

Въ недолгіе годы по выходѣ изъ лицея и жизни въ Петербургѣ, А. В. съ великимъ интересомъ занялся изученіемъ Исторіи Южной Россіи, съ которой наши высшія школы знакомятъ питомцевъ своихъ такъ поверхностно. Фамилія князей Дабижъ—юго-славянскаго происхожденія. Они потомки царственной линіи Котроманичей Боснійскихъ (См. Annuaire de ga noblesse russe» Petersb. 1898), перешедшіе въ русское подданство въ началѣ этого вѣка. Но по матери своей (рожденной Горленко), покойный А. В. считалъ себя принадлежащимъ Малороссіи, гдѣ, въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи находится родовое имѣніе семьи и гдѣ онъ провелъ много времени. Первыми его письменными опытами были поэтому

очерки фамильнаго характера, относящіеся къ Малороссіи: «Роспись рода Горленковъ» (К. Ст. 1886 г. № 6) и этюдъ о современникѣ Хмельницкаго, Прилуцкомъ Полковникѣ Лазарѣ Горленкѣ (К. Ст 1887 г. № 2 и 10). Для послѣдняго очерка А. В. извлекъ документы изъ московскихъ хранилищъ: Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи и Румянцевскаго музея (Маркевичевскія бумаги, взятыя историкомъ у Горленковъ и имъ не возвращенныя). Обильный запасъ такихъ документовъ вошелъ въ особенности во второй очеркъ кн. Дабижи о полковникѣ Дмитріи Горленкѣ, оставшійся въ рукописи. Здѣсь приведены очень любопытные универсалы и письма, оставленные въ сторонѣ Н. И. Костомаровымъ въ изслѣдованіи его о мазепинцахъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Дм. Горленко. Для этихъ работъ Кн. Дабижѣ переданы были также всѣ фамильныя бумаги, какъ пишущимъ эти строки, такъ и княгиней А. С. Абашидзе-Горленко. Полагая, что въ наукѣ не существуетъ мелочей, А. В., въ числѣ немногихъ у насъ, занимался и геральдикой, какъ свидѣтельствуетъ его любопытная справка «Мазепа-Князь и его шляхетскій и княжескій гербы» («К. Ст.», 1885, № 12, съ цвѣтными снимками по рисункамъ автора). Во время службы своей при посольствахъ, равно какъ и во время невольнаго своего отдыха, кн. А. В. Дабижа очень много путешествовалъ. Онъ посѣтилъ, помимо главныхъ европейскихъ государствъ, Сирію, Египетъ, Марокко и долго странствовалъ по Босніи и Герцеговинѣ. Послѣднія страны были предметомъ его особеннаго, всесторонняго изслѣдованія, какъ древнія владѣнія его предковъ. Здѣсь онъ осматривалъ архивы монастырей, развалины, виды мѣстностей, посѣтилъ главные города и ихъ научныя учрежденія и сблизился съ лучшими учеными тѣхъ странъ: Рачки, епископомъ Штросмайеромъ и другими. Въ бытность на Аѳонѣ и въ Палестинѣ, онъ нашелъ и описалъ два памятника южно-русскаго происхожденія: Аѳонскій Скитъ св. Иліи («Малороссійская обитель на Аѳонѣ» К. Ст. 1893 г. № 1) и Даръ Гетмана Мазепы гробу Господню (К. Ст. 1893 г. № 11). При замѣткѣ о послѣднемъ имъ сообщена была, снятая съ особаго разрѣшенія Іерусалимскаго патріарха, фотографія съ этого «дара»—серебряной доски—горельефа, пожертвованной Мазепой на Господень Гробъ. Послѣдняя подписанная кн. А. В. Дабижей замѣтка въ «Кіевской Старинѣ» сообщала историческій эпизодъ о саблѣ Карла XII, поступившей недавно въ одинъ изъ петербургскихъ музеевъ. Замѣтка эта напечатана была имъ по-

французски въ „Journal de-Petersbourg“, и въ «Кіевск. Ст.» помѣщена въ переводѣ.

Покойный А. В. Дабижа былъ прекраснымъ художникомъ—акварелистомъ, удостоившимся наградъ на акварельныхъ выставкахъ и избраннымъ вслѣдствіи того вольнымъ общникомъ Импер. Академіи Художествъ. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго профессора Премацци. Виды и типы Востока, юго-славянскихъ земель и Малороссіи служили мотивами его работъ.

Въ этой замѣткѣ мы не имѣли права распространяться о высокихъ личныхъ качествахъ покойнаго кн. А. В. Дабижи, его добротѣ, разностороннемъ образованіи, остроуміи и интересѣ его бесѣды. Здѣсь отмѣчено только то немногое, чѣмъ онъ умѣлъ послужить нашему журналу за свою недолгую жизнь. По желанію, выраженному покойнымъ, онъ погребенъ въ Ялтѣ. Законченная рукопись его изслѣдованія о Дм. Горленкѣ безъ сомнѣнія будетъ напечатана.

В. Г.

Текущія извѣстія.

Спектакли малорусской трупы М. Л. Кропивницкаго въ Кіевѣ [1]). Со 2-го Мая въ Кіевѣ въ лѣтнемъ театрѣ Купеческаго Собранія подвизается малорусская труппа М. Л. Кропивницкаго и, не смотря на не вполнѣ благосклонное отношеніе къ ней мѣстной ежедневной прессы, впрочемъ большею частію ограничивающейся только замалчиваніемъ спектаклей, пользуется весьма солиднымъ успѣхомъ у оставшихся на лѣто въ городѣ кіевлянъ: по крайней мѣрѣ, даже въ дождливые и холодные вечера, которыми такъ обильна была минувшая весна, театръ пустымъ не бывалъ.

Что касается репертуара, то онъ за истекшіе два мѣсяца не могъ похвалиться особой новизной: преобладали произведенія самого г. Кропивницкаго («Олеся», «Невольникъ», «Дай сердцеви волю», «Пошылысь у дурни», «По ревизіи», «Зайды голова», «Дви семьи» «Джигунъ», «Вій», «Вусы»); затѣмъ слѣдовали драмы и комедіи г. Старицкаго. По нѣскольку разъ даны были «Наталка-Полтавка» и «Запорожець за Дунаемъ»—пьесы, которыя, вѣроятно, очень не скоро а можетъ быть и никогда не сойдутъ со сцены, т. к. обѣ онѣ, не-

---

[1]) Настоящій отзывъ составленъ только за май и іюнь мѣсяцы.

смотря на наивность и даже нѣкоторую несуразность сюжета (конечно разумѣемъ оперу г. Гулака-Артемовскаго), содержатъ столько неподдѣльнаго комизма и юмора, что публика, при мало-мальски сносномъ исполненіи, можетъ съ удовольствіемъ ихъ смотрѣть безконечное число разъ. За то сравнительно очень мало мѣста дирекціей было отведено произведеніямъ г. Карпенка-Караго, изъ пьесъ котораго были поставлены, да и то по одному разу, только двѣ— «Безталанна» и «Наймычка». Такое отношеніе къ произведеніямъ талантливаго драматурга намъ представляется совершенно непонятнымъ, ибо безусловно имъ внесена въ малорусскую драму новая свѣжая струя, окончательно повернувшая ее на путь трезваго реализма, затронувшая массу новыхъ, еще неизвѣстныхъ обыкновенной городской публикѣ, сторонъ сельской жизни и перенесшая центръ тяжести въ драмѣ со «спивовъ» и «кохання» на выясненіе общественныхъ явленій и психологіи героевъ. Именно на такихъ серьезныхъ пьесахъ должно воспитывать молодыхъ артистовъ, а такой могучій талантъ, какъ М. Л. Кропивницкій, могъ бы ими воспользоваться для созданія цѣлой галлереи новыхъ типовъ.—Чтобы покончить съ вопросомъ о репертуарѣ гостящей въ Кіевѣ труппы, упомянемъ еще, что изъ пьесъ историческихъ была поставлена драма г. Писанецкаго «Тарасъ Бульба пидъ Дубномъ», да готовится къ постановкѣ «Богданъ-Хмельницкій» Старицкаго. Новинкой сезона явилась только трехъактная опера г. Ар—са «Катерына» на сюжетъ поэмы Шевченка. Предоставляя судить о музыкѣ новой оперы людямъ, болѣе насъ компетентнымъ, отмѣтимъ только, что она разработана композиторомъ самостоятельно и не представляетъ, подобно большинству прежнихъ малорусскихъ оперъ, одного только попурри изъ народныхъ пѣсенъ. Наиболѣе намъ понравился второй актъ (уходъ Катерыны изъ дома отца), производящій очень сильное впечатлѣніе; здѣсь особенно удачно написана партія старухи-матери, въ которой борются любовь къ провинившейся дочери съ боязнью передъ суровымъ и безпощаднымъ мужемъ. Что касается постановки оперы, то, не смотря на образцовое исполненіе женскихъ ролей г-жами Ратмировой (Катерына) и Шевченко-Гамалія (мать), приходится сознаться, что постановка большихъ оперъ не подъ силу драматической труппѣ, въ которой при наличности большого прекраснаго хора тѣмъ не менѣе не нашлось для ролей отца и Ивана подходящихъ исполнителей: въ первой роли выступилъ самъ г. Кропивницкій вѣроятно, только вслѣдствіе невозможности пору-

чить ее кому-либо другому; хотя артистъ и обладаетъ достаточно звучнымъ для своихъ лѣтъ голосомъ, но для оперного пѣнія безусловно уже устарѣлъ. Сплошнымъ недоразумѣніемъ представляется намъ появленіе въ роли Ивана г. Разсудова-Кулябко—артиста съ голосомъ глухимъ, хриплымъ и слабымъ, не хватающимъ даже для передачи наиболѣе сильныхъ мѣстъ въ обыкновенныхъ драмахъ. Не смотря на эти недочеты, все-же приходится быть признательнымъ труппѣ г. Кропивницкаго, т. к. безъ нея публика, вѣроятно, не скоро бы увидѣла на сценѣ малорусскую оперу.

Но, если въ постановкѣ оперы и можно было указать на существенные недочеты, то относительно драматическихъ спектаклей мы съ особымъ удовольствіемъ можемъ заявить, что общее впечатлѣніе отъ нихъ остается вполнѣ благопріятное: во всемъ—и въ ансаблѣ, и въ исполненіи отдѣльныхъ ролей—чувствуется опытная рука талантливаго дирижера, что особенно проявляется въ пьесахъ самого г. Кропивницкаго; хоры не изображаютъ изъ себя какую-то поющую машину, а все время живутъ на сценѣ, отдѣльные исполнители относятся къ своимъ ролямъ старательно и вдумчиво, а участіе почти въ каждомъ спектаклѣ самаго М. Л. Кропивницкаго придаетъ имъ особый интересъ: дѣйствительно, этотъ удивительный талантъ, за какую-бы роль ни взялся, умѣетъ создать изъ нея въ нѣкоторомъ родѣ шедевръ, то смѣша зрителя до слезъ своимъ высокохудожественнымъ, никогда не переходящимъ въ грубый шаржъ комизмомъ, то потрясая его до глубины души въ сильно драматическихъ мѣстахъ (покаяніе сотника въ «Назарѣ Стодолѣ»).

Въ труппѣ имѣется другой видный артистъ—г. Рафальскій, обладающій уже болѣе спеціальнымъ талантомъ—чисто комическимъ. Въ этой сферѣ онъ создаетъ цѣлую галлерею типовъ, внося въ каждый изъ нихъ много своеобразнаго и индивидуальнаго... Свидокъ Гарасько («По ревызіи»), Табунецъ-Буланенькій («Вусы»), семинаристъ (Сорочинскій ярмарокъ), Возный (роли не комическія, которыя иногда поручаются этому артисту, ему не удаются, напр. Кнуръ въ «Лымеривнѣ»: артистъ очень слабъ во 2 дѣйствіи во время объясненія съ Васылемъ, въ 3-мъ же дѣйствіи, въ гостяхъ у Наталки, онъ попадаетъ во свою сферу и проводитъ всѣ сцены болѣе, чѣмъ удовлетворительно), все это живыя, высоко-комичныя лица [1]). Къ сожалѣнію, артистъ еще не

[1]) Вознаго артистъ играетъ по принятому шаблону, придавая ему исключительно комическую окраску. Между тѣмъ существуетъ взглядъ, высказанный въ

умѣетъ соблюсти въ игрѣ должную мѣру и часто впадаетъ въ шар ъ. Впрочемъ въ этомъ много виновата наша публика, систематически портящая молодыхъ артистовъ своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ такого рода выходкамъ. Третій комикъ труппы—г. Загорскій—артистъ, безусловно талантливый, но, видимо, мало надъ собой работающій: онъ очень однообразенъ и неумѣренно предается шаржу.

Слѣдующій, безусловно талантливый артистъ—г. Карпенко. Собственно говоря, репертуаръ его крайне ограниченный: типы глуповатыхъ, забитахъ и слабохарактерныхъ людей—вотъ его сфера, въ которой онъ, пожалуй, не имѣетъ соперниковъ; во всѣхъ же другихъ роляхъ артистъ повторяется и не можетъ найти подходящаго тона. Поэтому лучшими въ его репертуарѣ должны быть признаны: Шкандыбенко («Лымеривна»), Васыль («Зайдыголова»), и Левко («Цыганка Аза»). Не дуренъ онъ, пожалуй, еще въ роли Ивана Непокрытаго («Дай сердцеви волю»), но здѣсь артисту сильно вредитъ полное отсутствіе голоса.

Роли героевъ и jeun premier въ труппѣ поручены г. Разсудову-Кулябко. Существенный недостатокъ этого артиста заключается въ томъ, что во всѣхъ роляхъ онъ съ перваго же выхода на сцену значительно повышаетъ тонъ и скоро впадаетъ въ мелодраму, благодаря чему роль становится тягучей и однообразной. Къ тому же и голосъ артиста, какъ уже выше нами было замѣчено, мало пригоденъ для ролей его амплуа. Среди женскаго персонала на роляхъ ingenue и героинь подвизаются г-жи Ратмирова, Величко и Шевченко-Гамалій. Первая изъ названныхъ артистокъ хорошо знакома Кіеву: раньше она выступала преимущественно въ роляхъ, въ которыхъ значительное мѣсто удѣлено пѣнію—у артистки могучее, звучное mezzo-soprano, которымъ она пользуется съ полнымъ умѣніемъ. Въ настоящее время г-жа Ратмирова прибавила къ своему репертуару роли героинь и въ нихъ обнаружила наличность значительнаго темперамента. Артисткѣ слѣдуетъ только позаботиться о мимической игрѣ въ тѣ моменты,

---

послѣднее время, кажется, извѣстнымъ литераторомъ Лесевичемъ, что Возный вовсе не такъ былъ задуманъ И. П. Котляревскимъ. По этой версіи, Возный—еще не старый человѣкъ—воспитанъ на ученіи Сковороды, былъ не чуждъ нѣкогда идеальныхъ порывовъ, но, попавъ въ неподходящую среду, значительно опошлился. Хотя такое толкованіе этого типа мало согласуется со всѣмъ первымъ дѣйствіемъ, однако безусловно при немъ заключительный монологъ褐Возного явится менѣе неожиданнымъ и болѣе понятнымъ.

когда она на сценѣ является просто зрителемъ.—Дарованіе г-жи Величко можно назвать лирическимъ: она даетъ поразительно живые и трогательные образы молодыхъ дивчатъ, нѣжныхъ, любящихъ, еще незнающихъ житейской прозы и, пожалуй, нѣсколько наивныхъ (Галя въ «Назарѣ Стодолѣ»). Особенно шумный успѣхъ выпалъ на ея долю въ «Безталанной» г. Карпенка-Караго.

Третья артистка — г-жа Шевченко-Гамалій — талантъ весьма разносторонній: роли съ пѣніемъ (у артистки сильное, правда, нѣсколько уже тронутое soprano), роли ingenue и драматическихъ старухъ. Она одинаково хороша и въ роли Наталки-Полтавки, и въ роли Шкандыбыхи (Лымеривна) и старухи-матери («Катерына»). Къ сожалѣнію артисткѣ сильно вредитъ природный дефектъ рѣчи—весьма замѣтное пришепетываніе.—Г-жа Борисоглѣбская, хотя и уступаетъ единственной въ своемъ родѣ г-жѣ Затыркевичъ, тѣмъ не менѣе прекрасная комическая старуха. Особенно хороша она въ роляхъ Рындычки («По ревизіи), Лымерыхи и жены Бразолія («Вусы»). Въ послѣдней она буквально воскрешаетъ типъ старосвѣтской помѣщицы въ жанрѣ Гоголя. Очень недурна еще г-жа Смирнова, мастерски имитирующая малорусскій бабскій говоръ. Она выступаетъ и въ роляхъ старухъ, и въ роляхъ молодицъ. Особенно типична она въ роли старой дѣвы Маріи Уласовны («Вусы»).

Таковы главныя силы труппы г. Кропивницкаго. Въ заключеніе отмѣтимъ, что постановка пьесъ, несмотря на миніатюрные размѣры лѣтней сцены, всегда вполнѣ удовлетворительна.

С. Н.

Товарыство имени Ив. Котляревскаго во Львовѣ. Столѣтіе Энеиды Котляревскаго дало поводъ львовянамъ основать новое общество его имени, которое для усиленія своихъ средствъ приступило къ организаціи разныхъ любительскихъ представленій. Между прочимъ 21-го іюня общество устроило концертъ, въ составъ котораго вошли хоровыя пьесы—«Обжинкы» Ф. Коллессы и «Веснянки» М. Лисенка,—а также сыграна была одноактная пьеса И. Франка «Майстеръ Чирнякъ». По словамъ газ. «Русланъ» (№ 139), концертъ удался вполнѣ, какъ со стороны эстетической, такъ и матеріальной.

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова во Львовѣ. 26 іюня состоялся во Львовѣ вечеръ, устроенный академической молодежью въ память четвертой годовщины смерти М. П. Драгоманова. Въ рѣчахъ, произнесеныхъ здѣсь Е. Косевичемъ, Л. Цегильскимъ, М. Павликомъ и Т. Меленемъ, указывались громадныя заслуги для умственной жизни Украины-Руси, оказанныя М. Драгомановымъ въ теченіе его 30-лѣтней дѣятельности; данъ также былъ обзоръ его работъ, по фольклору исторіи и публицистикѣ, а равно охарактеризованы были основные взгляды его на общественную жизнь. Рѣчи перемежались хоровыми пьесами и игрою на фортепіано (Буковина, № 71).

Новое изданіе во Львовѣ. Недавно сталъ выходить во Львовѣ новый двухнедѣльный періодическій органъ «Будучнисть», подъ редакціей д-ра Охримовича. Задача издателей—«перетворыты несвидому своихъ задачъ этнографичну массу руского народу въ политычну націю». Достигнуть этой задачи «Будучнисть» думаетъ тѣмъ, что покажетъ народу національно-политическій идеалъ, во имя котораго масса должна трудиться для своего блага. До сихъ поръ—говоритъ редакція—Русины жили безъ всякихъ принциповъ, безъ руководящей общественной идеи, въ полной анархіи взглядовъ и стремленій, и не выработали у себя опредѣленнаго политическаго характера. Давая такой печальный историческій очеркъ галицко-русской общественности, редакція пока не указываетъ въ первомъ номерѣ своего опредѣленнаго идеала, но обѣщаетъ высказать его въ послѣдующихъ числахъ (Русланъ, № 126).

Въ 7846 № «Новорос. Телеграфъ» напечатана замѣтка подъ слѣд. заглавіемъ: **„Атласъ рѣки Днѣпра 1786 года.“** Предварительный комитетъ по устройству XI археол. съѣзда въ Кіевѣ сообщилъ одес. гор. публичной библіотекѣ, что во время имѣющаго быть съ 1 по 20-е августа текущаго года археологическаго съѣзда предположено устроить выставку географическихъ картъ, плановъ и атласовъ, касающихся Россіи, для того, чтобы предоставить членамъ возможность вынести цѣльное впечатлѣніе объ исторіи развитія картографическихъ представленій о русской землѣ до середины XVIII вѣка. Въ виду осуществленія этой задачи предварительный комитетъ по устройству

съѣзда обратился въ гор. публичную библіотеку съ просьбой выслать имѣющійся въ ней атласъ рѣки Днѣпра 1786 г. для помѣщенія его на выставкѣ при съѣздѣ. И. д. библіотекаря Л. М. де-Рибасъ сообщилъ объ этомъ гор. управѣ и съ своей стороны проситъ разрѣшенія на высылку атласа. Послѣдній представляетъ собой очень интересную и рѣдкую рукопись, состоящую изъ 75 отдѣльныхъ картъ. Заглавіе атласа слѣдующее: «Атласъ река Днѣпра. Сочиненный окуратный описи 1784 г. По именному Ея Императорскаго Величества указу отъ города Смоленска внизъ по теченію до впаденія въ лиманъ съ присоединеніемъ онаго и до Черпаго моря. При адмиралтейской кольлегіи ея чертежной 1786».

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ“. *4 выпуска (Москва, 1896—98 г).*

Въ изданія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ «Чтенія» съ 1896 г. печатается въ переводѣ съ арабскаго языка описаніе путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. Путешествіе это, описанное сыномъ Макарія архидіакономъ Павломъ на арабскомъ яз., переводится на русскій яз. проф. Лазаревскаго Института Муркосомъ. Арабскій текстъ описанія архидіакона Павла до сихъ поръ не изданъ, и проф. Муркосъ печатаетъ свой переводъ по тремъ рукописямъ, которыя находятся въ Россіи.

Переводъ проф. Муркоса является первымъ полнымъ переводомъ описанія путешествія патріарха Макарія на европейскій яз. Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія «Описаніе» Павла было переведено на англійскій яз. оріенталистомъ Бельфуромъ, но переводъ этотъ, по отзыву проф. Муркоса, не вездѣ точенъ и полонъ, хотя въ рукописи, которою пользовался Бельфуръ, «Описаніе» изложено въ нѣкоторыхъ частяхъ полнѣе, чѣмъ въ тѣхъ спискахъ, которые находятся въ распоряженіи проф. Муркоса. Переводъ Бельфура, точнѣе вольная передача «Описанія», не прошелъ незамѣченнымъ въ Россіи. Въ 1836 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» появились статьи Савельева, посвященныя преимущественно пересказу части англійскаго перевода «Описанія». Эти статьи были отмѣчены Ал.

Лазаревскимъ въ его «Указателѣ источниковъ для изученія Малороссійскаго края» съ характеристикою «Описанія», какъ источника, представляющаго довольно полную картину Малороссіи въ половинѣ XVII в. (вып. 1, стр. 40, № 173). Болѣе подробно, сравнительно съ статьями Савельева, изложено было содержаніе «Описанія» по переводу Бельфура Аболенскимъ въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Акад.» (1876 г. №№ 4, 7, 8 и 12). Статьи Савельева и Аболенскаго знакомили съ тѣми частями «Описанія», которыя представлялись имъ найболѣе важными, и не могли, конечно, замѣнить текста «Описанія». Первая попытка перевести «Описаніе» на русскій языкъ съ англійскаго принадлежитъ свящ. Благово, но онъ далеко не довелъ до конца начатый переводъ. Проф. Муркосъ, который, по словамъ его, уже давно занимается и интересуется «Описаніемъ» архидіакона Павла, въ 1895 году напечаталъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ этого описанія, а съ 1896 г. началъ печатать полный переводъ его въ «Чтен. Моск. Об. Истор. и Древн.» (Московское Общество издаетъ «Описаніе» и отдѣльно; вышли пока 4 выпуска).

«Описаніе» архидіакона Павла, теперь впервые появившееся въ переводѣ на русскій яз., поражаетъ читателя богатствомъ своего содержанія. Извѣстія иностранцевъ о Россіи занимаютъ видное мѣсто среди источниковъ русской исторіи, въ нихъ заключается много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о русской жизни, записанныхъ перомъ сторонняго наблюдателя; но свѣдѣнія эти не всегда отличаются полнотою и достовѣрностью, ибо иностранцамъ трудно было наблюдать русскую жизнь, потому что отъ нихъ или по возможности скрывали нѣкоторыя стороны ея, или представляли не въ дѣйствительномъ видѣ. Только какой либо случай могъ дать иностранцу возможность увидѣть не только то, что ему показывали, говорить не съ тѣми лицами, которыхъ къ нему приставили. Иноземецъ архидіаконъ Павелъ находился въ иномъ положеніи: его наблюденіямъ была доступна не только улица, не только тѣ лица, которыхъ онъ видѣлъ на ней или съ которыми имѣлъ дѣло. Павелъ наблюдалъ русскую жизнь и въ царскомъ дворцѣ, и въ патріаршихъ палатахъ, и въ боярскихъ домахъ, и въ церкви, и въ монастырѣ:—всюду онъ со своимъ патріархомъ были желанными гостями, на нихъ не смотрѣли, какъ на соглядатаевъ. Такое исключительное положеніе архидіакона Павла, дававшее ему возможность наблюдать русскую жизнь такъ широко, какъ то не

удавалось ни одному изъ иноземцевъ—иновѣрцевъ, отразилось на содержаніи его «Описанія»: по богатству, полнотѣ и занимательности своего содержанія оно едва-ли не выше всѣхъ записокъ иностранцевъ о Россіи. «Описаніе» архид. Павла въ этомъ отношеніи превосходитъ мемуары архіепископа Елассонскаго Арсенія, прибывшаго въ Россію въ 1586 г. и оставшагося въ Москвѣ съ титуломъ архіепископа архангельскаго, обнимающіе собою время отъ вступленія на царство Θеодора Іоанновича до восшествія на престолъ Михаила Θеодоровича Романова. (Мемуары эти открыты въ одномъ изъ греческихъ трапезунтскихъ монастырей проф. Дмитріевскимъ. Содержаніе ихъ изложено имъ же въ «Труд. Кіевск. Дух. Ак.» 1898 г. № 1 и слѣд.).

Авторъ Описанія путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію—архидіаконъ Павелъ, сынъ Макарія, дважды посѣтившаго Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ первый разъ Макарій выѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій въ 1652 г., сопутствуемый сыномъ своимъ архидіакономъ Павломъ, который описалъ это путешествіе. Во второй разъ Макарій пріѣзжалъ въ Москву по приглашенію Алексѣя Михайловича для суда надъ патріархомъ Никономъ. Архидіаконъ Павелъ описалъ свое и отца своего путешествіе, побуждаемый къ тому, по его словамъ, однимъ изъ друзей, который еще предъ началомъ путешествія неоднократно убѣждалъ его вести дневникъ своего странствованія по чужимъ землямъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ. Такъ какъ Павелъ, по его признанію, въ дѣтствѣ любилъ историческое чтеніе, то и желаніе его друга нашло въ немъ откликъ: онъ «особенно углубился въ свою работу, прилагая къ ней всѣ старанія по мѣрѣ силъ своихъ, собирая, что только могъ собирать». (Вып. I, стр. 2 и 3. М. 1896).

Личность Павла не остается темною для читающаго его «Описаніе». Отличительныя черты нашего автора—правдивость и любознательность. Читатель не рискуетъ быть обманутымъ Павломъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повѣря ему, онъ только обманется вмѣстѣ съ нимъ. Правдивый въ сообщеніяхъ о другихъ, Павелъ не заботится о томъ, чтобы выставить патріарха своего и себя съ спутниками въ лучшемъ видѣ. Московское благочестіе его и спутниковъ его одолѣло, и онъ откровенно сознается, что продолжительныя стоянія въ церквахъ, особенно зимою, и строгіе посты были для него и спутниковъ его непривычными и крайне тяжелыми. «Богъ Свидѣтель», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего «Описанія», «что мы вели

себя среди нихъ (въ Коломнѣ) какъ святые, какъ умершіе (для міра), отказавшись отъ всякихъ радостей, веселья и шутокъ, въ совершеннѣйшей нравственности, *хотя по нуждѣ, а не добровольно*» (Вып. II, стр. 188). Описывая сильную смертность отъ моровой язвы въ Коломнѣ, говоря о томъ страхѣ, въ которомъ находился онъ и его спутники, ежечасно ожидая смерти, Павелъ жалуется, что у нихъ не было «даже вина, чтобы прогнать отъ себя грусть и великій страхъ» (ibid. стр. 172). Повѣствуя о пораженіи молдавскаго господаря Василія Лупула, изгнаннаго изъ Яссъ, Павелъ откровенно скорбитъ о тѣхъ подаркахъ, которые были даны его отцомъ Василію, въ бытность послѣдняго господаремъ, въ чаяніи получить за то немалую пользу. „Подарки, говоритъ онъ, взятые нами для нихъ (Василія и его вельможъ) и стоившіе намъ нѣсколько сотъ піастровъ, теперь были брошены напрасно и безцѣльно. Василій обѣщалъ нашему владыкѣ патріарху уплатить всѣ его долги и издержки.... Также и отъ вельможъ мы ожидали большихъ суммъ, но теперь все было въ конецъ потеряно» (I, 101).

Павелъ записываетъ то, что видѣлъ и узнавалъ путемъ разспросовъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія онъ добылъ чрезъ своего отца, который по его порученію разспрашивалъ патріарха Никона, нѣкоторыя чрезъ своихъ знакомыхъ. Проникъ онъ даже въ посольскій приказъ, благодаря случаю (его пригласили для перевода грамоты къ царю отъ персидскаго шаха, которую онъ тайкомъ скопировалъ для себя, по его выраженію, «какъ воръ»), и, пользуясь тѣмъ, что переводчикъ турецкаго языка, служившій въ приказѣ, былъ его пріятелемъ, тайно досталъ дѣла съ грамотами отъ турецкаго султана Мурада къ Михаилу Θеодоровичу, ознакомился съ ихъ содержаніемъ и обратилъ вниманіе на то, что султанъ вопреки обычаю мусульманскихъ государей не величать христіанскихъ государей такими титулами, какіе они приписываютъ себѣ, называлъ Михаила Θеодоровича царемъ (IV, стр. 144 и 145).

Изъ «Описанія» видно, что Павелъ былъ умный и любознательный наблюдатель, умѣвшій живо и интересно изложить плодъ своихъ наблюдателей.

Первый выпускъ «Описанія» Павла посвященъ изложенію видѣннаго и слышаннаго имъ въ Константинополѣ, Молдавіи и Валахіи. Время пребыванія Павла и патріарха Макарія въ Молдавіи—1653 годъ—совпадало съ походами туда Тимоѳея Хмельницкаго, женатаго

на дочери господаря Молдавіи Василія Лупула, который былъ лишенъ государства великимъ логоѳетомъ своимъ Стефаномъ и бѣжалъ изъ Молдавіи. На помощь тестю противъ узурпатора явился Тимоѳей съ казаками и нанесъ войскамъ Стефана пораженіе подъ Яссами. Павелъ былъ свидѣтелемъ этой битвы: онъ наблюдалъ за нею съ вершины колокольни, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ, привѣтствовалъ Тимоѳея, побѣдителемъ вступившаго въ Яссы. Казаки, которыхъ тутъ впервые увидѣлъ Павелъ, заинтересовали его на столько, что онъ собралъ свѣдѣнія о способахъ веденія ими войнъ, объ ихъ образѣ жизни во время походовъ (92 стр.).

Возвративъ господарство своему тестю, Тимоѳей отправился на завоеваніе Валахіи, куда вскорѣ двинулся и тесть его. Павелъ былъ свидѣтелемъ отправленія въ походъ Тимоѳея и возвращенія его послѣ пораженія въ Валахіи. Этотъ походъ Тимоѳея разсказанъ Павломъ по тѣмъ слухамъ, которые доходили до него (стр. 95 и слѣд.).

Также по слухамъ говоритъ Павелъ объ оборонѣ крѣпости Сочавы, гдѣ заперлась теща Тимоѳея, о смерти послѣдняго во время защиты Сочавы. При этомъ Павелъ описываетъ доблесть и ловкость Тимоѳея, проявленныя имъ при отраженіи враговъ отъ Сочавы (стр. 106 и слѣд.). Изъ этого мѣста «Описанія» Павла заимствовалъ Костомаровъ нѣкоторыя черты мужества Тимоѳея Хмельницкаго («Богданъ Хмельницкій», изд. 4-я т. I. стр. 106).

Своимъ разсказомъ о смерти Тимоѳея, происшедшей отъ раны въ голень, Павелъ подтверждаетъ то изъ разнообразныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ кончины его, по которому онъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда сидѣлъ въ своей палаткѣ и пилъ вино (стр. 107). Высказывая сожалѣніе о смерти Тимоѳея, Павелъ передаетъ слѣд. его слова, сказанныя имъ во время перваго похода въ Яссы: «я пришелъ, говорилъ Тимоѳей патріарху Макарію, не только для того, чтобы отвоевать тронъ моего тестя, но чтобы избавить Великую Церковь отъ рукъ враговъ. Читатель пойметъ его слова», заключаетъ Павелъ (стр. 108).

Значительная часть 2-го выпуска «Описанія» посвящена описанію Малороссіи. Въ этомъ выпускѣ находится подробное описаніе великой церкви Кіево-Печерской Лавры, представляющее большую важность потому, что она является единственнымъ описаніемъ этой церкви до 1718 г., когда пожаръ уничтожилъ её и погибли тѣ остатки древности, которые видѣлъ и описалъ Павелъ. Это описаніе

Печерскаго монастыря, опущенное Бельфуромъ въ его англійскомъ переводѣ, дѣлается теперь только извѣстнымъ, благодаря полному переводу проф. Муркоса (стр. 46 и слѣд).—Впервые также переводъ проф. Муркоса представилъ подробное описаніе знаменитыхъ мозаикъ Софійскаго собора, сдѣланное Павломъ и опущенное въ переводѣ Бельфура (стр. 69 и слѣд.).

Благочестіе жителей Украины поразило Павла и спутниковъ его въ первомъ пограничномъ городѣ Рашковѣ. «Представь себѣ, обращается Павелъ къ читателю, они (малорусcы) стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, безпрестанно кладутъ земные поклоны и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти. Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе. О Боже, Боже!» восклицаетъ представитель монашествующаго православнаго Востока, служившаго для Россіи образцомъ благочестія и подвижничества, «какъ долго тянутся у нихъ молитвы, пѣніе и литургія!» (стр. 2-я).

Не только на храмы, убранство ихъ, службы въ нихъ, благочестіе населенія обращалъ вниманіе Павелъ. Уже на первыхъ страницахъ своего описанія Украины Павелъ говоритъ о распространеніи грамотности въ населеніи. «Начиная съ этого города (Рашкова), повѣствуетъ Павелъ, и по всей землѣ русскихъ, то-есть казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большенство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами» (ibid.).

И въ другомъ мѣстѣ своего «Описанія» Павелъ отмѣчаетъ, что въ землѣ казаковъ, какъ называетъ онъ Малороссію, всѣ дѣти умѣютъ читать, даже сироты» (стр. 15).

Помѣщались сироты, вмѣстѣ съ бѣднякамн, въ устроенныхъ для нихъ жилищахъ, которыя, по словамъ Павла, были по всей странѣ казаковъ въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ..., «при концѣ мостовъ или внутри города»... (стр. 94). Средства къ своему существованію сироты получали отъ щедротъ имущихъ слѣдующимъ образомъ: «въ теченіе всего года, говоритъ Павелъ, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ пріятнымъ,

восхищающимъ душу напѣвомъ; ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстояніи. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома (гдѣ пѣли) милостыню деньгами, хлѣбомъ, кушаньемъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія, пока они не кончатъ ученья. Вотъ причина, почему большинство изъ нихъ грамотно» (стр. 2). Посѣщая малороссійскіе монастыри, Павелъ обращалъ вниманіе не только на церковное благолѣпіе: его интересовала степень образованія монашествующихъ. Восторгаясь напѣвомъ и голосами монахинь Вознесенскаго монастыря, Павелъ отмѣчаетъ, что большинство монахинь этого монастыря происходило изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, и находившіяся тамъ дѣвицы умѣли не только читать, но были знакомы съ философіей, логикой и занимались сочиненіями» (стр. 58). Дѣвицы эти, по словамъ Павла, воспитывались для монашества (стр. 59).

Относительно настоятелей кіевскихъ монастырей Павелъ говоритъ, что среди нихъ были «люди ученые, законовѣды, ораторы, знавшіе логику и философію и занимавшіеся глубокими вопросами» (стр. 65).

Былъ Павелъ и въ типографіи кіевскаго Печерскаго монастыря. Вотъ что сообщаетъ онъ въ своемъ «Описаніи» объ этой типографіи и объ ея дѣятельности: «близь великой церкви есть превосходный, знаменитый печатный домъ, служащій для этой страны. Изъ него выходятъ всѣ ихъ церковныя книги удивительной печатью разнаго вида и цвѣта, а также рисунки на большихъ листахъ, примѣчательности странъ, иконы святыхъ, ученыя изслѣдованія и пр.» (стр. 59).

Въ этой типографіи, говоритъ Павелъ, «мы напечатали, по обычаю патріарховъ, множество разрѣшительныхъ грамотъ съ именемъ нашего патріарха на ихъ языкѣ красными буквами и съ изображеніемъ св. ап. Петра. Грамоты были трехъ родовъ: въ цѣлый листъ для вельможъ, средніе—для народа и маленькія—для женщинъ» (ibid). О раздачѣ этихъ грамотъ въ Кіевѣ Павелъ говоритъ въ описаніи обратнаго пути чрезъ Кіевъ изъ Москвы. «При звонѣ всѣхъ колоколовъ, повѣствуетъ онъ, нашъ владыка («патріархъ Макарій) отправился въ своей каретѣ въ соборъ (Софійскій), помолиться въ немъ на прощанье. Сюда стеклись всѣ жители города (Кіева), и онъ прочелъ надъ ними разрѣшительныя молитвы и благословилъ ихъ, ибо всѣ здѣсь имѣютъ великую вѣру къ патріархамъ и ихъ разрѣ-

шительнымъ грамотамъ, и никто изъ нихъ, ни вельможи, ни священники мірскіе и монашествующіе, ни молодыя и старыя женщины, ни дѣвицы, ни даже маленькіе мальчики, никто не преминулъ придти, съ его общаго разрѣшенія, къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ помолился надъ ними и благословилъ ихъ, и чтобы получить отъ него разрѣшительную грамоту, такъ что мы дивились на ихъ набожность, почтеніе и смиреніе. Нѣкоторыя женщины, у коихъ мужья были пьяницы и маловѣры, обнаруживали заботу объ ихъ душѣ, беря разрѣшительныя грамоты не только для себя, но и для своихъ мужей, ибо считали такой даръ величайшимъ и драгоцѣннѣйшимъ. Что можетъ превзойти столь прекрасныя религіозныя чувства, заключаетъ чаетъ Павелъ, которыя свойственны не только кіевскимъ жителямъ, но, по истинѣ, преобладаютъ во всякомъ городѣ и селеніи, обитаемомъ казаками?» (IV вып., стр. 186). Павелъ объясняетъ, почему въ Малороссіи придавали такое значеніе разрѣшительнымъ грамотамъ патріарха Макарія: «вся эта страна до Московіи (Малороссія) твердо вѣруетъ, что патріархъ Антіохійскій есть обладатель власти вязать и рѣшить, что онъ—наслѣдникъ апостола Петра, коему одному поручилъ Господь Христосъ вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ, и что онъ древнѣйшій изъ патріарховъ. Отъ него они брали листы отпущенія грѣховъ съ великою вѣрою и съ полнымъ упованіемъ" (вып. II, стр. 65). Такіе же листы отпущенія грѣховъ раздавались и въ Москвѣ. «При прощаніи царь, говоритъ Павелъ, попросилъ у нашего владыки патріарха разрѣшительныхъ грамотъ изъ тѣхъ, которыя мы напечатали въ Кіевѣ по-русски, и велѣлъ ему раздавать ихъ государственнымъ сановникамъ, что и было сдѣлано. Что касается царя, то я отправился (къ нему), взявъ для него девять грамотъ, на которыхъ написалъ золотомъ имена его, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ его; а что касается вельможъ, то, по приказанію царя, я обошелъ ихъ дома, въ сопровожденіи переводчика, и всѣмъ имъ роздалъ грамоты» (вып. IV, стр. 158).

Церковное пѣніе въ Малороссіи очень понравилось Павлу; о немъ онъ вспоминаетъ въ Коломнѣ, сравнивая его съ московскимъ пѣніемъ. «Пѣніе казаковъ, передаетъ Павелъ свое впечатлѣніе, радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ-бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (московитовъ) пѣніе идетъ безъ обученія, какое случится,

все равно: они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ—грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ. Они насмѣхаются надъ казаками за ихъ напѣвы, говоря, что это напѣвы франковъ и ляховъ, которые имъ извѣстны» (вып. II, стр. 165). Павелъ, такъ много мѣста въ своемъ «Описаніи» удѣляющій изображенію церковнаго благолѣпія въ Россіи, говоритъ и о церковной живописи. Восторгаясь изображеніемъ Богоматери, которые онъ видѣлъ въ церкви во имя свв. Антонія и Θеодосія Печерскихъ въ Васильковѣ, Павелъ сообщаетъ слѣдующее о малорусскихъ живописцахъ: «казацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ мы видѣли это на портретахъ Θеофана, патріарха іерусалимскаго и другихъ» (ibid. стр. 41). Въ другомъ мѣстѣ своего труда, въ описаніи Кіева, Павелъ говоритъ, что въ этомъ городѣ «среди изображеній казацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они естя» (ibid. стр. 76) Павелъ, подробно описывающій церкви въ Украйнѣ, отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ видѣлъ органы (ibid. стр. 22 и 27).

Сообщая много любопытнаго для бытовой исторіи Украины, Павелъ передаетъ слышанное имъ о борьбѣ ея съ поляками, говоритъ о Богданѣ Хмельницкомъ, котораго онъ называетъ «Хмель», и котораго видѣлъ нѣсколько разъ, присутствуя при свиданіяхъ его съ патріархомъ Макаріемъ. Павелъ записалъ слышанное имъ объясненіе фамиліи Хмельницкаго отъ слова хмель. «Сами ляхи назвали его Хмелемъ, а слово «Хмель» у нихъ значитъ: ловкій. Такъ его назвалъ край. Они примѣнили къ нему прозвище «Хмель», по имени растенія, которое у нихъ произростаетъ; оно похоже на фасоль цвѣтами и листьями, но вьется по деревьямъ подобно *лефляфэ*» (названіе вьющаго растенія) (вып. II, стр. 20 и 6). Павелъ дѣлиться съ читателемъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ Богданъ Хмельницкій: «этотъ Хмель, говоритъ онъ, мужъ преклонныхъ лѣтъ, но въ изобиліи надѣленъ дарами счастія: безхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющійся отъ людей, всѣми дѣлами занимается

лично, умѣренъ въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ, подражая въ образѣ жизни великому изъ царей, Василію Македонянину, какъ о немъ повѣствуетъ исторія. Всякій, кто увидитъ его, подивится на него и скажетъ: «такъ вотъ онъ, этотъ Хмель, коего слава и имя разнеслись по всему міру». Какъ намъ передавали, во франкскихъ земляхъ сочиняли въ похвалу ему поэмы и оды на его походы, войны съ врагами вѣры и завоеванія. Пусть его наружность невзрачна, но съ нимъ Богъ—а это великая вещь» (ibid., стр. 34).

Любознательный и наблюдательный Павелъ, собиравшій свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ Украйны, обратившій вниманіе на занятія жителей этой страны, ихъ благосостояніе, внѣшній видъ, въ одномъ мѣстѣ своего описанія Украйны счелъ необходимымъ увѣрить читателя въ своей добросовѣстности: «эти свѣдѣнія о Хмелѣ и казакахъ, говоритъ онъ, кои мы передали подробно, старательно и въ точномъ изложеніи, послѣ многихъ распросовъ и провѣрки, я собралъ съ трудомъ и утомленіемъ, удостовѣряясь въ ихъ правдивости. Сколько ночей я просиживалъ надъ записываніемъ, не заботясь объ отдыхѣ!» (ibid. стр. 36).

Украйна не была конечною цѣлью путешествія патріарха Макарія, онъ стремился въ Москву. Описывая вступленіе своего патріарха въ предѣлы Московскаго государства чрезъ Путивль, Павелъ обращается къ читателю съ слѣд. словами: «мы вступили во вторыя врата борьбы, пота, трудовъ и пощенія, ибо всѣ въ этой странѣ, отъ міранъ до монаховъ, ѣдятъ только разъ въ день, хотя бы это было лѣтомъ, и выходятъ отъ церковныхъ службъ всегда не ранѣе, какъ около восьмого часа (около 2 ч. пополудни), иногда получасомъ раньше или позже. Во всѣхъ церквахъ ихъ совершенно нѣтъ сидѣній. Послѣ обѣдни читаютъ девятый часъ, причемъ всѣ міряне стоятъ, какъ статуи, молча, тихо, дѣлая безпрерывно земные поклоны, ибо они привычны къ тому, не скучаютъ и не ропщутъ. Находясь среди нихъ, мы приходили въ изумленіе. Мы выходили изъ церкви, едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя.... Что касается насъ, то, какъ намъ совѣтовали, учили и предостерегали насъ друзья, которые уже бывали въ этой странѣ и знали, каковъ нравъ у жителей, мы волей-неволей къ нимъ приноравливались и что они дѣлали, тому подражали и мы. Свѣдущіе люди намъ говорили, что если кто желаетъ сократить свою жизнь на пятнадцать лѣтъ, пусть ѣдетъ въ страну московитовъ

и живетъ среди нихъ, какъ подвижникъ [illegible] ляя постоянное воздержаніи и пощеніе, з [illegible] чтеніемъ (молитвъ) и [illegible] авая въ полночь. Онъ долженъ упразднить шутки, смѣхъ и развязность (и отказаться отъ употребленія опіума), ибо московиты ставятъ надсмотрщиковъ при архіереяхъ и при монастыряхъ и подсматриваютъ за всѣми, сюда пріѣзжающими, нощно и денно, сквозь дверныя щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно въ смиреніи молчаніи, постѣ и молитвѣ, или же пьянствуютъ, забавляются игрой, шутятъ, насмѣхаются или бранятся» (ibid. стр. 100 и 101). Такіе разсказы друзей Павла и спутниковъ его объ отношеніи въ предѣлахъ Московскаго государства къ преставителямъ православнаго Востока, устрашили свиту патріарха Макарія:... «и мы были въ страхѣ», говоритъ Павелъ. Но мы непрестанно испрашиваемъ у Бога нашего помощи и терпѣнія до конца, успокоенія и исполненія того, чего мы ищемъ на пути его, да не погибнутъ втунѣ наши труды и злополучія, да даруетъ онъ намъ возможность уплатить наши долги съ процентами, да не введетъ Онъ въ бѣды и долги и не дастъ ему испытать тѣ страхи и и ужасы, коихъ мы были свидѣтелями, да не удалитъ Онъ никого на чужбину отъ его города, семейства и племени, гдѣ и черствый хлѣбъ съ водой кажется ему всего слащe!» (ibid. стр. 102).

Въ Коломнѣ патріархъ Макарій былъ задержанъ вслѣдствіе моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Этою остановкою воспользовался Павелъ для своихъ наблюденій надъ жизнью русскихъ. Все имъ видѣнное и слышанное, что казалось ему интереснымъ, внесъ онъ въ свое «Описаніе»: тутъ мы читаемъ о недовѣрчивомъ отношеніи въ предѣлахъ московскаго государства къ представителямъ православнаго Востока и о причинахъ такого отношенія, и о холодахъ зимнихъ, и о базарахъ, о ловлѣ рыбы, о способѣ хранить продукты, о тульскихъ желѣзныхъ заводахъ и т. д.

Въ началѣ февраля 1655 г. патріархъ Макарій, получивъ приглашеніе отъ царя, отправился въ Москву. Тутъ-то, восклицаетъ Павелъ, вступили мы на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній, на путь самообузданія, совершенства и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго или дурного, доносили царю и патріарху. Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нужлѣ, и про-

тивъ желанія вели себя по образу жизни святыхъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ! (вып. III, стр. 3). Такое желаніе Павла и спутниковъ его, возникшее у нихъ лишь только они испробовали тотъ образъ жизни въ Москвѣ, который должны были вести, исполнилось не скоро. Волѣе года патріархъ Макарій и пріѣхавшіе съ нимъ прожили въ Москвѣ, благодаря чему изъ подъ пера Павла вышло прекрасное описаніе Москвы, ея храмовъ, монастырей, богослуженій и религіозныхъ обрядовъ, отношенія патріарха Никона къ иновѣрцамъ, пріемовъ царемъ иноземныхъ пословъ, торговли въ Москвѣ и т. д. Драгоцѣнныя данныя для русскаго религіознаго быта, въ обиліи находящіеся въ «Описаніи» Павла, были оцѣнены по достоинству Л. П. Рущанскимъ, который воспользовался ими въ своемъ трудѣ: «Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв.». (Чтеніе Моск. Об. Ис. и Др., 1871 г. кн. 3-я и отдѣльно).

Чрезвычайно цѣнныя извѣстія для характеристики царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона находимъ въ трудѣ Павла. Преосв. Макарій въ XII т. своей «Исторіи Русской Церкви» дѣлалъ цѣлыя выписки изъ англійскаго перевода Павлова описанія, говоря о патріархѣ Никонѣ, объ исправленіи имъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ при содѣйствіи антіохійскаго патріарха Макарія, объ отношеніяхъ царя къ Никону и Никона къ царю, объ отношеніи Никона къ духовенству, къ боярамъ. Властный характеръ патріарха Никона превосходно обрисовывается Павломъ; читающему тѣ многочисленныя страницы «Описанія», гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Никона къ царю, вельможамъ, яснымъ становится, что столкновеніе патріарха съ царемъ было неизбѣжно (вып. III и IV passim), Въ «Описаніи» Павла находится одна черта вліянія Никона не только на царя, но и на царицу. «Именно этотъ патріархъ, говоритъ Павелъ о Никонѣ, убѣдилъ царицу сходить въ Соборъ (Успенскій въ Кремлѣ) и устроилъ для нея особый тронъ; въ прежне же время царицы не имѣли обыкновенія приходить въ Соборъ днемъ, а только ночью. Когда царица сошла изъ своего дворца, стрѣльцы разогнали народъ съ двухъ сторонъ. Впереди нея шли всѣ жены бояръ попарно..... За боярынями вошла царица, которую вела за правую руку ея мать, а за лѣвую сестра..... Прочія служанки и дѣвушки шли позади нея... Пѣвчіе пропѣли царицѣ многолѣтіе. Помолившись, она стала на своемъ тронѣ, и съ правой стороны отъ нея опустили занавѣсъ, что-

бы народъ не могъ ее видѣть. Отецъ и дядя царицы стали по близости, а всѣ жены бояръ и служанки стали слѣва, подлѣ сѣверныхъ дверей церкви, и опустили за собою шелковую занавѣску отъ колонны до стѣны, чтобы никто ихъ не видѣлъ.... (вып. IV, стр. 103).

Сообщаемое Павломъ о патріархѣ Никонѣ извѣстно было до появленія труда проф. Муркова изъ перевода Бельфура, но нѣкоторыя данныя, характеризующія царя Алексѣя Михайловича, дѣлаются извѣстными, благодаря переводу проф. Муркова. Таково, напр., сообщаемое Павломъ о царѣ въ роли уставщика въ подмосковномъ Саввиномъ монастырѣ. «Кончили службу, говоритъ Павелъ, и чтецъ началъ первое чтеніе изъ житія святого, сказавъ по обычномъ началѣ: «благослови, отче» какъ обыкновенно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: *«што кафори, мужикъ бл...нъ с...* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: «мужикъ, бл...нъ сынъ», т. е. крестьянинъ, безумный, а слова *што кафори* значитъ «что ты говоришь»): *благослофи, отче? и тутъ есть батріархъ; скажи, благослофи фладыко»*, т. е. «зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ; скажи благослови владыко». Когда началось чтеніе, царь велѣлъ всѣмъ присутствующимъ сѣсть. Отъ начала до конца службы онъ училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «читайте то-то, пойте такой-то канонъ, такой-то ирмосъ, такой-то тропарь, такимъ-то гласомъ». Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью, не желая, чтобы они ошибались въ присутствіи нашего владыки патріарха. Словомъ, онъ былъ какъ бы типикаріемъ, т. е. учителемъ типикона (уставщикомъ), обходя и уча монаховъ. Онъ зажигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ» (вып. IV, стр. 126).

Интересенъ разсказъ Павла о посѣщеніи царемъ, патріархомъ Макаріемъ и нѣкоторыми изъ его свиты больницы въ этомъ монастырѣ, гдѣ находились больные и разслабленные монахи. «Войдя (въ больницу), передаетъ Павелъ, мы отъ сильнаго, отвратительнаго и зловоннаго запаха не могли оставаться въ этомъ помѣщеніи, ни смотрѣть на больныхъ; царь же просилъ нашего учителя прочесть надъ ними молитвы, дабы они исцѣлились, а по прочтеніи молитвы благословить ихъ. Всякій разъ какъ нашъ владыка благословлялъ одного изъ нихъ, царь вслѣдъ за владыкой, подходилъ къ нему и—о удивле-

ніе!—цѣловалъ его въ голову, уста и руки, и такъ до послѣдняго. Мы были поражены изумленіемъ при видѣ такой святости и смиренія, тогда какъ намъ хотѣлось убѣжать отсюда» (ibid. Стр. 133 и слѣд.). Имѣютъ значеніе для характеристики Алексѣя Михайловича разсказы о вспыльчивости его, слышанные и записанные Павломъ. (Вып. Ш. стр. 95 и слѣд.). Любопытно сообщаемое Павломъ желаніе царя изгнать турокъ изъ порабощенныхъ ими православныхъ странъ (вып. VI, стр. 170 и слѣд.).

Стѣсненными чувствовали себя въ Москвѣ Павелъ и его спутники, нѣсколько разъ порывался патріархъ Макарій пуститься въ обратный путь изъ Москвы, но только послѣ почти двухлѣтняго пребыванія въ предѣлахъ Московскаго Государства отпущенъ былъ онъ царемъ. Велика была радость Павла и его спутниковъ, когда они выѣхали за предѣлы Московской Руси!... «Съ той минуты, говоритъ Павелъ какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, наши души вострепетали отъ радости и ликованія, сердца наши раскрылись и мы изливались въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи, замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей..... Напротивъ, страна казаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, а ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми въ родѣ насъ самыхъ». (ibid. стр. 185).

Въ концѣ IV-го выпуска «Путешествія патріарха Макарія» Павелъ описываетъ обратный путь чрезъ Украину (гл. XVII—XVIII). Въ V-мъ выпускѣ «путешествія» будетъ описано окончаніе путешествія патріарха Макарія.

«Описаніе» Павла и при поверхностномъ пересмотрѣ представляется драгоцѣннымъ источникомъ для русской исторіи, безъ него не обойдется ни одинъ изслѣдователь русской жизни въ XVII в., и вспомянетъ онъ неоднократно трудолюбиваго и любознательнаго Павла, вспомянетъ вмѣстѣ съ нимъ и проф. Муркова, благодаря которому «Описаніе» Павла стало извѣстно въ полномъ видѣ на русскомъ яз.

Савва.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ 11-й. *Харьковъ 1899. Стр. XXXV+24+360.*

Большая часть этого того тома Сборника посвящена фольклору. Одна работа Н. Ѳ. Сумцова «Розысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ» занимаетъ половину тома. Авторъ собралъ значительный матеріалъ, разгруппировалъ его по мотивамъ и постарался установить связь между различными мотивами. Къ труду г. Сумцова примыкаетъ потомъ и статья г. Пельтцера «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности», въ которой авторъ опредѣляетъ понятіе анекдота и его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти и баснѣ, говоритъ о вліяніи западно-европейскихъ литературныхъ памятниковъ и разсматриваетъ нѣкоторые русскіе анекдоты сравнительно съ аналогичными разсказами у другихъ народовъ. Весьма интересна основанная на архивномъ матеріалѣ небольшая статья проф Лебедева «Въѣздъ бѣлогородскихъ архіереевъ въ епархію и ѣздъ ихъ по епархіи». Какъ только получалось извѣстіе о назначеніи новаго архіерея, управители архіерейскаго дома или консисторія спѣшила послать новоназначенному владыкѣ привѣтствіе, съ выраженіемъ радости по поводу его назначенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинался «подъемный» денежный сборъ для снаряженія поѣзда. Сборъ этотъ достигалъ значительныхъ размѣровъ. Въ 1722 г. собрано было на подводы для пріѣзда преосв. Епифанія изъ Москвы въ епархію съ монастырей 116 р., съ податныхъ Черкасъ 40 р., да съ церквей по 25 к. съ каждой. Съѣстныхъ припасовъ и питій заготовлено было по этому случаю громадное количество, напримѣръ, одной муки ржаной ситной 20 четвертей, ветчины 42 полтня, вина простого 8 бочекъ по 20 ведеръ, да двойного 2 бочки по 20 ведеръ, и т. д. Въ другихъ случаяхъ размѣръ сборовъ достигалъ еще большихъ размѣровъ. Еще тягостнѣе были поѣздки архіереевъ для обозрѣнія епархіи. При такихъ поѣздкахъ, кромѣ сѣна и овса для лошадей и харча для людей, приходилось подносить архіерею и его многочисленной свитѣ подарки. 1732 г. по случаю пріѣзда архіерея въ Харьковъ издержано было: «поклонъ его пр-ву, когда братія приходила 15 р., вина волошскаго ведерко и три кварты—2 р. 95 к., осетрины 1 пудъ—70 к., отцу судіи 2 р., да вина 6 квартъ на 90 к., келейникамъ о. Андрею рубль, да Ивану рубль, келейнику Димитрію полтина, діакону полтина, духовнику Иларіону рубль, пѣвчимъ 1 р.,

подділаконамъ двумъ 1 р., конюшему—50 к., дѣтямъ боярскимъ 60 к., возницамъ 2 гривны, конюхамъ 10 алтынъ, поворамъ 70 к., архимандричьимъ діаконамъ 50 коп., келейникамъ по 20 к., кухарамъ гривна, подділакону Василію 50 к., куплено во дворъ архіерейскій для пѣвчихъ и дѣтей боярскихъ мяса и гусей на 1 р. 91 к., за подкованіе лошадей архіерейскихъ 35 к., калачей и бубликовъ 30 к., о. архидіакону поклону 2 р. да вина боченокъ 1 р. 15 к., келейникамъ его 20 алтынъ и боярскому сыну 5 к. Итого 33 р. 40 к.» Но иногда пріемы архіерея обходились еще дороже. Такъ, въ 1743 г. г. Изюмъ посѣтилъ занимавшій тогда бѣлгородскую каѳедру молдавскій митрополитъ Антоній Черновскій, которѣй «особенно любилъ лакомиться на счетъ епархіи», и это посѣщеніе обошлось мѣстному духовенству въ 114 р. 48. Деньги по тому времени громадныя. Немудрено, если духовенство смотрѣло на эти наѣзды, какъ «на нашествія татаръ, устремлявшихся на похищеніе».

Кромѣ указаныхъ статей въ разбираемомъ томѣ напечатана рѣчь проф. Е. К. Рѣдина, посвѣщенная памяти Ѳ. И. Буслаева и содержащая обзоръ трудовъ его по исторіи искусства и «Экстрактъ объ изнеможеніи слободскихъ полковъ», впрочемъ не законченный печатаньемъ.

Н. Т.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ послѣднемъ выпускѣ (XX) извѣстнаго нѣмецкаго журнала Archiv fur Slavische Philologie проф. Ягичъ, дѣлая обзоръ научнаго движенія Славянства преимущественно въ сферѣ лингвистики, исторіи литературы и этнографіи (Bibliograhfsche Ubersicht der slavischen Zeitschriftenphilologischen literaturglechichlichen und ethnodraphischen Jnhalts. B. XX, с. 624—638). далъ краткій образъ настоящаго пол-положенія украинско-русской науки. Вотъ его подлинные слова (ст. 628—629).

„Для разработки малорусскаго языка, литературы и этнографіи въ Россіи въ настоящее время почва не благодарная. Здѣсь страшатся малѣйшаго проявленія въ этомъ направленіи, какъ какого то опаснаго сепаратизма, забывая при этомъ, что насильное задавливаніе свободнаго развитія украинско-русской народности, существованія

которой вѣдь нельзя не признать, можетъ развить сначала неудовольствіе, а далѣе сепаратизмъ. Что возможно сдѣлать при данныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ для разработки малорусской народной индивидуальности, дѣлается въ журналѣ «Кіевская Старина», основанномъ въ 1882 году. Большая часть статей въ немъ этнографическаго, или литературно и культурно-историческаго содержанія; филологія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова мало фигурируетъ.

Въ то время, какъ этотъ журналъ издается на великорусскомъ языкѣ, въ Галиціи тѣ же работы печатаются на малорусскомъ, или, какъ обыкновенно говорятъ въ Австріи—русинскомъ языкѣ въ Научномъ Обществѣ «імени Шевченка», которое, благодаря энергичной работѣ галицкихъ Русиновъ и той моральной помощи, что понемного идетъ къ нимъ изъ Россіи,—обѣщаетъ со временемъ развиться въ русинскую академію наукъ. Всякій истинный другъ культурнаго развитія долженъ радоваться этому; я никогда не могъ понять, почему нѣкоторые слависты съ энтузіазмомъ слѣдятъ за прогрессомъ словаковъ, а, наоборотъ, Русинамъ не сочувствуютъ нисколько. Кто думаетъ, что эта мѣстная работа, тѣсно обмежованная границами языка, можетъ нанести вредъ великорусской литературѣ и наукѣ, тотъ понижаетъ значеніе и силу великорусской литературы. Выше упомянутое общество издаетъ начиная съ 1892 года во Львовѣ «Записки наукового товариства імени Шевченка». До 1896 года на обложкѣ писалось: «видавництво присьвячене науці й письменству україньско-русского народу». Редакторъ 1 тома былъ Др. Юл. Целевичъ, II—IV проф. Барвинскій, отъ V—и далѣ (до XXV)—проф. М. Грушевскій. Этотъ журналъ по своему содержанію преимущественно историческій и историко литературный, филологія по большей части стоитъ на второмъ планѣ. Изъ исторіи литературы слѣдуетъ упомянуть статьи Конисскаго (о Шевченкѣ), д-ра Франка (о Варлаамѣ и Іоасафѣ) и д—ра Колессы (сравнительныя польско-русинскія изслѣдованія). Исторіей отдаленнѣйшихъ временъ занимается проф. Грушевскій, а недавно—также Кордуба. Библіографія составляется старательно. Собственно филологія и здѣсь отходитъ на второй планъ.

Въ этомъ году общество расширило свою научную дѣятельность еще одной вновь начатой серіей: «збірник фільольогічноі секциі На-

укового товариства імени Шевченка» [1]). Первый томъ посвященъ біографіи Шевченка Ал. Кониссказо. Надѣюсь, что слѣдующіе томы дадутъ матеріалъ по грамматикѣ, лексикѣ или деалектологіи. Изданій древнихъ памятниковъ языка и литературы Общество также не упускаетъ изъ виду. Въ 1896 г. оно начало серію подъ латинскимъ заглавіемъ: Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarim (ruthenicarum). 1-ый томъ содержитъ богатое собраніе апокрифовъ ветхаго завѣта, составленъ трудами д-ра Ив. Франка. Съ точки зрѣнія языка не всѣ тексты могутъ быть отнесены къ ukraino-russica но это никому ничего не мѣшаетъ. Этнографія также входитъ въ кругъ занятій общества имени Шевченка; съ 1895 года издается посвященный ей «Етнографічный Збірник»,—уже вышло V томовъ. I томъ содержитъ преимущественно галицко-украинскія сказки, II лиринцкія пѣсни и преданія черноморскихъ козаковъ, а также этнографическіе матеріалы изъ жизни угорскихъ Русиновъ; III и IV наполнены матеріаламы изъ Угорской Руси».

Нѣмецк. иллюстрир. журналъ „Moderne Kunst“ помѣстилъ въ № 17 снимокъ съ новой картины извѣстнаго художника Іосифа Брандта подъ назв. «Ukrainiseher Kosaken-Hochzeitszug». (Свадьба украинскихъ козаковъ). Для большей удобопонятности приложена краткая замѣтка Георга Буссе. Здѣсь онъ объясняетъ территоріальное названіе Украины, упоминаетъ о Мазепѣ и его намѣреніи освободиться отъ Россіи, объ окончательномъ уничтоженіи автономіи Украины Екатериною II. Поясняетъ также вкратцѣ самый свадебный обрядъ. Хотя замѣтка и небольшая, однако она не лишена ошибокъ, такихъ напр. какъ: «Мазепа хотѣлъ избавиться отъ Россіи и присоединить Украину къ Польшѣ», или «послѣ Полтавской битвы Мазепа бѣжалъ въ Швецію, гдѣ погибъ, вѣроятно, отъ отравленія».

Въ «Подольск. Губ. Вѣд.» (№ 132 и 133) помѣщена статья, посвященная памяти Іоанна Гутенберга по поводу пятисотлѣтія книгопечатанія. Здѣсь между прочимъ въ № 133 удѣлено мѣсто истори-

[1]) Проф. Ягичъ писалъ это до полученія имъ еще двухъ вновь открытыхъ серій: 1 т. Збірника історично-фильософічноі секціі и I т. Етнольогічних матеріялов,—помѣченныхъ 1898 годомъ.

ческому очерку послѣдовательнаго развитія книгопечатанія и типографскаго искусства у славянъ: въ Польшѣ въ Чехіи, въ Черногоріи; но наиболѣе останавливается авторъ на книгопечатномъ дѣлѣ въ юго-западной Руси и въ Московскомъ государствѣ.

Въ Львовской газетѣ «Русланъ» въ цѣломъ рядѣ статей (№ 137—139; 141—143) ведется горячая полемика съ партіей москвофильской, поводомъ для чего послужила извѣстная брошюра О. Мончановскаго «Литературное и политическое украинофильство» [1]). Опровергая основное положеніе въ этой брошюрѣ, будто галичане не въ правѣ считать появленіе Энеиды Котляревскаго началомъ ихъ національнаго возрожденія, т. к. до 50-хъ годовъ никто въ Галичинѣ не зналъ о существованіи Энеиды,—авторъ статей въ Русланѣ очень обстоятельно показываетъ цѣлый рядъ невѣрностей фактическихъ, то умышленно, то неумышленно допущенныхъ г. Мончановскимъ.

Въ газ. «Югъ» (№ 377) напечатана статья *К. Колцуна* «Основаніе мѣстечка Новаго-Буга (Семеновка, Ново-Павловка, Куцая Балка) херсонскаго уѣзда». Мѣстечко это, въ настоящее время считающее до 15 т. душъ населенія, съ тремя церквами, съ почтово-телеграфной и нотаріальной конторами, со сберегательной кассой, съ агентствомъ орловскаго банка, съ учительской семинаріей,—ровно сто лѣтъ назадъ состояло изъ нѣсколькихъ хуторовъ, принадлежавшихъ зажиточнымъ малороссамъ и выходцамъ изъ Молдавіи. Названная статья г. Колцуна и даетъ краткій историческій очеркъ такого быстраго роста этого, теперь крупнаго, мѣстечка въ Новороссіи.

Въ виду предстоящей въ Кіевѣ торжественной закладки второго католическаго костела, газ. «Жизнь и Искусство» помѣстила довольно большую историческую справку (№№ 174 и 176) *В. Цѣховскаго* о католическихъ костелахъ въ Кіевѣ съ древнѣйшихъ временъ. Указавъ на постоянныя сношенія древняго Кіева и Польшей, авторъ говоритъ, что первыя извѣстія о построеніи католическаго костела въ Кіевѣ относятся къ началу XIII, о чемъ подробно разсказано у

---

[1]) См. объ этой брошюрѣ Кіевск. Стар. 1899 г. № 4.

извѣстнаго польскаго писателя XVI в. iезуита Скарги. По словамъ его, основателемъ этого костела былъ святой Яцекъ, принадлежавшiй къ ордену доминиканцевъ. Прибылъ онъ въ Кiевъ около 1230 года и вскорѣ построилъ на Оболони церковь во имя дѣвы Марiи. Вскорѣ послѣдовавшее татарское разоренiе Кiева положило конецъ и этому первому костелу. Нескоро послѣ подчиненiя юго-западн. Руси Литовскому княжеству, а именно черезъ 100 лѣтъ, доминиканцы опять появляются въ Кiевѣ и устраиваютъ, тоже на Оболони, деревянный костелъ. Только въ концѣ XVI вѣка создается каменный костелъ у подножiя Фроловской горы; зданiе этого костела существуетъ и понынѣ, служа церковiю духовной семинарiи. Затѣмъ, въ первой четверти 17 вѣка появляются въ Кiевѣ бернардины, которые основываютъ свой монастырь подъ горою, но точныхъ свѣдѣнiй, гдѣ именно существовалъ ихъ кляшторъ, не имѣется, равно какъ неизвѣстно гдѣ существовалъ костелъ iезуитовъ, появившихся въ Кiевѣ въ 1620 году. Извѣстно только, что во время войнъ Хмельницкаго они были разрушены, равно какъ и старый доминиканскiй костелъ, развалины котораго въ 1691 году переданы были, по ходатайству митроп. Варлаама Ясинскаго, для устройства въ немъ церкви св. Петра и Павла. Въ теченiе болѣе столѣтiя въ Кiевѣ костела не было, т. к. опять построенъ былъ новый костелъ уже въ царствованiе Екатерины 2-ой, когда, вслѣдствiе наплыва въ Кiевъ польскихъ торговыхъ людей и помѣщиковъ, разрѣшено было ксендзу Станиславу Стецкому собирать пожертвованiя на постройку костела въ Кiевѣ, который и былъ построенъ въ 1798 г. на Печерскѣ. Этотъ деревянный костелъ не могъ удовлетворить нуждамъ обширнаго польскаго населенiя города, вслѣдствiе чего въ 1814 году дворянство кiевской губернiи, желая ознаменовать водворенiе мира въ Европѣ, рѣшило производить сборы по 25 коп. съ каждой ревизской души на учрежденiе въ Кiевѣ новаго костела, для котораго и было отведено мѣсто подлѣ Михайловскаго монастыря. Но постройка его, по недостатку средствъ, затянулась надолго, такъ-что, благодаря только пожертвованiямъ помѣщика кiевской губ. Антона Савицкаго, костелъ этотъ былъ законченъ и освященъ 30-го августа 1842 года. Костелъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ.

Въ «Петерб. Вѣдом.» № 172 (27 іюня 1899 г.) Д. Л. Мордавцевъ въ ст. «Не угашайте духа» даетъ отвѣтъ на коррреспонденцію изъ Кіева въ «Нов. Врем.» (№ 8343) по поводу разрѣшенія Импер. москов. археологическихъ обществомъ кіевскому археологическому съѣзду чтеній и докладовъ и преній, между прочимъ, и на «галицко-украинскомъ языкѣ».

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Археологическая лѣтопись.

Въ настоящемъ номерѣ «Лѣтописи» мы ограничиваемся исполненіемъ обѣщанія, даннаго раньше, и помѣщаемъ снимки съ каменныхъ и глиняныхъ иконокъ княжеской эпохи, найденныхъ въ послѣднее время. Для полноты мы присоединили къ нимъ снимки съ нѣкоторыхъ другихъ иконокъ, раньше найденныхъ, но еще не изданныхъ. Текстъ къ таблицѣ составленъ однимъ изъ кіевскихъ собирателей древностей, которому мы и приносимъ нашу искреннюю благодарность.

Н. Б.

Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи.

Къ числу весьма любопытныхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи памятниковъ нашей великокняжеской старины слѣдуетъ отнести каменныя и глиняныя иконки, находимыя, хотя и очень рѣдко, на югѣ Россіи (до сихъ поръ пока лишь въ Кіевской губерніи). Чрезвычайная рѣдкость этихъ памятниковъ и отсутствіе ихъ даже въ наиболѣе обширныхъ и богатыхъ собраніяхъ дѣлали ихъ до сихъ поръ мало доступными для всесторонняго научнаго изслѣдованія, котораго они вполнѣ заслуживаютъ, являясь яркими выразителями религіозныхъ вѣрованій, искусства и письменности южнорусскаго люда XII—XIII вв. и представляя собою богатый матеріалъ для иконографическихъ, художественныхъ и палеографическихъ изысканій.

Каменныя и глиняныя иконки представляютъ каждая свой особый интересъ. Каменныя иконки выдѣлывались, каждая въ отдѣльности, мастерами специалистами, между которыми встрѣчались иногда (срв. на нашей таблицѣ №№ 1 и 3) истинные художники, и такимъ образомъ иконки эти являются уникатами, единичными произведеніями искусства. По свойству матеріала и по характеру работы онѣ и въ свое время должны были представлять значительную цѣнность и были доступны лишь для людей болѣе или менѣе зажиточныхъ. Иконки же глиняныя изготовлялись способомъ болѣе близкимъ къ фабричному, путемъ оттискиванія на сырой глинѣ заранѣе приготовленныхъ формъ, и были, очевидно, разсчитаны на болѣе обширный кругъ покупателей. A priori можно думать, что глиняныхъ иконокъ выдѣлывалось гораздо болѣе чѣмъ каменныхъ, но въ настоящее время онѣ встрѣчаются гораздо рѣже послѣднихъ. Въ то время какъ до насъ дошло нѣсколько прекрасно сохраненныхъ каменныхъ иконокъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ *ни одного* безукоризненно сохранившагося экземпляра глиняной иконки. Довольно значительные, сравнительно съ каменными иконками, размѣры и крайняя непрочность матеріала дѣлали ихъ очень неустойчивыми въ борьбѣ съ временемъ. Вообще до сихъ поръ извѣстна была только одна глиняная иконка, принадлежащая Кіевскому Церковно-Археологическому Музею и упоминаемая нами ниже. Хотя въ общемъ глиняныя иконки весьма значительно уступаютъ каменнымъ въ смыслѣ художественности, но за то являются чрезвычайно интересными въ бытовомъ отношеніи, какъ памятники чисто національнаго творчества.

Нѣкоторое число каменныхъ и одна глиняная иконка были изданы въ различныхъ археологическихъ трудахъ (см. ниже), но это далеко не исчерпываетъ всего матеріала, находящагося въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ г. Кіева. Это и побудило насъ издать на прилагаемой таблицѣ всѣ извѣстныя намъ каменныя и глиняныя иконки, остававшіяся или вовсе неизданными или изданными не вполнѣ, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ болѣе доступными для всесторонняго изученія.

Не вдаваясь засимъ въ дальнѣйшія подробности, мы переходимъ къ краткому описанію издаваемыхъ иконокъ.

№ 1. Небольшая (вышина 3, 6, ширина 2, 6 стм.) иконка изъ свѣтло-зеленаго сланца, изображающая «Невѣріе Ѳомы». Она представляетъ большой интересъ, потому что изображенія второстепен-

ныхъ евангельскихъ событій на нашихъ памятникахъ XII—XIII в. крайне рѣдки. Она подробно описана І. А. Хойновскимъ въ его трудѣ «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси». (Кіевъ. 1896 г., стр. 182—3), а потому мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что на ней слово «агіосъ» изображено съ твердымъ знакомъ (ъ) на концѣ, что несомнѣнно доказываетъ ея русское а не византійское происхожденіе, и слѣдовательно дѣлаетъ ее весьма цѣнною для исторіи древняго русскаго искусства. Найдена на городищѣ «Княжа Гора» у с. Пекарей, Черкасскаго уѣзда. (Находится въ собраніи І. А. Хойновскаго).

№ 2. Небольшая иконка изъ темно-сѣраго сланца, покрытая отъ времени бѣловатымъ налетомъ. Верхъ полукруглый. Вышина 3, ширина 2, 5 стм. На верхней части очевидно было ушко, отломанное еще въ глубокой древности и замѣненное тогда же двумя отверстіями, просверленными въ верхней части иконки. На лицевой сторонѣ находится изображеніе святителя съ приложенными къ груди руками (по всей вѣроятности св. Николая), обведенное по краю выпуклою рамкою. На оборотной сторонѣ, въ такой-же рамкѣ, изображенъ выпуклый равноконечный крестъ. Найдена осенью 1898 г. на городищѣ «Замковыще», близь с. Конончи, Черкасскаго уѣзда. (Въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 3. Иконка изъ темно-сѣраго, почти черного сланца, изображающая «Распятіе съ предстоящими». Она описана съ достаточною подробностью въ «Археологической лѣтописи» за май, почему мы и ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что она найдена въ мартѣ с. г. на городищѣ «Княжа Гора». (Находится въ собраніи Н. П Чернева).

№ 4. Верхняя часть каменной иконки, тонкой работы. На лицевой сторонѣ сохранилась голова ангела въ нимбѣ, верхняя часть праваго крыла и конецъ жезла. По всей вѣроятности на этой сторонѣ изображенъ былъ «Ангелъ Хранитель». На оборотной сторонѣ изображенъ крестъ, отъ котораго сохранилась только верхняя часть. Описаніе ея въ «Каталогѣ украин. древ.» В. В. Тарновскаго, стр. 8. Найдена на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 5. Фрагментъ довольно большой каменной иконки, отличающейся замѣчательно высокимъ рельефомъ и тонкостью работы. На одной сторонѣ ея изображенъ былъ во весь ростъ святой, пови-

димому въ одеждѣ ветхозавѣтныхъ священниковъ (св. Захарія?), а на другой—святой съ атрибутами архидіакона, т. е. съ кадиломъ и ладанницей въ рукахъ (св. Стефанъ или св. Лаврентій). Отстутствіе верхней части иконки, на которой находились головы святыхъ, а можетъ быть и надписи, не позволяетъ сдѣлать болѣе точное опредѣленіе. Описанъ въ «Каталогѣ украин. древностей» В. В. Тарновскаго на стр. 7. Найденъ на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 6. Верхняя половина средней величины (вышина сохранившейся части, безъ ушка, 3, 5, а ширина 3, 7 стм.) глиняной иконки, изображавшей святителя en face, отъ котораго сохранилась голова въ нимбѣ и плечи. По обѣимъ сторонамъ головы находится вдавленная вертикальная надпись, въ началѣ которой помѣщена буква А въ кругѣ (сокращеніе слова О АГІОС), а изъ остальныхъ буквъ съ трудомъ можно разобрать NH..ЛА... Очевидно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ изображеніемъ св. Николая Чудотворца. Найдена весною с. г. на городищѣ «Княжа Гора». (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 7. Небольшая (вышина 5, ширина 3, 5 стм.) иконка изъ сѣро-пепельнаго сланца съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой—св. Сисинія (та сторона этой любопытной и превосходно сохранившейся иконки, на которой изображенъ св. Николай, была уже издана (Н. Ѳ. Бѣляшевскій, «Раскопки на Княжей Горѣ въ 1891 г.» Таб. II фиг. 13 и В. В. Тарновскій, «Каталогъ украинскихъ древностей», Кіевъ, 1898, таб. I, фиг. 28, а описаніе ibid. стр. 7). Та-же сторона, гдѣ изображенъ св. Сисиній издается здѣсь впервые. Найдена на «Княжей Горѣ». (Находится въ собраніи В. В. Тарновскаго).

№ 8. Довольно большая (вышина 7, ширина 6 стм.) глиняная иконка съ полукруглымъ верхомъ. Иконка эта сильно пострадала отъ времени и правый нижній конецъ ея отбитъ. На ней изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ вправо, на конѣ, поражающій копьемъ змія. Передъ фигурою святого находятся двѣ выпуклыя буквы ГЕ-(оргій), а надъ ними, повидимому О (о АГІОС). Работа весьма посредственная. Иконка эта найдена зимою с. г. на городищѣ «Княжа Гора». На снимкѣ она нѣсколько уменьшена. (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

№ 9. Верхняя часть большой глиняной иконы съ закругленнымъ верхомъ, изображавшей «Распятіе съ предстоящими». Вышина сохранившейся части 7, а ширина 8, 5 стм. Работа грубоватая, но детальная и весьма характерная для XII—XIII в. На дошедшей до насъ части иконы сохранилась верхняя часть креста и головы Спасителя въ крестчатомъ нимбѣ, а также лѣвая рука его, пригвожденная ко кресту. На верхней перекладинѣ креста—обычная монограмма IC—XC. По сторонамъ этой перекладины находятся прекрасно сохранившіяся полуфигуры скорбящихъ Архангеловъ. За крыломъ лѣвой полуфигуры находится вертикальная сокращенная надпись «Михаилъ», а передъ правою полуфигурою—«такая-же надпись «Гавріилъ». Надписи эти, сдѣланныя вглубь (en creux), представляютъ значительный интересъ въ палеографическомъ отношеніи. Въ общемъ композиція этой иконы представляетъ собою большое сходство съ композиціею издаваемой здѣсь каменной иконки съ тѣмъ же сюжетомъ. Этотъ интереснѣйшій фрагментъ найденъ весною с. г. на городищѣ «Княжа Гора». На снимкѣ онъ нѣсколько уменьшенъ. (Находится въ собраніи Н. П. Чернева).

Независимо отъ вышеперечисленныхъ, въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ г. Кіева имѣются еще слѣдующія каменныя и глиняныя иконки: въ собраніи *В. В. Тарновскаго*: 1) Иконка изъ сѣраго сланца, изображающая св. Николая (Катал. Укр. древ., стр. 7, таб. I, фиг. 29); 2) Иконка изъ сѣраго сланца (неполная) съ изображеніемъ св. Георгія (Ibid. стр. 7, таб. I, фиг. 30);—обѣ съ «Княжей Горы»; въ собраніи *I. А. Хойновскаго*: 3) весьма небольшая иконка изъ сѣраго сланца, изображающая Спасителя; описана собственникомъ въ его «Крат. Арх. свѣд. о предкахъ Славянъ и Руси» на стр. 182; рисунокъ ея увеличенный и, къ сожалѣнію, весьма не точный, находится въ трудѣ того-же автора «Раскопки великокняжескаго двора древняго г. Кіева». Кіевъ. 1893 г. Таб. XIX, фиг. 80; наконецъ, *въ Церковно-Археологическомъ музеѣ* при Кіев. Дух. Академіи, находится довольно большая каменная иконка съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Николая и съ надписью «святый (а не «агіосъ», что заставляетъ отнести ее къ нѣсколько болѣе позднему времени) Никола», а на оборотной съ начатымъ и неоконченнымъ изображеніемъ св. Георгія на конѣ. Иконка эта подробно описана проф. Н. И. Петровымъ въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности» Н. А. Леопардова. Серія II, вып. 1-й, стр.

11; тамъ-же находятся и снимки съ нея—таб. III—IV, ф. 9. По слухамъ есть еще одна интересная каменная иконка въ собраніи В. Е. Гезе, но, къ сожалѣнію, мы не могли получить снимка съ нея для описанія и воспроизведенія. Изъ глиняныхъ иконокъ, за исключеніемъ издаваемыхъ нынѣ, существуетъ только одна съ изображеніемъ Богоматери, сильно поврежденная, и хранится въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіев. Дух. Академіи. Она подробно описана проф. Н. И. Петровымъ въ упомянутомъ выше выпускѣ «Сборника» Н. А. Леонардова и изображена тамъ-же на таб. III, фиг. 1.

Не смотря на крайне ограниченное число дошедшихъ до насъ каменныхъ и глиняныхъ иконокъ, въ нихъ, при внимательномъ изученіи, можно ясно различить четыре пошиба, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого, а именно:

а) Пошибъ чисто *византійскій* (см. №№ 1 и 5 нашей таблицы), отличающійся нѣкоторою сухостью рисунка, вычурностью, даже манерностью въ позахъ отдѣльныхъ фигуръ и обиліемъ мелкихъ складокъ на одеждахъ. Всѣ иконки этого пошиба замѣчательно тонкой работы и, если-бы не русскія надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ, смѣло могли быть приняты за произведенія византійскаго искусства.

б) Пошибъ *византійско-славянскій* (примѣръ: № 3 нашей таблицы и фрагментъ, изданный въ «Каталогѣ Украин. древн.» В. В. Тарновскаго, таб. I, фиг. 32), отличающійся тою-же, если не большею, тонкостью работы и суховатостью рисунка, но позы отдѣльныхъ фигуръ являются уже болѣе спокойными и естественными. Складокъ на одеждахъ сравнительно мало, но за то какъ эти одежды, такъ и другіе аксессуары (нимбы, кресты и пр.) почти сплошь отдѣланы тончайшимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ кружковъ, квадратиковъ и линій, весьма характернымъ для славянскихъ издѣлій, особенно изъ кости и янтаря.

в) Пошибъ *средній* (примѣры: №№ 2 и 8 нашей таблицы и въ «Каталогѣ украин. древностей» В. В. Тарновскаго, таб. I, фиг. 29 и 30). На иконкахъ этого пошиба рисунокъ болѣе простой и естественный, фигуры короче и шире, но нѣтъ той тонкости въ отдѣлкѣ деталей, которую мы видимъ въ первыхъ двухъ пошибахъ. Работа, въ художественномъ смыслѣ, болѣе посредственная.

г) Пошибъ *Грубый* (примѣры: №№ 6 и 9 нашей таблицы), отличающійся какою-то характерною грубостью и условностью, что съ особенною ясностью обнаруживается въ отдѣлкѣ волосъ. глазъ и

деталей одеждъ. Пошибъ этотъ даже въ типѣ лицъ носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то въ высшей степени своеобразнаго и національнаго.

Указанные нами четыре пошиба въ своей послѣдовательности даютъ намъ полную картину того, какъ традиціи византійскаго искусства, первоначально всецѣло господствовавшія въ русскомъ искусствѣ, постепенно изчезаютъ изъ него и даютъ мѣсто произведеніямъ, хотя на первыхъ порахъ и грубаго, но весьма характернаго и самобытнаго народнаго творчества.

Н. Ч.

Приготовленія къ Риздвяннимъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.—Хозяйки-украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Риздвянни святки, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охаятьця и прычепурытьця* [1]).

Къ этому празднику хозяйка непремѣнно вынесетъ изъ хаты все, что безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребени, дныщà мотовѝла, гребинкѝ, веретéна, мычкы, почѝнкы, клубкы* и т. д.); она разберетъ, и вынесетъ *верстàть* [2]), если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д., и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мущины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *мазання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ—какъ возлѣ нея *пичкатьця.* Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*цепурýхы*: тутъ и *черинь набывàють* (перекладываютъ пòдъ печи), если онъ *выбывся*; *шпарують* [3]) и *билять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *стéлю* (потолокъ), *пичъ, кòминъ, чéлюсти, пидпичча, прыпечкы* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ—*валькýють* (замазываютъ вывалившіяся или готовыя вываиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *вальками*); выводятъ красною или желтою глиною узоры

---

[1]) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

[2]) Ткацкій станокъ.

[3]) Замазываютъ глиною трещины (*шпары*).

возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *лдвамы* (лавками), *полйцямы* (полки подъ потолкомъ) и вокругъ *мйснықывъ* и *сўдникывъ* (посудниковъ),—что все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невистка* молодая, или дочка щеголиха, *виструтуютъ дилъ* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудою* глиною, а гдѣ нужно и *накладаютъ* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городскаго мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *мазанкою свитлыцъ, кимнатъ. пекарень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ *(верхы трўсять)*.

За мазаньемъ слѣдуетъ *вымывання, перемывання, вичищання, шарування* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что только можетъ подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моятся и чистятся столы, лавы, *ослоны* (скамьи), а гдѣ есть *помости* (деревянные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвощанкамы* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *вихтыками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образй, помосты, полйци, судныкы, мйснықы стильчыкы* (маленькія скамейки), *кочерги, ухваты* (или *хваткы*), а гдѣ есть—коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати окажется какой-нибудь иностранецъ:—„На двиръ, на двиръ ів! кипячывъ, кипячывъ!" (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, „Щобъ и духу блощычого[1]) не було!"; тутъ моются и *вышаровуются* выхтыкамы горшки, *золинныкы, шырокачыкы* (виды горшковъ), *мыскы, полўмыскы, макитрй, рыночкй,* ложки, и т. д и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвощанкою, или вихтикомъ или

---

[1]) Блощыця—клопъ.

полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очипка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *пидтыкавшись, пидсмыкавшись,* хозяйка-украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорпаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что такое любовь хозяйки-украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Риздвяными святками, всеобщее мазання, вымывання, перемывання, шарованні, земляки мои бываютъ, повидимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: „Оце, чѐпурка!“ говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: „Проби—*зъ хаты*!.. не можна бачъ, було пидождать до Велы́кодня!“ и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова—не вѣрьте имъ: это или просто *брехня* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то, что думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и переспективою слоняться по двору и огороду, *на хдлоди та на лыхый годы́ни*, за неимѣніемъ по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что и въ ихъ собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чѐпурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ,—на этотъ разъ когда услышатъ брань за чистоту,—о, какъ возвышаютъ его! „Ничого вже вамъ, татусю, мабуть, оце балакать! Идить же, идить, кажу, зъ хаты!“ говорятъ онѣ; а мужу или брату: „Иды жъ, мени, кажу, зъ хаты! за добра̀ ума! Ато онъ ба̀чъ—кочерга?“ И татусь, или мужъ или братъ, идутъ изъ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто сердито ворча: „Ну-ну-ну! ты мени, зна̀ешь?... не тее!“ или: „Кочерга!!.. Гмъ, та въ кочергѝ два киньци!“ А какъ вый-

дутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: „Оце“, говорятъ: „хоть зъ двору тикай! Маруся такé мáзання пидняла, що й виконъ не выдно!“, а кумъ или сватъ, съ своего двора или огорода: „та й моя Ганна, теежъ—и шапкы нигде положыть!..“ И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свёкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну—словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично [1]).

Рядомъ съ мàзаннямъ идетъ и *праття* (мытье бѣлья...)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: „Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у этихъ выпачканныхъ дёгтемъ чумаковъ! вотъ что встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!“—правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки-землячки мои вымыли бы скверно, а съ

---

[1]) Къ числу приготовленій хозяйки-украинки для убранства хаты къ Роздвяннымъ святкамъ, относится и приготовленіе или закупка *теремкúвъ*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *пóкуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и и хуторовъ подгородныхъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Велúкдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Роздвяни святки, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великодни—пожалуй разскажу тогда о теремкахъ. Равнымъ образомъ, оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: разсказывать о нихъ я буду тогда, когда буду разсказывать о вечерѣ на Богàту кутю.

воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Швáбськи* полотна теперь туда не попадаютъ, а если и попадаютъ—не на что купить... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *десяткы, дванадцяткы*, а много-много *чотырнадцяткы* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ, мой читатель, удалось увидѣть четырнадцятку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ, или у какого нибудь *отецького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего лаютъ собаки,—или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и съ *граблямы* на плечахъ спѣшащихъ утромъ въ іюньскій понедѣльникъ, на гребовицу,—вы бы сказали—„батистъ!... снѣгъ!...“

Можете же себѣ представить послѣ этого, что за *прáття* бываетъ у насъ предъ Риздвяннымы святкамы, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочкы* на *выданню* (невѣсты), или два-три неженатые *сыны соколы́!*... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ пріемы украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или пестрядевые, и *напирныкы* съ подушекъ (наволоки), и *ря́дна*, и *рушныкы*, и *намы́ткы*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очи́пкы*, и *хусткы́*, и т. д.,—словомъ, все, чтó только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *вы́хтыка*, которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *абы якъ-небудь переходыть до святóкъ.*—Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, „придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя и некогда“,—нѣтъ! Во первыхъ, стирка бѣлья, по понятію украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы

заняться, напримѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день праздниковъ,—и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка-украинка, если только средства и время ей позволяютъ, непремѣнно увеличитъ къ такому празднику, какъ Риздвяппи святкы, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобъ къ празднику, каждому *була нова сорочка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣетъ своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было какъ можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды.—Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!... какіе у насъ наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами,—мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч.—и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много—не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится—отчего ему у насъ и не водиться? Но что въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *грошей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣлъ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба—могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не $4^1/_4$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, 1 р. 15 к. ср., пара,—3 р. 45 к.; пуда полтора соли—1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро—1 р. ср.; водки и рыбы для косарей:—кто поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы!—1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесятъ коп!!!*. А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присйпаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!... А серпы *зубйть*, *сокиру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется

и т. д. и т. д.. Ну, и „наша-жъ душа не зъ лопуцька [1]) и хоче того, що й людська",—можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!... Нѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ зъ этомъ году обновки къ Риздвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну другую овечку, продать *телйчку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придется откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутсва, или не случится что подобное—куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасби! выбачайте!...* [2])

Мы бѣдны и знаемъ, что „такъ горнуться, якъ одягнуться", но въ то же время любимъ, чтобы одёжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свято* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что такъ дорого нашей душѣ—*звычайностю, охайностю.* И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай,—если только средства сколько нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одёжи, стареньку—*про бу́день*, а новеньку—*про свя́то.* Вслѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ,—тотчасъ на себя, и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *будня*, ни *свята*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керѐю* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нови запаскй*—тотчасъ ихъ въ *скрйню* (сундукъ) или въ *хў́жу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свято, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свято, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, святу. Если средства намъ позволяютъ, мы даже такъ поступаемъ

---

[1]) *Лопуцёкъ*—очищенный, *облупленный* стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козёльцивъ*.

[2]) Богъ дастъ! Извините!

съ одёжею: вмѣсто двухъ ея перемѣнъ, мы имѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія украинскаго): старенькую перемѣну для будня,—которая поновѣе—для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая—для такихъ праздниковъ, какъ Риздвó или Велы́кдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому свя́ту.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромоглы́сь*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Риздвяннымъ праздникамъ или къ Велыкодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходыть*, обойтись стареньким. Если я еще весною *спромигся на лынтвари* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *почынъ́въ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плечи ничого накы́нуть*, а сдѣлаю къ Риздвяннымъ светкамъ, а до того пусть *якъ-небудь проходыть*,—въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сынъ мой Иванъ *прохóдывъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанáхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ женином кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожушáнка*—что называется „ла́та на ла́ти“: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежу изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ женином кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется—мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и

знаемъ, *що въ Хиври нема очіпка*... [1]) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычайному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: „скачы, враже, якъ панъ каже“, „нужда законъ змиия“, „сёго не знимуть, кращого не дадуть“ и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Риздву и къ Великодню, вполнѣ согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ виннокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ, возимъ масло, сыръ, *дробину* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкассы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д.,—словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравцямы* и *шевцямы*, тѣмъ болѣе, что наши *кравци* и *шевци* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пустыть* снѣгъ и попортитъ дороги и *токы*, когда ни молотить, ни ѣздить нельзя, а плетни плести и сѣять еще не пришла пора,—тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевыкы*, и за *каптанкй*, и за *корсеты*, а кто спроможется—и за жупани и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня)! на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возится некогда. А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обихода и для первой продажи,—тогда можно приняться и за платье—этакъ къ Риздву, около средины *Пылипивкы* (Филиппова поста).

Къ Риздвяннымъ светкамъ преимущественно приготовляются кожухи, *кереи*, свиты женскія и мужскія, *кожушанкы*, *чоботы*,

---

[1]) «У Февроньи нѣтъ повойника». Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: «Знаю, що въ Кузьми е гроши, та... и т. д.» Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но...

кажанкй (кожанокъ—баранья куртка; называется также и тужурбкъ) и такъ далѣе, словомъ, то, что носятъ по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушкомъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова: „Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змњйки* и серьги-*польки*... за которыя малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе“,—слова́, сказанныя авторомъ «Изслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Риздвянны святки (по крайней мѣрѣ что касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ свадьбъ,—столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мдже, й винъ прышле сватывъ!...* А влодѣи-*щетынныкы* и *коробейныкы*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачи* у нихъ такіе, и *намыстд* (мониста), и кольца-змѣйки, и серьги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-украинка старается запастись еще до наступленія Багатой кути, самые важные безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовленія *кути* и *узвдра.* Какъ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разсказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для кути ей нужна непремѣнно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть,

очищенная отъ *кукилю* и всякаго сору, перемытая, обыкновенно *тогордчня*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножаній ступи* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутею, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непремѣнно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панкáмы* и *полýпанкамы* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *биддта*, у которой нѣтъ ни *жмѐни* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ,—въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *кути*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутею*. Такого же обычая,—приготовлять кутю не изъ крупы пшеничпой, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мёдъ для кути, непремѣнно долженъ быть въ *сцильныкáхъ* (сотахъ), какъ можно, менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляныкы* [1]), а иногода и нарочито вынимаютъ оттуда пе-

1) Бджолянпкъ—погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму.—Буквы *дж*. произносятся въ этомъ словѣ какъ италіанское *g* предъ мягкими гласными.

.редъ Багатою кутей намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непремѣнно соты для кути, начинаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патокѣ—покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ пасѣчниковъ, а чаще всего—доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже.—Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной крупы, то гдѣ же ему взять мёду!.. Ѣдятъ въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдятъ.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдятъ мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Ѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу—цѣлая толпа народу, тоже путники. Сё, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутю пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что бы то ни стало достать,—толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-молъ! «Святощивъ не продають (того, что свято, не продаютъ)!" лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка.—„Дакъ такъ дай, спасыби тоби!"—„Такъ—можна!" и, поворотившись къ своей старухѣ,—„Дасы имъ, стара, якъ будемо исты, на брата, по грудоцци [1]), та й по пивложкы сыты, и по ложци узвару!..." Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина,—въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки.—Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: „Будь ласковъ, дидусю!"—Нѣтъ кути!—Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! „Вотъ," „говорятъ, „какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!"—Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: „Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай

[1]) По кусочку.

мнѣ, старуха, *лыхтарню* (фонарь), да не вымывай, миски, что ѣли кутю!" И взялъ фонарь и, поставивъ въ него *каганѐць* (особаго рода свѣтильнв), вышелъ изъ хаты. Чрезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: „Поижте", говоритъ, „хоть оцёго замисць узвару,—стари люды тàкъ насъ вчылы, пры нужди (поѣжьте хоть этого вмѣсто узвару,—старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!" И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мёду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанячылысь*, *панàмы помàзались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортилы, забулы Бога, перевернулысь изъ людей въ чòрзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковски звычаи*, и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рижу* (рису), тѣ, кромѣ рису, запасаются иногда и *родзы̀нкамы* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кути и узвара, занимаетъ приготовленіе *мясыва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бъетъ* вола, корову, *телыцю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи,—отъ которыхъ нельзя ждать *корысти*), и, если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ до Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколько недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ филипповымъ постомъ, чтобы заговѣть *дробынoю*, а потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ

случается большею частью съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торгахъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе—довольствуется одною-другою *гýскою,* или *кýркою,* а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ.... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ сосостояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *пидсвынокъ,* или хоть *порося,* непремѣнно у него будутъ откормлены и заколоты къ *Риздвý.* Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ переспективѣ, сало, колбасы, *кендюхъ* [1]), начиненный *грудны́ною,* кишки гречневыя или пшонныя, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненнныя горохомъ: и *торохтáть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!... „Глядить же, мамо, розбудить мене завтра, якъ будуть кабана смалыть!... Чи розбудете га?.. Розбудыть же...“—«И мене, и мене!..»—«Добре, добре, спить вже!» и дѣти, малъ-мала меньше, сладко засыпаютъ, убаюкиваемыя радостною мыслію, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалить... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣки, и смалятъ *ковáного* или *билого....* На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать.... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право—опять огонь и семья.... за рѣкой слышенъ лай собакъ.... на селѣ заблаговѣстили.... востокъ начинаетъ алѣть...

---

[1]) Брющинъ.

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-украинцевъ, готовящихся къ Риздвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горилци*.—Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пиввидрамы* или *пятырыкамы*, и квартами, и, можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Риздвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними—есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый украинецъ, даже не пьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною обязанностію, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучныя съ ними *добрйдни* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ свадьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается запастись ка Риздвяннымъ святкамъ разными настойками и *запиканками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутели* и—постарается запастись любимыми нами *перчыкивкамы*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *калганйвкамы*, *бодянивкамы* и т. д. и т д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпунтамы* или *шпунтушамы*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заморщины, запаются въ это время и *двойною*.

Били васылькы, ладонъ и воскъ. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонъ и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время, здѣсь же мы должны только показать, какъ мы ихъ себѣ достаемъ, или лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладану, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамаривъ*, или городскихъ, на *красныхъ торгахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки ростутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не наросли, то навѣрное наросли у *сусиды*, у кумы, или у свахи: *сёго дыва у насъ—абы хить*!

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-украинокъ воскъ и мёдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мёдъ пріобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога пріобрѣтать все, лишь бы только пріобрѣтать не на деньги, потому что, какъ, я уже сказалъ, земля наша велика и обильна но *грошей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки, у насъ, поэтому, мёдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей пасѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемаго труда, *берутъ* воскъ и мёдъ, и особенно воскъ, на *пивмйтка,* на *мóтокъ,* на *сорочку,* т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху или напрясть пивмитка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мёдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мёду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... „Дай“, говорятъ, „мнѣ воску, или мёду, на пивмитка или на сорочку!“ Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало, вѣроятно, способствовалъ другой обычай, существующій у моихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай—въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Бόжи Матери, Спасйтелеви,* угодникамъ святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственноручно заработаннаго,* и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску—куры не клюютъ, хоть пусть *гадюкы тутъ сычять* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта... потому что вѣруютъ мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки—„хто ламае слово, той виру ламае, той душу ламае, той Бога ламае!...“

Такъ достаютъ себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достаютъ ихъ предъ Риздвянными святками по-преиму-

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ А. А. Потебней.

Въ нашу редакцію на дняхъ доставлена однимъ изъ давнихъ учениковъ покойнаго профессора А. А. Потебни интересная рукопись его, сохранившаяся въ автографѣ. Хотя рукопись имѣетъ спеціальный педагогическій характеръ, но мы считаемъ долгомъ помѣстить ее въ нашемъ журналѣ въ приложеніяхъ, такъ-какъ находимъ, что, помимо значенія ея для современной намъ жизни, она представляетъ большой интересъ, какъ матеріалъ, такъ сказать, историческій, свидѣтельствующій о томъ народническомъ настроеніи, которое и въ молодые годы было удѣломъ тогда только что начинавшаго свою ученую карьеру адъюнкта Харьковскаго Университета А. А. Потебни. Конечно, въ методахъ обученія грамотѣ за послѣднія 40 лѣтъ сдѣлано много шаговъ впередъ, но они относятся главнымъ образомъ къ обученію дѣтей, а не взрослыхъ: вѣдь у насъ и по сей день нѣтъ хорошо составленнаго руководства для учащихся въ воскресныхъ школахъ, особенно же въ примѣненіи къ разнымъ этнографическимъ единицамъ. Вотъ почему мы считаемъ, что особенную цѣну можетъ имѣть печатаемая нами рукопись, дающая богатый матеріалъ современнымъ составителямъ учебниковъ въ подборѣ чисто народныхъ поговорокъ, загадокъ и изреченій, пріуроченныхъ къ изучаемому новому звуку, а также дающихъ поводъ учащему сдѣлать самое обученіе не сухимъ, безжизненнымъ, а исполненнымъ тѣхъ осмы-

сляющихъ началъ, безъ которыхъ немыслима школа ни высшая, ни средняя, ни низшая.

Рукопись доставлена намъ при слѣдующемъ письмѣ владѣльца ея:

Въ редакцію „Кіевской Старины“.

Въ 186⁴/₅ г. покойнымъ Ал. Аѳ. Потебней подаренъ былъ мнѣ, въ рукописи его, малорусскій букварь, составленный по звуковому методу, съ конца 50-хъ годовъ входившему въ обиходъ при обученіи грамотѣ въ возникавшихъ въ Россіи воскресныхъ школахъ.

Какъ молодой ученый, идеально честный и правдивый человѣкъ, Ал. Аѳ. не могъ не принимать живаго участія въ мѣстныхъ воскресныхъ школахъ и личнымъ опытомъ убѣдился, что для большинства „воскресниковъ“, въ особенности изъ окраинъ Харькова, въ начальномъ обученіи настоятельно необходима родная рѣчь, чѣмъ и объясняется составленіе покойнымъ настоящаго букваря. Букварь этотъ, съ одобрительной помѣтой профессора Зернина, не былъ своевременно напечатанъ, вѣроятно, по причинамъ, отъ автора независѣвшимъ: то были тревожныя времена, когда даже массы цѣннаго этнографическаго матеріала сотлѣли въ нѣдрахъ земли совершенно безслѣдно и навсегда.

Передавая мнѣ свой букварь, будущій знаменитый философъ-филологъ, между прочимъ, какъ теперь помню, сказалъ: „возьмите себѣ этотъ набросокъ, быть можетъ онъ когда нибудь пригодится!“ Я тогда переписывалъ для печати знаменитое изслѣдованіе покойнаго „О полногласіи“.

Прошло 35 лѣтъ съ того времени. Дорогая рукопись, къ счастію, отыскалась въ моемъ книжномъ скарбѣ, и я теперь передаю ее въ распоряженіе редакціи „Кіев. Старины“, съ признательной памятью о незабвенномъ профессорѣ—другѣ.

В. Гавришъ.

25 іюня 99 г. Каневъ.

Бай-ка, лайка, бі-йка, ря-бый, о-буй-ся. Объ Мы-ко-лы, тай ни-ко-лы. Грыбъ, лобъ, лубъ, зубъ, дубъ, го-лубъ, не-любъ, то-ди де-ры лубъ-я, якъ де-руть-ся. На без-рыбь-и и ракъ ры-ба. Ти-кай го-лый, бо об-де-руть. Об-ла-ва, бла-гос-ло-вить, об-ли-за, блы-ны, блызь-ко, об-лигъ об-ляг-ты, гре-бля, люб-лю, об-лу-да, блу-дыть, об-ру-бать, брусъ, об-ры-вать, брыль, брысь. Не влывъ, а вбрыз-кавъ, братъ, брать. До-бре ро-бы, доб-ре й бу-де. Доб-ре ис-ты, та вы-со-ко лиз-ты, грыб-кы, луб-кы, дуб-кы, го-луб-ка, дриб-но, буб-ны, довб-ня, довб-ты, куль-ба-ба, стриль-ба, юр-ба, вер-ба. Гор-ба-то-го до стины (прытулывъ). Горбъ, свадь-ба, дба-ю, и-зба, зба-влять.

П. Па-ра. Ни си-ло ни па-ло, дай, ба-бо, са-ло. Якый панъ, та-кый е-го крамъ. Ба-га-то па-нивъ, а на гре-блю й ни-ко-му. Ту-манъ по-ле по-кры-вае. Свое золото и въ по-пе-ли выд-но. Безъ Бо-га не до по-ро-га. По бо-ро-ди тек-ло, а въ ро-ти не бу-ло. Ка-ту-зи по за-слу-зи. По-са-ды дур-ня за стилъ, а винъ и но-гы на стилъ. Пе-ре-ме-лыть-ся, му-ка бу-де. Не бу-де ды-ва зъ се-го пы-ва. Якъ е бать-ко, то бывъ бы, а якъ не-ма, то ку-пывъ бы, та ни-де. Пы-сарь пы-савъ. Пу-га, пу-то, пъя-те-е ко-ле-со, пья-но-му мо-ре по ко-ли-на, Якъ бы знат-тя, де у-па-ду, пи-до-славъ бы со-ло-мы. *Заг.* Хо-ро-шій то-варъ зпидъ зем-ли йде.

Ко-пай яму, пый воду, на-пій коня, рыпъ у две-ри, сыпъ ме-ду, крупъ, рыба, по-рогъ, снипъ, со-ло-ма, сто-кипъ. Коли не пипъ, той не вби-рай-ся у ры-зы. Теп-ло, дупло, пла-кать, пла-вать, плести, плугъ, рып-лять две-ри. Скры-плять во-ро-та. Не плюй у ко-ло-дезь, сплю. Правъ, якъ ду-га. Не все ко-ту мас-ны-ця: прый-де се-ре-да й пьят-ны-ця. На-няв-ся—про-дав-ся. *Заг.* Ля-гла Га-ся, про-стя-гла-ся, а якъ у-ста-не, то не-ба до-ста-не. По-га-на спра-ва ко-ло дядь-ко-во-го воза. Ко-луп-ны гли-ны, на-пны свы-ту, на пни про-дать, лап-ка, лыпка, Не все зъ ры-бко-ю: ин-ко-лы зъ рипкою. *Заг.* Биглы

два псы, по-за-ды-ра-лы но-сы (по-лозь-я) Сто-ять сто-впы, ні-якъ не до-тов-плюсь. Не-ма впы-ну вдо-вы-ному сы-ну. Стовпъ до не-ба. Гор-пы-на, тер-плю го-ре, терп-кый, пи-сля Спа-са, ля-гай спа-ты, нумъ спи-вать.

Х. Ха-та, ха-ля-ва, До-ма-ха, му-ха, пря-ха. Ты-ха во-да гре-бли рве. Изъ-за го-ры ви-тэръ віе, бе-ре-зонь-ку хы-лыть. Хи-ма, му-хы, Хо-ма та Яре-ма, хортъ. По-ва-дыв-ся ку-холь по во-ду хо-ди-ты, по-кы ему у-хо зло-млять. По-на-ды-лась со-ба-ка за во-зомъ хо-ды-ты, тай за саньми не вы-тер-пыть. За дур-но-ю го-ло-во-ю та но-гамъ лы-хо. Го-во-ры Клы-ме: хай тво-е не гы-не. Мовъ о-ро-хомъ объ сти-ну, бу-ло хо-дымъ, ху-ру го-нымъ, ли-ха хур-то-вы-на.

Хай е-му ле-гень-ко зга-да-ет-ся. Лю-дей слу-хай, а свій ро-зумъ май. Хоть го-лый, такъ у пид-вьяз-кахъ. На сло-вахъ, якъ на вир-га-нахъ. Свій, не свій, а у го-рохъ не лизь. О-бухъ на ляхъ, михъ, лёхъ, нюхъ. Го-лод-ній ку-ми хлибъ на у-ми, хло-сту дать, сы-за хма-ра, я-рый хмиль, за-ва-ле-на до-ро-га хмы-зомъ, хра-мать, хрестъ, кистки хру-стять. По-кы хваль-ко на-хва-лыть-ся, будь-ко на-бу-дет-ся. Хве-диръ, хво-ро-ба, хвистъ. Зъ брех-ни лю-де не мруть, та у дру-ге имъ ви-ры не ймутъ. Хны-кать. Хто не слу-ха-е та-та, той по-слу-ха-е ка-та. Хто ро-быть, той ма-е, хто ра-но вста-е, то-му й Богъ да-е. Пры-мха, верхъ, вильха.

Ж. О-са жа-лыть, ме-жа, ро-жа. Не мо-ре то-пыть,— калю-жа. У-же. Заг. Од-но ка-же: „сви-тай Бо-же“, друге каже: „не дай Бо-же“, тре-те ка-же: „ме-ни все од-на-ково (чи въ день чи въ но-чи)“ (вик-но, две-ри, сво-локъ). Бе-ре-же-но-го й Богъ бе-ре-же. Ро-бы, не-бо-же, то-й Богъ по-мо-же. Чу-же пе-ре-сту-пы, та не беры. За мо-е жы-то, та ме-не и бы-то. Со-ба-ка на си-ни ле-жыть, са-ма си-на не исть, и дру-гымъ не да-е. *Заг.* За-га-да-ю за-гад-ку, за-кы-ну за грядку, не-хай мо-я за-гад-ка годъ до го-ду ле-жыть (жы-то по-сія-не). По-га-но-му жы-во-ту

й пы-ро-гы ва-дя-ть, жов-та мидь, жо-лудь. По не-во-ли на-ни ходыть у жу-па-ни: бо свы-ты кат-ма. До Свя-того Ду-ха не кы-дай ко-жу-ха, а по свя-тимъ ду-си у тимъ же ко-жу-си. Ка-завъ панъ: „ко-жухъ, дамъ", тай сло-во его те-пле. Зна-ты свое до-бро и въ ка-лю-жи.

Не вва-жай на вро-жай: сій жы-то, хлибъ бу-де. На чу-жый трудъ ла-сый не будь. Хлибъ—силь ижъ, а правду рижъ *Заг.* Межъ тре-мя ду-ба-мы за-вья-зло те-ля зубамы (со-ки-ра). Збиж-жя, за-миж-жя, важ-но, мож-но, жны-во, иж-мо, мок-рый—хоть вы-жмы, жре, а не исть, тыж-день. Не знавъ ко-закъ ни го-ря, ни нуж-ды. Два тре-тё-го не ждуть. За-пы-сав-ся, о-хо-то-ю въ служ-бу. Ко-лы медъ, то и лож-ко-ю. Колы до Ивана просо въ ложку, то буде и въ ложку. До-ро-га лож-ка до о-би-да, до-ро-гый, якъ за де-неж-ку пи-сто-леть. На дво-ри имъ жыть. Изъ нымъ дру-жы а ка-мень за па-зу-хою дер-жы. Ой кинь и-рже, тра-ва вьяне, вже пиз-но. Безъ пид-жо-гы и дро-ва не го-ря-ть, о-же-ре-ло, ожиг-нуты. Бджо-ла каже: „кор-мы ме-ни до Йва-на, а я те-бе о-дягну, якъ па-на".

Ш. Ша-нуй го-ры й мо-сты. На зло-дію шап-ка горытъ. До-брав-ся якъ вовкъ до ко-ша-ры, про вовка помовка, а вовкъ у кошари. Въ ре-ше-ти во-ду но-сыть. *Заг.* Ле-тивъ птахъ о ше-сты но-гахъ, тай сивъ на мо-гы-ли: „Боже ты мій мы-лый от-туть, моя сыла огнемъ погорила" (бджола, церква й воскова свичка). „Хто до каши?"—я!,— А товк-ти? Озы-вай-тесь (*ще*) хто. Знай, ля-ше, по-кы на-ше (по Случъ наше). У ба-за-ри два дур-ня: одинъ де-ше-во дае, дру-гый до-ро-го про-сыть. Шы-ты, би-лыты: зав-тра Ве-лыкдень. Про-па-лы, якъ ру-ди мы-ши. Добро пушыть лыхо сушыть. Дай Бо-же на-шо-му те-ля-ти вов-ка пій-ма-ты. Ой не шу-мы, лу-же, ты зе-ле-ный га-ю.

Не ми-шай-ся межъ чу-жи лы-ка. Ку-пывъ бы се-ло, та гро-шей го-ло. Въ яр-ма-рокъ безъ гро-шей—до до-му по-ро-жній. Брех-не-ю свитъ прой-дешъ, та на-за-дъ не

вер-нес-ся. Не вжа-лу-ешъ бать-ка въ най-махъ. Вид-ри-за-на скы-ба видъ хли-ба, то вже не пры-ту-лышъ. У хли-ба ниж-кы ко-ро-тень-ки, а якъ по-би-жыть (якъ упу-стымъ), то й дов-гы-мы не пе-ре-же-нешъ. Дер-жыт-ся, якъ вошъ ко-жу-ха. Де-ше-ва рыб-ка, по-га-на юш-ка. Ку-пывъ ко-та въ миш-ку. Бод-рыт-ся мовъ шку-ратъ на вог-ни. Зъ од-но-го во-ла по дви шку-ры не де-руть. Такъ радъ, якъ то-риш-не-му сни-го-ви. На-ля-кавъ михъ, то й тор-бы страш-но. *Заг.* За ли-сомъ, за про-ли-сомъ шнуръ плят-тя вы-сыть (у-си зу-бы). Доб-ре изъ гриш-мы. Гриш-ва. Прот-вы. Вы-ми-нявъ шы-ло за швай-ку. Про-павъ якъ Шведъ пидъ Полтавою. Пош-лы дур-но-го, а за нымъ дру-го-го. Не взяв-шысь за со-кы-ру, ха-ты не зро-бышь. Бильшъ ковша лы-ха не бу-де. Пер-шо-го тор-гу не кы-дай-ся. Хоть гир-ше, та ин-ше. На-смі-я-ла-ся вер-ша бо-ло-ту, о-гля-ну-лась, — и са-ма въ бо-ло-ти. Крип-ше. Лап-ша. И ду-рень ка-ши на-ва-рыть, абы пшо-но та са-ло. Ба-ба зъ во-за, ко-бы-ли лех-ше.

Ч. Ча-сомъ зъ ква-сомъ, по-ро-ю зъ во-до-ю, не и-ла ду-ша ча-сны-ку, не бу-де й во-ня-ты. Че-резъ пень ко-ло-ду ва-лыть. Ко-лыбъ Богъ слу-хавъ че-ред-ны-ка, то за ли-то-бъ у-ся че-ре-да вы-дох-ла. По-ло-вы-на сви-та пла-че, по-ло-вы-на ска-че. Швыд-кый, якъ че-ре-па-ха. Безъ ха-зя-ина и то-варъ пла-че, а безъ ха-зяй-кы ха-та. На ли-че-ній ко-бы-ли не да-ле-ко по-и-дешъ. На чы-имъ во-зи сы-дышъ, то-го й во-лю во-лышъ. Чымъ ха-та ба-га-та, тымъ и ра-да. Не вга-да-ешъ по-ло-вы-ны зъ ду-ба ле-тя-чы. На-ско-чы-ла ко-са на ка-мень. Правда (письмо) очи ко-ле. Думка за мо-ремъ, а смерть за пле-чы-ма. Дви-чи лы-ха не бу-вае. Тры-чи зми-ряй, а разъ вид-рижъ. Гро-мада ве-лы-кій чо-ло-викъ *Заг.* Би-ла-рил-ля, чо-рне на-син-ня (бу-ма-га та пись-мо).

Вов-ка въ плугъ, а винъ къ чор-ту въ лугъ. Бо-дай

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 30. 40. 50. 60. 70. 80. 90. 100.

а, е, и, о, у,
я, є, ї, ё, ю.

М. Мо-я, ма-ма. Ма-ю ма-му. Мое-ю ма-мо-ю. Я-ма, и-мо, ё-му, мы-мо, у-мі-е-мо, умі-ю, у-мы-ю.

Аи, ай, ой, ей, май, мый, у-мый, мій, умій. Умъ, имъ, у-мі-емъ.

Л. Ла-ю, ла-ма-ю, ма-ла-я, ма-ло, мы-ло, ло-мы ло́-ю, а-лы-лу-я. Ля-ля, мы-ля, ме-лю, лю-ля, мо-лю, ма-лю-ю, мы-лу-ю, о-лі-я, ма-лю-е-мо, мы-лу-е-мо,

Лай, лый, ма-лый, мы-лый, лій, у-лій, мы-луй, ма-люй.

Мыль, мыль, миль, ме-лемъ, мо-лымъ, ломъ, ло-млю, млі-ю, уль-ли, мы-ля.

Р. Ра-ломъ, о-ра-лы, ма-ра, ми-ра, ли-ра, ми-ро-ю, ры-ю, гри-ло, о-ры, я-ры, о-ре, мо-ре, о-рю, рю-ма-е, Ма-рі-я.

Рай, рый, Ю-рій, рій, ми-ряй, яръ, еръ (ъ), ерь (ь), мыръ, мирь, (ми-ряй), ма-ляръ, ри-марь, яр-мо, Ер-мо-лай.

В. Ва-ва, ва-рю, ва-лю, мо-ва, ла-ва, о-лы-ва, ве-лю, вы-ю. вы-лы, вы-рій, ло-вы, во-ва, во-лы, во-ля, о-лы-во, ва-ры-во, ві-ю, ви-ру-ю, вилъ, ре-ку.

Вы-ли-вай, вый, ли-вый, вій, вій-я, ивъ, ве-ливъ, ва-рывъ, мавъ, левъ, вы-мывъ, ривъ, рывъ, ма-лю-вавъ.

Вар-ва-ра, и-рва-ла, вы-рва-ла, въ мыру, въ міру, вмеръ, въ ли-во, ло-влю, мо-влявъ,

Н. На мо-ри, во-на, ма-лы-на, во-ро-на, но-вы-на, не-ма-е въ ме-не ны-вы, ла-ны, ны-ю, ли-ны-вій, по-ра,

ра-но, во-но, вы-но, ну-мо, ни, ни-ма-я, ме-ни, лы-нi-я, лы-нi-ю, ня-ня, ня-ню, во-ня-е.

Мы-най, Ной, ми-няй, ни-мый, ланъ, ро-менъ, лынъ, а-минь, винъ, ре-минь, лёнъ, ре-мин-ный, ви-рно, мир-но мар-но, ум-но, мно-ю, мня-ло, рив-но, имен-ня, и-льня-ный,

З. За мно-ю, ло-за, за-но-за, ры-за, зе-мля, зе-ле-но, о-зе-ро, зо-ря, ли-зу, а-ни ра-зу, зи-ма, зиль-ля ва-ры-ла.

Вы-ли-зай-мо зъ ямы, за-ймы во-лы, не-ймы ви-ры, азъ, разъ, мо-розъ, за-мо-розь. Я лизъ, ты лизъ, заразъ, визъ. Изъ-за ло-зы, возь-ми, из-ме-лы, зме-лы, зми-ряй, змi-я, роз-мо-ва, роз-ва-лы, зва-лы, во-на зва-ла, зва-рю, зво-ню, вы-зво-лю, зла-мавъ, роз-ла-мавъ, злый, риз-но, зна-ю, роз-ри-за-лы, зрiсъ.

С. Са-мо, са-ло, са-ны не визъ, о-са, ро-са змы-е, ла-са, се-ло не се-ло, Се-менъ оре, сыны мои, сызый, сы-ва-я зозуля, сы-не мо-ре, у-си, не-сы, ми-сы, и-сы, еси, со-ва, не до со-лы, сы-ла со-ло-му ло-ме, со-ромъ, Су-ла, су-лi-я, Су-мы, не-су, си-но, се-му, во-лу.

Сей, сеймъ, лысый, вилъ, ла-сый, сiй си-мья, у насъ, о-весъ, у-весь, у васъ, ось, зла-ма-лось, во-лосъ, лисъ, вы-рисъ, а у-ма не вы-нисъ, усъ, насъ ловлятъ, ма-сло, ве-сло, не-сло, сло-во, сла-ва, о-слинъ, слы-ва, вес-на, яс-на, ряс-но, о-сно-ва, сны-лось, сну-ю, лисъ, ма-лый, сма-лы, смо-ла, сми-лый, возь-мы у лисъ волы, сво-и, свини, о-весъ, вив-са. Не ивъ зо-мливъ, на-ив-ся—зва-лывся, изъ села, зъ села.

Г. Га-ля, га-манъ, га-лунъ, мы-га-е, но-гы, гы-ря. Лы-са го-ра, ма-ло го-ря, га-сы о-гонь, го-во-рю, го-вi-ю, го-ло-ва, го-минъ, у се-ли, гы-ля гу-сы, гу-ля-ю.

Зе-ле-ный гай, ля-гай рано, гей волы, мыгъ, лугъ, лигъ, мигъ, мыгну, гну, гнiй, гны-лый, лугъ, ла-ма-е, глазъ, глы-на, глумъ, не глу-зуй зъ е-го, глянь, лягла, гра-ю, гры-ву, за-грузъ, гриз-ный, гримъ, грязь, Ив-га, не вга-вае, ор-ганъ, мор-га-ю.

К. Ка-лы-на, ка-ли-ка, ка-зна, ру-ка, му-ка, на-у-ка со-ро-ка, о-сы-на, кы-ва-е го-ло-во-ю, ки-силъ, Кы-ивъ, гу-кы, ра-кы, со-кы-ра, ко-са, ко-ра, ко-за, ко-за-кы, ко-ле-со, ко-мо-ра. Я-ке ко-рин-ня, (таке) на-сін-ня, о-ко, в-ико, лы-ко, мо-ло-ко, ни-ко-лы, ку-ры, ма-ку, ру-ка ру-ку мы-е. На ру-ку ко-винь-ка. Е въ глеку мо-ло-ко, (та) го-ло-ва не вли-зе. Голою рукою не займай. Гу-кай на во-лы. Кый, я-кый, куй за-лизо. Якъ, ка-юкъ, макъ, ракъ, гу-сакъ, ма-слакъ, ко-закъ, ви-ныкъ, яр-лыкъ. Ко-лы не ко-валь, и рукъ не ка-ляй. Лукъ, сукъ, со-рокъ, ки-локъ, рикъ, викъ, ликъ. Сире сукно ли-зе въ вик-но (ра-нокъ, свитъ). Кныга, князь, ракъ ли-зе, клюй. Во-ронъ во-ро-ну о-ка не вы-клю-е, кля-ну, якъ ракъ, кра-ю, край, и къ Рыму, у Крымъ, кры-ло, прі-ю, кри-во, кре-минь, кре-са-ло, и-кра, ис-кра, скры-ня, скризь, мыс-ка, ска-мья, скиль-ко, Ро-меньськый, Рим-ськый, и къ вамъ, квасъ, про-ква, верёвска, нывка. На вов-ка (по-мовка), вовкъ, мам-ка, рын-ка, скрынь-ка. Гал-ка, гил-ка, Галь-ка, люль-ка, гулькъ, гир-ка, гир-ко, ны-зько склызь-ко.

Д. Да-ю, да-ле-ко, зе-ле-на ро-са-да, ве-лы-ка ко-ло-да [1]). Коляда, вы-со-ке де-ре-во, ко-закъ и-де, зе-мля гу-де, де-ру ку-де-лю. Я-зыкъ до Кы-е-ва до-ве-де, и до кы-я, до-ю ко-ро-ву, гир-ка до-ля, до-лы-на, до-ло-ня, ве-лы-ка до-ро-га, до-мо-вы-на, дов-го, се-ре-ди-на, га-ды-на, го-ды-на, си-рый дымъ, ду-ля, ду-ма. Дур-но-му го-ря не-мае. И-ду, и-ду, ни ко-лисъ, ни слиду (чо-венъ). Дя-ку-ю лю-дямъ, у не-ди-лю ни до ди-ла,

Дай Боже!—Робы небоже. Лю-дей, мо-ло-дый, го-дуй, ра-дуй-ся, ко-ло-дій. Садъ, ладъ, ве-редъ, выдъ, на-родъ, годъ, го-родъ, судъ, рядъ, ридъ, глидъ, мидь, суд-дя. Надъ моремъ, подъ ме-не, на дме, на-дму, видь-ма, идь-мо, рид-на ро-ды-на, ряд-но, выд-но, од-но, зло, вид-ри-завъ. надъ ри-ко-ю. дри-ма-ю, ви-дро, дрань, другый, дрюкъ,

---

[1]) Дарма Ярма, абы волы булы.

над-ло-млю, си-дло, надъ во-до-ю, дво-е, два, дви-ръ, глад-ко, со-лод-ко, рид-ко, дядь-ко, редь-ка, роз-даю, здо-ровъ, звиз-да, гни-здо, глуздъ, гараздъ. ор-да, вда-рю.

Т. Та-та-рынъ, та-ланъ, Та-расъ, во-ро-та, ро-кы-та, зе-ле-на ру-та, кру-та мья-та, я-ки са-ны, та-ки й са-мы. Де-ся-та во-да на ки-се-ли. Е са-ло, та не для ко-та, те-ля-та, те-не-та, те-ре-за. Ку-ля мы-не, а ме-те-ры-не сло во не мы-не, на-те, ну-те, ма-ты, мы-ле вов-ку те-ля, та де е-го взя-ты? то-ло-ка, ли-то, зо-ло-то, ту-та, ту-да. *Загадка.* Ме-ту, ме-ту, не вы-ме-ту; не су, не-су, не вы-не-су, тям-лю, би-ле ти-ло, ти-мья, тю-тюнъ.

Сви-тай, ди-тей, зо-ло-тый, катъ, гарь. Во-ро-на ма-лень-ка, та ротъ ве-ли-кій, мо-лотъ, мо-лоть. *У* во-ди не то-не, у вог-ни не го-рыть. Сви-тыть, та не грі-е (мисяць). Кумъ, китъ, вор-китъ, де-вьять, де-сять, сим-де-сятъ. Вов-ка но-гы го-ду-ють, смит-тя, золот-тя. Сви-тло, ко-тлы, метла, тра-ва, тры, тро-е, тре-тій. Ку-ды гол-ка, ту-ды й ныт-ка. Лыт-ва. Ма-те-рын-ська мо-лы-тва зо дна мо-ря вы-йма-е, тво-я во-ля, вес-ты, нес-лы, тіе-то, сто, якъ вы-ро-сте на до-ло-ни во-лос-ся, *Загадка.* Сто-ить стри-ла се-редъ дво-ра, а въ тій стри-ли, сим-сотъ и дви. До-ма й сти-ны по-ма-га-ють. За симъ верстъ ки-си-ля і-сты, тяг-ты мог-ты, ковтать, ви-второкъ, вер-тать, за-мер-ты.

Б. Сер-ды-ла ся ба-ба на торгъ, а торгъ (про те) и не зна. Ве-лы-ка до не-ба, та дур-на, якъ тре-ба. Ни ры-ба, ни мъя-со. *Заг.* У Кы-е-ви дрова рубають, а на у-весь мыръ трис-кы летять (дзвинъ и луна). Не-во-ле-ю тиль-ко та-та-ры бе-руть, гу-бы, зу-бы, лю-бы, бо-ло-то, бо-ро-на. Су-бо-та не ро-бо-та. За сы-ро-то-ю Богъ зъ ка-лы-тою. То-варъ у во-зи, а на-ді-я у Бо-зи *Заг.* Сто-ить дидъ надъ во-до-ю, ко-лыва е бо-ро-до-ю (очеретъ). Не бу-де Га-ля, бу-де дру-га-я, зъ ду-ру якъ зъ ду-бу. Симъ рикъ ма-ку не ро-ды-ло, та го-ло-ду не бу-ло. Не ра-зомъ Кра-кивъ збу-до-ва-ный, але сла-венъ. Тре-ба, якъ биль-мо у во-ко.

Бай-ка, лайка, бі-йка, ря-бый, о-буй-ся. Объ Мы-ко-лы, тай ни-ко-лы. Грыбъ, лобъ, лубъ, зубъ, дубъ, го-лубъ, не-любъ, то-ди де-ры лубъ-я, якъ де-руть-ся. На без-рыбь-и и ракъ ры-ба. Ти-кай го-лый, бо об-де-руть. Об-ла-ва, бла-гос-ло-вить, об-ли-за, бли-ны, близь-ко, об-лигъ об-ляг-ты, гре-бля, люб-лю, об-лу-да, блу-дыть, об-ру-бать, брусъ, об-ры-вать, брыль, брысь. Не влывъ, а вбрыз-кавъ, братъ, брать. До-бре ро-бы, доб-ре й бу-де. Доб-ре ис-ты, та вы-со-ко лиз-ты, грыб-кы, луб-кы, дуб-кы, го-луб-ка, дриб-но, буб-ны, довб-ня, довб-ты, куль-ба-ба, стриль-ба, юр-ба, вер-ба. Гор-ба-то-го до стины (пры-тулывъ). Горбъ, свадь-ба, дба-ю, и-зба, зба-влять.

П. Па-ра. Ни си-ло ни па-ло, дай, ба-бо, са-ло. Якый панъ, та-кый е-го крамъ. Ба-га-то па-нивъ, а на гре-блю й ни-ко-му. Ту-манъ по-ле по-кры-вае. Свое золото и въ по-пе-ли выд-но. Безъ Бо-га не до по-ро-га. По бо-ро-ди тек-ло, а въ ро-ти не бу-ло. Ка-ту-зи по за-слу-зи. По-са-ды дур-ня за стилъ, а винъ и но-гы на стилъ. Пе-ре-ме-лыть-ся, му-ка бу-де. Не бу-де ды-ва зъ се-го пы-ва. Якъ е бать-ко, то бывъ бы, а якъ не-ма, то ку-пывъ бы, та ни-де. Пы-сарь пы-савъ. Пу-га, пу-то, пья-те-е ко-ле-со, пья-но-му мо-ре по ко-ли-на, Якъ бы знат-тя, де у-па-ду, пи-до-славъ бы со-ло-мы. *Заг.* Хо-ро-шій то-варъ зпидъ зем-ли йде.

Ко-пай яму, пый воду, на-пій коня, рыпъ у две-ри, сыпъ ме-ду, крупъ, рыба, по-рогъ, снипъ, со-ло-ма, сто-кипъ. Коли не пипъ, той не вби-рай-ся у ры-зы. Теп-ло, дупло, пла-кать, пла-вать, плести, плугъ, рып-лять две-ри. Скры-плять во-ро-та. Не плюй у ко-ло-дезь, сплю. Правъ, якъ ду-га. Не все ко-ту мас-ны-ця: прый-де се-ре-да й пьят-ны-ця. На-няв-ся—про-дав-ся. *Заг.* Ля-гла Га-ся, про-стя-гла-ся, а якъ у-ста-не, то не-ба до-ста-не. По-га-на спра-ва ко-ло дядь-ко-во-го воза. Ко-луп-ны гли-ны, на-пны свы-ту, на пни про-дать, лап-ка, лыпка, Не все зъ ры-бко-ю: ин-ко-лы зъ рипкою. *Заг.* Биглы

два псы, по-за-ды-ра-лы но-сы (по-лозь-я) Сто-ять сто-впы, ні-якъ не до-тов-плюсь. Не-ма впы-ну вдо-вы-ному сы-ну. Стовпъ до не-ба. Гор-пы-на, тер-плю го-ре, терп-кый, пи-сля Спа-са, ля-гай спа-ты, нумъ спи-вать.

Х. Ха-та, ха-ля-ва, До-ма-ха, му-ха, пря-ха. Ты-ха во-да гре-бли рве. Изъ-за го-ры ви-теръ віе, бе-ре-зонь-ку хы-лыть. Хи-ма, му-хы, Хо-ма та Яре-ма, хортъ. По-ва-дыв-ся ку-холь по во-ду хо-ди-ты, по-кы ему у-хо зло-млять. По-на-ды-лась со-ба-ка за во-зомъ хо-ды-ты, тай за саньми не вы-тер-пыть. За дур-но-ю го-ло-во-ю та но-гамъ лы-хо. Го-во-ры Клы-ме: хай тво-е не гы-не. Мовъ о-ро-хомъ объ сти-ну, бу-ло хо-дымъ, ху-ру го-нымъ, ли-ха хур-то-вы-на.

Хай е-му ле-гень-ко зга-да-ет-ся. Лю-дей слу-хай, а свій ро-зумъ май. Хоть го-лый, такъ у пид-вьяз-кахъ. На сло-вахъ, якъ на вир-га-нахъ. Свій, не свій, а у го-рохъ не лизь. О-бухъ на ляхъ, михъ, лёхъ, нюхъ. Го-лод-ній ку-ми хлибъ на у-ми, хло-сту дать, сы-за хма-ра, я-рый хмиль, за-ва-ле-на до-ро-га хмы-зомъ, хра-мать, хрестъ, кисткы хру-стять. По-кы хваль-ко на-хва-лыть-ся, будь-ко на-бу-дет-ся. Хве-диръ, хво-ро-ба, хвистъ. Зъ брех-ни лю-де не мруть, та у дру-ге имъ ви-ры не ймутъ. Хны-кать. Хто не слу-ха-е та-та, той по-слу-ха-е ка-та. Хто ро-быть, той ма-е, хто ра-но вста-е, то-му й Богъ да-е. Пры-мха, верхъ, вильха.

Ж. О-са жа-лыть, ме-жа, ро-жа. Не мо-ре то-пыть,— калю-жа. У-же. Заг. Од-но ка-же: „сви-тай Бо-же“, друге каже: „не дай Бо-же“, тре-те ка-же: „ме-ни все од-на-ково (чи въ день чи въ но-чи)“ (вик-но, две-ри, сво-локъ). Бе-ре-же-но-го й Богъ бе-ре-же. Ро-бы, не-бо-же, то-й Богъ по-мо-же. Чу-же пе-ре-сту-пы, та не беры. За мо-е жы-то, та ме-не и бы-то. Со-ба-ка на си-ни ле-жыть, са-ма си-на не исть, и дру-гымъ не да-е. *Заг.* За-га-да-ю за-гад-ку, за-кы-ну за грядку, не-хай мо-я за-гад-ка годъ до го-ду ле-жыть (жы-то по-сія-не). По-га-но-му жы-во-ту

й пы-ро-гы ва-дя-ть, жов-та мидь, жо-лудь. По не-во-ли па-ни хо-дыть у жу-па-ни: бо свы-ты кат-ма. До Свя-то-го Ду-ха не кы-дай ко-жу-ха, а по свя-тимъ ду-си у тимъ же ко-жу-си. Ка-завъ панъ: „ко-жухъ, дамъ", тай сло-во его те-пле. Зна-ты свое до-бро и въ ка-лю-жи.

Не вва-жай на вро-жай: сій жы-то, хлибъ бу-де. На чу-жый трудъ ла-сый не будь. Хлибъ—силь ижъ, а прав-ду рижъ *Заг.* Межъ тре-мя ду-ба-мы за-вья-зло те-ля зубамы (со-ки-ра). Збиж-жя, за-миж-жя, важ-но, мож-но, жны-во, иж-мо, мок-рый—хоть вы-жмы, жре, а не исть, тыж-день. Не знавъ ко-закъ ни го-ря, ни нуж-ды. Два тре-тё-го не ждуть. За-пы-сав-ся, о-хо-то-ю въ служ-бу. Ко-лы медъ, то и лож-ко-ю. Колы до Ивана просо въ ложку, то буде и въ ложку. До-ро-га лож-ка до о-би-да, до-ро-гый, якъ за де-неж-ку пи-сто-леть. На дво-ри имъ жыть. Изъ нымъ дру-жы а ка-мень за па-зу-хою дер-жы. Ой кинь и-рже, тра-ва вьяне, вже пиз-но. Безъ пид-жо-гы и дро-ва не го-ря-ть, о-же-ре-ло, ожиг-нуты. Бджо-ла каже: „кор-мы ме-ни до Йва-на, а я те-бе о-дяг-ну, якъ па-на".

Ш. Ша-нуй го-ры й мо-сты. На зло-дію шап-ка го-рытъ. До-брав-ся якъ вовкъ до ко-ша-ры, про вовка по-мовка, а вовкъ у кошари. Въ ре-ше-ти во-ду но-сыть. *Заг.* Ле-тивъ птахъ о ше-сты но-гахъ, тай сивъ на мо-гы-ли: „Бо-же ты мій мы-лый от-тутъ, моя сыла огнемъ погорила" (бджола, церква й воскова свичка). „Хто до каши?" —я!.— А товк-ти? Озы-вай-тесь (*ще*) хто. Знай, ля-ше, по-кы на-ше (по Случъ наше). У ба-за-ри два дур-ня: одинъ де-ше-во дае, дру-гый до-ро-го про-сыть. Шы-ты, би-лыты: зав-тра Ве-лык-день. Про-па-лы, якъ ру-ди мы-ши. Добро пушыть лыхо сушыть. Дай Бо-же на-шо-му те-ля-ти вов-ка пій-ма-ты. Ой не шу-мы, лу-же, ты зе-ле-ный га-ю.

Не ми-шай-ся межъ чу-жи лы-ка. Ку-пывъ бы се-ло, та гро-шей го-ло. Въ яр-ма-рокъ безъ гро-шей—до до-му по-ро-жній. Брех-не-ю свитъ прой-дешъ, та на-за-дъ не

вер-нес-ся. Не вжа-лу-ешъ бать-ка въ най-махъ. Вид-ри-за-на скы-ба видъ хли-ба, то вже не пры-ту-лышъ. У хли-ба ниж-кы ко-ро-тень-ки, а якъ по-би-жыть (якъ упу-стымъ), то й дов-гы-мы не пе-ре-же-нешъ. Дер-жыт-ся, якъ вошъ ко-жу-ха. Де-ше-ва рыб-ка, по-га-на юш-ка. Ку-пывъ ко-та въ миш-ку. Бод-рыт-ся мовъ шку-ратъ на вог-ни. Зъ од-но-го во-ла по дви шку-ры не де-руть. Такъ радъ, якъ то-риш-не-му сни-го-ви. На-ля-кавъ михъ, то й тор-бы страш-но. *Заг.* За ли-сомъ, за про-ли-сомъ шнуръ плят-тя вы-сыть (у-си зу-бы). Доб-ре изъ гриш-мы. Гриш-ва. Прот-вы. Вы-ми-нявъ шы-ло за швай-ку. Про-павъ якъ Шведъ пидъ Полтавою. Пош-лы дур-но-го, а за нымъ дру-го-го. Не взяв-шысь за со-кы-ру, ха-ты не зро-бышъ. Бильшъ ковша лы-ха не бу-де. Пер-шо-го тор-гу не кы-дай-ся. Хоть гир-ше, та ин-ше. На-смі-я-ла-ся вер-ша бо-ло-ту, о-гля-ну-лась, — и са-ма въ бо-ло-ти. Крип-ше. Лап-ша. И ду-рень ка-ши на-ва-рыть, абы пшо-но та са-ло. Ба-ба зъ во-за, ко-бы-ли лех-ше.

Ч. Ча-сомъ зъ ква-сомъ, по-ро-ю зъ во-до-ю, не и-ла ду-ша ча-сны-ку, не бу-де й во-ня-ты. Че-резъ пень ко-ло-ду ва-лыть. Ко-лыбъ Богъ слу-хавъ че-ред-ны-ка, то за ли-то-бъ у-ся че-ре-да вы-дох-ла. По-ло-вы-на сви-та пла-че, по-ло-вы-на ска-че. Швыд-кый, якъ че-ре-па-ха. Безъ ха-зя-ина и то-варъ пла-че, а безъ ха-зяй-кы ха-та. На ли-че-ній ко-бы-ли не да-ле-ко по-и-дешъ. На чы-имъ во-зи сы-дышъ, то-го й во-лю во-лышъ. Чымъ ха-та ба-га-та, тымъ и ра-да. Не вга-да-ешъ по-ло-вы-ны зъ ду-ба ле-тя-чы. На-ско-чы-ла ко-са на ка-мень. Правда (письмо) очи ко-ле. Думка за мо-ремъ, а смерть за пле-чы-ма. Дви-чи лы-ха не бу-вае. Тры-чи зми-ряй, а разъ вид-рижъ. Гро-мада ве-лы-кій чо-ло-викъ *Заг.* Би-ла-рил-ля, чо-рне на-син-ня (бу-ма-га та пись-мо).

Вов-ка въ плугъ, а винъ къ чор-ту въ лугъ. Бо-дай

е-го лы-ха го-ды-на у дядь-ка слу-жы-ла: вы-мов-лявъ по-сто-лы, а винъ ку-пывъ чо-бо-ты. А-бы не ле-жа-чо-го Та-та-ры взя-лы. Мо-я ха-та зъ краю, я ни-чо-го не зна-ю. Не за-ми-тай чу-жо-и хы-жи: ды-вись, чи сво-я за-ме-те-на. Чу-жа ха-та ги-рше ка-та. Ды-ты-на не пла-че, ма-ты не ро-зу-мі-е. Зъ чужого коня хочь посередъ калу вставай. Кинь зъ ко-немъ, вилъ зъ воломъ, а сви-ня объ тынъ, ко-лы ни зъ кымъ. На по-хы-ле-е де-ре-во й ко-зы ска-чуть. *Заг.* Крык-нувъ вилъ на сто гиръ на ты-ся-чу го-ро-дивъ (гримъ). *Заг.* Крык-ну-ла ут-ка, на мо-ри чут-ка; збиг-лы-ся дитки не од-ны-и мат-кы (дзвинъ и пры-хо-жа-не). Пидъ лежачій ка-мень во-да не те-че. Ни грачъ, ни по-ма-гачъ. На-дув-ся якъ сычъ. Хоть блызь-ко, та слызь-ко, хочъ да-ле-ко та лег-ко. Луч-че сво-е ла-та-не, нижъ чу-же-е ха-па-не; луч-че сво-е лох-мат-не нижъ чу-же про-хат-не. Клоч-чя, струч-чя, яч-мень. Боч-ка ме-ду, лож-ка дег-тю. За-хо-ти-лось гы-ри про-тывъ ночи кис-нычка. *Заг.* Ма-ты гла-ду-ха, доч-ка кра-су-ха, а сынъ ку-че-ря-вый (пичъ во-го-нь та дымъ). Мов-чы та дышъ. Помовчъ я-зыч-ку: кашкы дамъ. Глу-хый не вчу-е, та вы-ду-ма. Слав-ни буб-ны за го-ра-мы, ажъ при-йти ближ-че—со-ба-ча шку-ра.

Ц. *Заг.* Чор-нень-ке, ма-лень-ке, у-весь свитъ про-ви-да-ло, въ ца-ря оби-да-ло (перецъ). *Заг.* Ни ви-конъ, ни две-рей, повна цер-ква лю-дей (огирокъ). Дур-ня й у цер-кви бьють. Мед-видь ду-жый, та киль-це въ носи. По-павъ паль-цемъ въ небо. Здав-ся цы-ганъ на сво-и ди-ты. Да-ле-ко ку-цо-му да зай-ця. Ганяютъ якъ соло-ного зайця. Бре-ха-ти не ци-помъ ма-ха-ты. За-че-пыв-ся за пень тай сто-явъ ци-лый день.

Заг. Пов-на пичь па-ля-ныць, по-се-ре-ды-ни кнышъ (зо-ри та мисяць). Якъ по-и-дешъ въ объ-издъ, то бу-дешъ на о-бидъ, а якъ на про-стецъ, то у ве-черъ. Пе-ре-кы-дай-мо, ди-ду, хли-вець, чи не до-бу-де-мо дри-вецъ. По-кы сон-це зій-де, ро-са о-чи вы-исть. *Заг.* Лы-сый

вилъ кризъ во-ро-та ды-выт-ся (мисяць). Вов-ка боят-ся у лисъ не хо-дыть. Не плюй у ко-ло-дезь, до-ве-дет-ся во-ды напытыся. На ла-сый ку-сокъ знай-дет-ся ку-токъ. *Заг.* Ши-ло мо-то-вы-ло по пидъ не-бе-са-мы хо-дило, по-ни-мець-ки го-во-ры-ло,поту-рець-ки за-кы-да-ло(ластивка).

Щ. Ран-ня пташ-ка но-сокъ про-чы-ща, а пиз-ня о-чы-ци про-ты-ра. Богъ не безъ мы-ло-сты, ко-закъ не безъ ща-стя. Де ще те те-ля, а винъ зъ довб-не-ю но-сит-ся. *Заг.* Ле-жыть ко-ло-да се-редь бо-ло-та, та ще й не гны-е (языкъ). Ой не пи-де до-щыкъ безъ ту-чи, безъ гро-му; ой не пи-де див-ка за-мижъ та безъ по-го-во-ру. *Загад.* А-що въ ха-ти на по-хва-ти (ки-локъ у две-рей). *Заг.* А що въ ха-ти не-те-са-не? (па-ву-ты-на). *Заг.* А що въ ха-ти безь до-щу росте? (сажа). Ба-чы-лы о-чи, що ку-по-ва-лы, иж-тежъ, хоть по-вы-лазь-те. — На-що про-да-ешъ? — тре-ба-—На-що ку-пуе-шъ? — тре-ба. До-бри зу-бы, що й ки-силь идять. Не въ тимъ сы-ла, що ко-бы-ла сы-ва, а якъ во-на ве-зе. Не те, що ме-те, а те, що зъ вер-ху йде. Не все-те пе-рей-мать, що на во-ди плы-ве. Не тиль-ко сви-та, що въ вик-ни. До-бра та ричъ, що е въ ха-ти пичъ. Не бій-ся тіи со-ба-кы, що бре-ше. Дар-ма вер-ба, що грушъ не-ма: не-хай и не ро-дыть. На те ко-валь кли-щи дер-жыть, щобъ рукъ не пек-ты. На до-гадъ бу-ря-кивъ, щобъ да-лы ка-пу-сты. На те щу-ка въ мо-ри, щобъ ка-рась не дри-мавъ. *Заг.* Плы-ве щу-ка зъ Кре-мен-чу-ка: ку-ды гля-не, тра-ва вья-не (ко-са). Ве-лы-ка хма-ра, та ма-лый дощъ. Не спы-тав-шысь броду, та мер-щій у во-ду.

Нахожу весьма полезнымъ и сообразнымъ съ цѣлію
профессоръ *Зернинъ.*

Составилъ Адъюнтъ Харк. Унив. *А. Потебня.*